

1180

63
И 907

ИСТОРИЯ *Петербурга*

ИСТОРИЯ Петербурга

Дорогие читатели!

На журнал «История Петербурга»
можно подписаться в любом
отделении связи по каталогу
«Роспечати»

Подписной индекс 14244

Журнал «История Петербурга»
выходит 6 раз в год

Наш журнал можно
приобрести в магазинах:

«Летний сад»

(Большой пр. П.С., 82,

тел. 232-2104),

«Дом Крылова»

(Садовая ул., 20,

тел. 310-4487),

«Галерея Третьякова»

(Пионерская ул., 2,

м. «Спортивная»),

«Подписные издания»

(Литейный пр., 57),

Книжный магазин-клуб

(Каменноостровский пр., 13

(Австрийская площадь),

а также

во многих центральных

книжных

магазинах Петербурга

Салон Петербург
АНТИКВАРИАТ ОСН. 1990 Г.

*Живопись, мебель,
прикладное искусство,
ювелирные изделия*

с 10.00 до 20.00 ежедневно

Невский пр., 54

(метро «Гостиный Двор»)

напротив Екатерининского сада

тел.: 571-40-20

nevsky54@mail.ru

ИСТОРИЯ ПЕТЕРБУРГА

№ 5 (39). 2007

Содержание

Б. С. Аракчеев К читателям журнала	3	З. В. Ханутина Статуэтки из собрания Г. Шлимана	48
Т. И. Щербакова Антирелигиозная выставка 1930 года и подготовка к созданию Музея истории религии	4	О. С. Хижняк «Буддийский рай» в Музее истории религии	51
Т. В. Чумакова Музей истории религии АН СССР в 1931–1934 годах	7	ИЗ ИСТОРИИ КОНФЕССИЙ В ПЕТЕРБУРГЕ	
М. М. Шахнович Как закрывали ленинградский Музей истории религии АН СССР (1946–1947 годы)	13	М. В. Басова Храм на молочном заводе	53
И. А. Пономарев Санкт-Петербург, Почтамтская улица, 14/5	18	В. А. Безродин Из истории русского военного духовенства	57
С. М. Иванова Отдел книжных фондов Государственного музея истории религии	22	К. К. Чекоданова Трезвеннические движения на берегах Невы (конец XIX – начало XX века)	60
ПЕТЕРБУРЖЦЫ И ПЕТЕРБУРЖЕНКИ		М. В. Птиченко Под сводами мasonicского храма	63
О. В. Вольфцун Историк-медиевист Г. Э. Петри	26	Н. В. Ревуненкова О двух петербургских пасторах	67
В. Н. Мазурина Осор Будаев: буддийский монах, художник, сотрудник Музея истории религии	30	А. А. Кириленко Юхо Сааринен: финский пастор в Петербурге	71
ИЗ ИСТОРИИ КОЛЛЕКЦИЙ ГМИР		В. А. Бачинин Библейское общество в Петербурге XIX века	74
Г. А. Ченская Уникальный напрестольный крест из коллекции Музея истории религии	36	К. А. Костромин Старообрядчество в Санкт-Петербурге по данным храмостроительства	79
И. Х. Черняк Бюст папы Льва X из собрания ГМИР	38	Л. А. Юрковская Авва Киприан. Памяти Н. К. Юрковского	86
Р. Т. Рашкова Портрет папы Пия XI работы Э. К. фон Липгарта в собрании ГМИР	42	СТРОИТЕЛЬСТВО И АРХИТЕКТУРА	
В. А. Христановский Два лика античного Боспора	46	А. Ю. Епатко Летний дворец императрицы Анны Иоанновны	89
		СЛУЖИЛЫЙ ПЕТЕРБУРГ	
		П. Ф. Дершиев Военно-морской парад на Неве	96
		ГОРОД ДАЛЕКИЙ И БЛИЗКИЙ	
		И. М. Корчевский Не вычеркнуть из памяти народной...	98
		Сведения об авторах	100

Главный редактор

С. Н. Полторак, доктор исторических наук, профессор

Редакционная коллегия

Л. И. Амирханов

Е. В. Анисимов, *доктор исторических наук, профессор*

Ю. С. Васильев, *доктор технических наук, профессор, академик РАН*

Б. Д. Гальперина, *доктор исторических наук, профессор*

Р. Ш. Ганелин, *доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН*

Н. К. Гуркина, *доктор исторических наук, профессор*

В. С. Измозик, *доктор исторических наук, профессор (заместитель главного редактора)*

Е. Я. Кальницкая, *кандидат искусствоведения*

А. Н. Кашеваров, *доктор исторических наук, профессор*

В. М. Лурье

Г. В. Митчелл, *доцент*

Г. В. Михеева, *доктор педагогических наук, профессор*

О. И. Молкина

Ю. В. Мудров

В. Е. Павлов, *доктор технических наук, профессор*

Р. Э. Павлова

В. Н. Плешков, *доктор исторических наук, профессор*

А. А. Смирнова, *доктор исторических наук, доцент*

Т. М. Смирнова, *доктор исторических наук, профессор*

В. П. Третьяков, *доктор психологических наук, профессор*

И. М. Триодина, *кандидат культурологии, доцент*

С. Б. Ульянова, *кандидат исторических наук, доцент*

А. Н. Чистиков, *кандидат исторических наук*

В. П. Яковлев, *кандидат исторических наук, профессор (заместитель главного редактора)*

Журнал основан и зарегистрирован 20 июля 2000 г.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № 2-4602

Выдано Территориальным управлением по Санкт-Петербургу и Ленинградской области

Учредитель С. Н. Полторак

Адрес редакции

195251, Россия, Санкт-Петербург-251, Политехническая ул., 29

Тел.: (812) 534-28-28; 335-31-00 (тональный режим (*), 4224)

E-mail: nestorklio@mail.ru

poltorak2006@yandex.ru

Редакция журнала принимает к рассмотрению материалы и иллюстрации в одном экземпляре объемом до 0,5 п.л. (электронная версия обязательна).

Материалы не возвращаются и не рецензируются.

Подписка на журнал «История Петербурга»

осуществляется по каталогу агентства «Роспечать»

Индекс 14244

© «История Петербурга», 2007

© Авторы публикаций, 2007

© Издательство «Нестор», 2007

Перепечатка публикаций допускается с согласия редакции журнала.

Ссылка на журнал «История Петербурга» обязательна.

На 1-й странице обложки — Государственный музей истории религии. *Фото Т. И. Вишняковой.*

На 4-й странице обложки — Казанский собор. *Фото Т. И. Вишняковой.*

К читателям журнала

Открывшему свои двери для посетителей 15 ноября 1932 года Государственному музею истории религии в этом году исполняется 75 лет. За годы своего существования в нашем городе музей стал его неотъемлемым элементом.

Располагаясь долгое время в стенах Казанского собора, на главной транспортной и туристической артерии Ленинграда–Петербурга, музей привлекал к себе тысячи посетителей и пользовался большой известностью. С наступлением XXI века в истории музея наступил новый этап. Он переехал в здание на Почтамтской улице и обрел новую жизнь, но сохранил свой уникальный и неповторимый характер.

Аналогов петербургскому Музею истории религии в мире нет. Он поражает разнообразием фондов, образованных по конфессиональному принципу. В его коллекциях собраны экспонаты по истории религий от древнейших времен до наших дней. В экспозиции представлена эволюция религиозных верований от самых ранних их форм до современных.

Внимание научных сотрудников музея сосредоточено главным образом на изучении музейных предметов и коллекций. Важное место в научно-исследовательской проблематике музея занимает Петербург как город, который с момента своего основания стал точкой соприкосновения многих народов и их религий. Благодаря многовековому сближению различных этнических групп в Петербурге сложился особый духовный климат, характерными чертами которого были уважительное отношение друг к другу, бережное отношение к своему городу, единство и многообразие культур.

Настоящий номер журнала «История Петербурга» приурочен к юбилею Государственного музея истории религии и призван познакомить читателей с важнейшими вехами в его истории, основными направлениями деятельности музея в прошлом и настоящем, уникальными экспонатами из его коллекций и интересными страницами из истории поликонфессионального Петербурга.

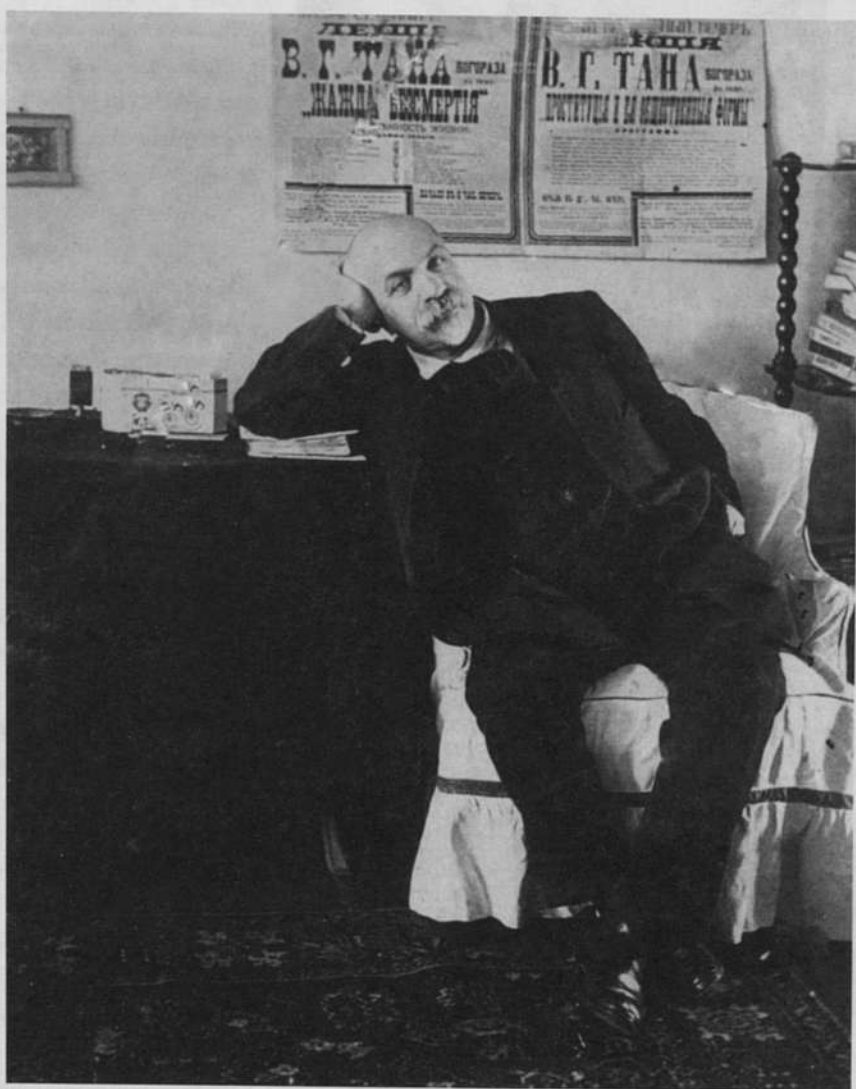
Б. С. Аракчеев,
директор Государственного музея
истории религии

Антирелигиозная выставка 1930 года и подготовка к созданию Музея истории религии

Т. И. Щербакова

В начале двадцатых годов прошлого века жизнь в Музее антропологии и этнографии АН СССР, старейшем в России музейном учреждении, знаменитой Кунсткамере, шла своим чередом. По словам профессора В. Г. Богораз-Тана, в то время «воинствующее безбожие еще не проникло в сознание работников науки»¹, и сотрудники занимались организацией отдела эволюции и типологии культуры, идея которого принадлежала выдающемуся исследователю Л. Я. Штернбергу. В рамках той работы был создан план периодических выставок, наглядно отображавших эволюцию и типологию отдельных культурных явлений. С помощью подлинных вещей и предметов предполагалось показать «важнейшие элементы человеческой культуры в их историческом развитии, в виде генетически связанных и причинно обусловленных рядов»². Вскоре были подготовлены и с успехом прошли три выставки: «Первобытные орудия и оружие», «Огонь в истории культуры» и «Эволюция типов жилищ». Планировалось также представить эволюцию ткачества, украшений и одежды, музыкальных инструментов и религиозных верований человечества³. Идея последнего проекта принадлежала В. Г. Богораз-Тану. Он полагал, что это будет сравнительно-типологическое экспонирование культовых предметов народов мира от глубокой древности до современности. Однако в ходе работы, затянувшейся на несколько лет, стало ясно, что первоначальный замысел необходимо менять.

В 1928 году вышло постановление ВЦИК и СНК РСФСР «О

В. Г. Богораз-Тан (1865–1936) – первый директор МИР АН СССР

музейном строительстве», в котором была выдвинута программа превращения музеев в центры пропаганды и воспитания трудящихся в духе социализма. Музейным сотрудникам необходимо было перестроить свою работу в соответ-

ствии с требованиями того времени. Как писала исследовательница И. И. Шангина, «в эти годы важным условием победы социализма в стране, наряду с индустриализацией и коллективизацией, стала считаться перестройка обществен-

Наивно полагать, что выставка была безупречной и восторженно принималась всеми. Как у любого проекта, у нее имелись свои недостатки. Но выставка была сделана и успешно функционировала. В прессе появились отклики по поводу значимости и важности антирелигиозной выставки в деле воспитания молодого поколения. Отметим две большие публикации: доброжелательную статью директора Эрмитажа академика И. А. Орбели, напечатанную в газете «Правда», и обстоятельную статью самого В. Г. Богораз-Тана в «Ленинградской правде»⁸. Все это дало основание ставить вопрос о превращении выставки в постоянный музей. Летом 1930 года с таким предложением в Президиум АН СССР, в ведении которого находилась выставка, обратился Центральный Совет Союза воинствующих безбожников (ЦС СВБ). Президиум Академии наук признал необходимость организации в числе учреждений АН СССР постоянного музея по истории религии. В связи с этим 7 сентября 1930 года было принято постановление № 22⁹. И хотя это было лишь «признание необходимости», а не утверждение организации музея, которое произошло лишь через год, для Эрмитажа оно стало неприятным прецедентом: новый музей мог претендовать на закрепление за собой временно занимаемых площадей.

Реакция со стороны дирекции Эрмитажа была незамедлительной. В начале октября 1930 года в Президиум АН СССР было направлено официальное письмо с резкими нападками на выставку и требова-

нием «о немедленном освобождении помещения, необходимого для нужд одного из отделов»¹⁰. После недавнего доброжелательного отклика И. А. Орбели о выставке это письмо, по сути, ставило вопрос о свертывании выставки и прекращении ее деятельности в здании Зимнего дворца. В. Г. Богораз-Тан встал на защиту своего детища: доказывал, добивался, обосновывал. Одно из первых его обращений было адресовано непременно секретарю Академии наук С. Ф. Ольденбургу, человеку уважаемому и влиятельному. Речь в нем шла о том, что будущий музей должен стать уникальным учреждением, в котором будут собраны материалы по всем древним верованиям и современным религиозным конфессиям. Эти богатейшие собрания станут основой просветительской деятельности музея по истории религии и ее роли в жизни общества. В. Г. Богораз-Тан подчеркивал, что музей с такой спецификой нельзя размещать в культовом здании, поскольку экспозиция должна нести яркую антирелигиозную направленность. Но по иронии судьбы и решению властей музею вскоре предоставили здание Казанского собора на Невском проспекте, закрытого по постановлению ЦИК СССР в 1929 году и пустовавшего уже несколько лет. Это произошло лишь в 1932 году, пока же В. Г. Богораз-Тан продолжал отстаивать право на существование антирелигиозной выставки.

Противостояние дирекции Эрмитажа и организаторов выставки длилось более года. Для В. Г. Богораз-Тана и его единомышленников оно было насыщено интенсивной

работой по подготовке документов, требовавшихся для организации нового музея, а также активной перепиской с ответственными государственными органами Москвы и Ленинграда. Архивы сохранили многочисленные документы, включающие серию предварительных решений и постановлений Академии наук и секретариата ЦИК СССР. Отметим только решение Президиума ЦИК СССР об организации Музея религий, принятое 26 апреля 1931 года; постановление Президиума АН СССР от 13 мая 1931 года «Об утверждении Музея по истории религий» в числе самостоятельных учреждений АН»¹¹ и циркулярный документ секретариата АН СССР от 1 июля 1931 года (№ 62-125), в котором говорилось о том, что наряду с Соляной лабораторией и Карабугазской научно-исследовательской станцией в состав академии вошел Музей истории религии (МИР)¹².

В печати тогда появилась информация о создании нового музея в Ленинграде. Журнал «Советская этнография» в разделе «Хроника» поместил материал, в котором тезисно излагались основные направления деятельности Музея истории религии АН СССР: «...новое учреждение имеет своей задачей изучение религии как одной из общественных надстроек... от зарождения религии до современности. Вместе с тем Музей истории религии должен... отразить историю атеистического движения от древностей до наших дней»¹³. Эти задачи, сформулированные еще в 1931 году, реализовывались сотрудниками музея на протяжении всего его существования.

¹ Петербургский архив филиала РАН (ПАФ РАН). Ф. 250. Оп. 3. № 99. Л. 39.

² Музей антропологии и этнографии Академии наук СССР (МАЭ) в 1927/28 г.: Хроника // Этнография. 1928. № 2. С. 141–142.

³ Черняков З. Е. Выставка первобытных орудий и оружия (МАЭ. Академия наук СССР) // Этнография. 1928. № 1. С. 119–122; Он же. Огонь в истории культуры. Выставка МАЭ Академии наук СССР // Этнография. 1930. № 1–2. С. 148–149; Он же. Эволюция типов жилищ. Выставка МАЭ. Академия наук СССР // Этнография. 1930. 1–2. С. 149–150.

⁴ Шангина И. И. Русский фонд этнографических музеев Москвы и Санкт-Петербурга: История и пробл. комплектования. 1867–1930 гг. СПб., 1994. С. 130.

⁵ ПАФ РАН. Ф. 250. Оп. 3. № 99. Л. 39–41.

⁶ Там же. Л. 39–40.

⁷ Там же. Л. 3.

⁸ Там же. Л. 62–63.

⁹ Там же. Ф. 2. Оп. 1. № 140.

¹⁰ Там же. Ф. 250. Оп. 3. № 99. Л. 5.

¹¹ Там же. Ф. 2. Оп. 1931. № 5. Л. 67.

¹² Там же. Л. 105.

¹³ К организации Музея истории религии Всесоюзной Академии наук: Хроника // Сов. этнография. 1931. № 1–2. С. 171–172.

Музей истории религии АН СССР в 1931—1934 годах¹

Т. В. Чумакова

В начале XX века в Академии наук исследованиями религии занимались преимущественно сотрудники Музея антропологии и этнографии. Именно благодаря их трудам советские исследования религии оказались в конце 1920-х — начале 1930-х годов в авангарде мировой науки. И неудивительно, что именно ученый с мировым именем В. Г. Богораз-Тан, известный своими трудами о чукчах, и выступил с инициативой создания музея нового типа, сочетающего в себе научную и популяризаторскую деятельность, — Музея истории религии.

20-е и 30-е годы XX века для отечественной науки были тяжелыми. Несмотря на все трудности, Академия наук была озабочена состоянием отечественной культуры, спасением религиозных и культурных ценностей. Идея создания в тот период религиозно-этнографического музея была почти призрачной. Единственный довод, к которому могли прибегнуть создатели музея, — антирелигиозная пропаганда. К сожалению, для советского периода развития отечественной науки это было нормой — многие научные работы (и не только по истории религии, но и по современному западному искусству и музыке) можно было вести, прикрываясь идеологическими лозунгами. Естественно, что Академия наук, ставя в качестве основной цели своей деятельности научную работу, а не агитацию и пропаганду, даже антирелигиозные выставки соглашалась проводить только в том случае, если они будут просветительскими. Так, в 1920-е годы антирелигиозные выставки устраивались Политпросветом, который периодически обращался за научной поддержкой в Академию наук. Но руководители академических музеев (Азиатского музея и Музея антропологии и этнографии) дава-

Открытие Музея истории религии АН СССР. 15 ноября 1932 г.
В центре — академик В. П. Волгин, справа от него — В. Г. Богораз-Тан,
слева от него — Н. М. Маторин

ли согласие на участие своих музеев в устраиваемых Политпросветом выставках по истории религий только в том случае, «если выставка ограничится популяризацией научных данных»².

Предыстория МИРА начинается в 1923 году, когда заведующие отделами Музея антропологии и этнографии РАН Л. Я. Штернберг и В. Г. Богораз-Тан предложили создавать антирелигиозные выставки из копий и репродукций экспонатов МАЭ³. Они стояли у истоков российского религиоведения как самостоятельной дисциплины⁴. Кроме того, их смело можно назвать в числе тех, кто способствовал институционализации отечественной этнографии, ведь до 1917 года она не была предметом университетского преподавания, и все этнографы в определенной мере были самоучками⁵. Именно благодаря усилиям тех «самоучек» стал возможен прорыв в 20-х — начале 30-х годов в русской этнографической науке прошлого столетия. Непременный секретарь АН СССР С.

Ф. Ольденбург писал в 1927 году: «В этнографии мы заняли одно из самых выдающихся мест, особенно благодаря количеству и разнообразию того этнографического материала, который нами собран, и продуманности и новизне методов собирания и исследования»⁶.

Стремление этнографов изучать религию совпало с желанием властей разоблачать ее при помощи знаний. Впервые и то и другое вполне совпало при организации антирелигиозной выставки 1930 года, подготовленной к пятилетию Союза воинствующих безбожников совместными усилиями сотрудников Государственного Эрмитажа и Музея антропологии и этнографии АН СССР. Торжественное открытие выставки состоялось 15 апреля в 13 часов в Белом зале Зимнего дворца⁷. Выставка пользовалась широкой популярностью. За время работы на ней побывали 19 320 человек⁸. 17 апреля в газете «Ленинградская правда» была опубликована статья члена-корреспондента АН И. А. Орбели «Антирели-

гиозная выставка музея АН». В статье отмечалась решающая роль Музея антропологии и этнографии в деле создания выставки. В заключение он отмечал, что «выставку нужно рассматривать как своего рода обязательство, вексель, даваемый научными работниками МАЭ, с показанием того, что они хотят и, несомненно, смогут... дать для создания в Ленинграде настоящего антирелигиозного музея». И действительно, вскоре, 7 сентября 1930 года, Президиум АН СССР рассмотрел отношение Центрального Совета воинствующих безбожников по вопросу о превращении антирелигиозной выставки в постоянный Антирелигиозный музей при АН. Причин, по которым организовали МИР, было две. Во-первых, это институционализация исследований по изучению религии, повлекшая за собой необходимость создания соответствующих структур⁹, во-вторых, нужды атеистической пропаганды, которые и позволили создать музей. Если научные потребности были понятны ученым, то чиновникам от науки ближе были утилитарные цели и нужен «музей, который строят не для ученых людей, а для массы». В конце 1930 года академиком Н. Я. Марру и А. А. Борясь было поручено разработать вопрос о создании антирелигиозного музея¹⁰. Через полгода, 28 апреля 1931 года, Академия наук приняла решение о преобразовании Антирелигиозной выставки в постоянный Музей по истории религии¹¹. 13 мая в АН СССР было доложено постановление Президиума ЦИК СССР об утверждении Музея истории религии в числе самостоятельных учреждений АН. Было создано организационное бюро в составе академиков Н. Я. Марра (председатель) и С. Ф. Ольденбурга, будущего директора музея В. Г. Богораз-Тана, директора МАЭ Н. М. Маторина и управляющего делами АН С. Б. Вольнского¹². Они разработали проект положения о Музее истории религии, который был утвержден 11 июля 1931 года на заседании Президиума АН. Исполняющим обязанности директора был назначен В. Г. Богораз-Тан¹³. Окончательное утверждение положения о музее состоялось 6 октября 1931 года¹⁴. 15 ноября 1932 года прошло торжественное открытие Музея истории

Музей истории религии АН СССР. 1934 г. Экспозиция «Религия феодального общества на Западе»

религии в помещении Казанского собора. Были представлены две временные выставки: «История Казанского собора» и «Религия и атеизм на Западе»¹⁵. В основу концепции музея было положено представление об институте-музее, который сочетал бы научно-исследовательскую и экспозиционную работу. Эту концепцию четко сформулировал академик Орлов, выступая на открытии МИРа: «...название "музей" не соответствует такому предприятию. Это, собственно го-

воря, не музей, но я должен заметить, что музей АН это не есть музей, а это исследовательские институты очень большой глубины»¹⁶. Был создан музей эволюции и типологии религий, одинаково интересный как для специалистов, так и для обычных, в том числе и маленьких, посетителей. В музее сразу же началась интенсивная экспозиционная и научная работа. На открытии музея В. Г. Богораз-Тан сформулировал программу его развития: «Мы должны соединить наше научное выявление и художественное оформление вместе в одно органическое целое»¹⁷.

Музей открылся в помещении Казанского собора, но решение о предоставлении МИРу здания храма появилось не сразу. Первоначально музей размещался в Эрмитаже. В. Г. Богораз-Тан писал 19 июня 1931 года управляющему делами АН СССР С. Б. Вольнскому о возможности устройства музея в Александро-Невской лавре: «Вопрос о помещении по-прежнему остается неопределенным. ...Эрмитаж выдвигает решительный протест, мотивируя его срывом своего производственного плана. Помимо того, сравнительно небольшое помещение в Эрмитаже для нас чрезвычайно тесно. К нам стекается множество ценнейшего материала, большую часть бесплатного, и хранить его приходится в уборной, за неимением кладо-

Сотрудники МИР АН СССР. 1935 г. Сидят (слева направо): Ю. П. Францев, А. Н. Полякова, В. Г. Богораз-Тан, Г. О. Монзеллер, М. Потапов. Стоят (слева направо): В. И. Недельский, М. И. Шахнович, Н. А. Мезенцев, А. Н. Новиков, А. А. Невский, Л. Н. Мануйлова, Н. Н. Тройницкий, С. И. Клементов, Г. Э. Петри. Первый справа – В. О. Биссикирский

вых. Сотрудники работают в тесном чулане, где невозможно повернуться... Наши неустанные поиски натолкнули нас на следующие возможности: на территории Лавры имеется обширное помещение до полутора тысяч кв. метров ныне свободное, представляющее исторические усыпальницы, имеющие вид большого двухэтажного здания, без специфической церковной архитектуры... Здание состоит из 3-х больших зал. Нижний этаж отапливается... Обширная Александрово-Невская Лавра является большим беспризорным имуществом. Многие помещения пусты. Впрочем, на ее территории работает 8 церковных двадцаток... Посещаемость ее, особенно в летнее время огромная... в Лавре помещается антирелигиозное помещение Публичной библиотеки, кладбище Музея Главнауки... районный Педагогический Музей, Дом коммунистического просвещения и Институт народов Севера»¹⁸.

Казанский собор был закрыт решением Президиума Леноблисполкома и Ленинградского совета народных депутатов от 26 декабря 1931 года как здание, которое «имеет исключительную архитектурно-историческую ценность и для сохранения таковой требуется значительная сумма средств, которой двадцатка (имелась в виду церковная «двадцатка». – Т. Ч.) не имеет»¹⁹, благодаря чему собор постепенно разрушается»²⁰. И одновременно было принято решение о передаче здания Академии наук «под музей по истории религии». Согласно тому же постановлению было решено, что «верующее население может быть переведено в Пантелеймоновскую церковь того же течения». Вскоре двадцатка Казанского собора после некоторых колебаний все же выступила с обжалованием, которое было переслано в Комиссию по культам ВЦИК, но ВЦИК лишь подтвердил свое решение. Формальным основанием для утверждения решения о передаче собора под музей было распределение доходов собора. Из переписки Богораз-Тана и Смидовича известно, что доход собора «за 1931 год дошел до невероятных размеров – 110 000 рублей, т. е. 9000 в месяц... Из приходно-расходной ведомости видно, что на ремонт и оборудование об-

ращается незначительная часть, напр., в 1925 году на ремонт и оборудование израсходовано 559 рублей, а в 1931 году – 2177 рублей. Причту и другим духовным работникам достается сумма гораздо более значительная»²¹. ВЦИК утвердил решение Леноблисполкома 9 января 1932 года, отметив, «чтобы, согласно просьбы религиозного общества, т. н. «икона казанской божьей матери» была передана в другое молитвенное здание по договоренности с религиозным обществом»²². Не стоит упрекать АН в том, что она выселила верующих из храма, поскольку на это же здание претендовало и «антирелигиозное отделение» Публичной библиотеки²³, а в подвалах собора плотно обосновались овощные склады.

АН получила здание в плохом состоянии. Согласно акту приемки здания собора от 5 февраля 1932 года управделами АН СССР Д. П. Морозовым, его лестницы и чердаки были покрыты «голубиным пометом»²⁴ (только с крыши было позже убрано около 60 тонн²⁵). Деревянный пол в подвале был частично уничтожен и затоплен водой, а в оставшейся сухой части вплоть до августа 1933 года были овощные склады Ленпищеторга и хранилось до 500 тонн картофеля. 2 октября 1933 года директор МИРа В. Г. Богораз-Тан на заседании сессии Академии наук отметил, что «после годичной ожесточенной борьбы с Союзплодоовощ, мы можем освоить наш подвал»²⁶.

Необходимо отметить, что согласно решению Народного комиссариата просвещения от 9 апреля 1932 года «Б. Казанский собор передан под Музей истории религии... при обязательном условии сохранения в целости здания, как замечательного архитектурного памятника»²⁷. По решению властей были сделаны изменения в декоративном убранстве храма, «с фронтона удалены религиозные надписи; по фронтому сделана надпись большими буквами «Академия наук СССР. Музей истории религии». В треугольнике фронтона на месте «всевидащего ока» помещен герб Союза, выполненный в стиле орнамента всего здания»²⁸. Однако в качестве обязательного условия работы музея было решено оставить живопись «в абсиде алта-

ря и на парусах», и все детали интерьера храма (и в первую очередь люстры) «следует рассматривать с точки зрения основной целостности внутреннего архитектурного убранства»²⁹. Но к тому моменту живопись была «почти не распознаваема как изображение». Благодаря субсидии Совнаркома в размере 175 тысяч рублей Казанский собор начали ремонтировать. Своды музея постепенно были расчищены, подвалы в 1934 году осушили и забетонировали, но музейщики оказались перед другой, не менее сложной проблемой: как разместить экспозиции, не повредив замыслу архитектора А. Н. Воронихина, создавшего памятник победам русского воинства, храм-музей. 16 апреля 1932 года при музее было организовано художественное совещание, на котором председательствовал директор музея В. Г. Богораз-Тан, секретарем был Ю. П. Францев, присутствовали также архитекторы: А. С. Никольский, М. М. Синявер, В. А. Шуко, Н. А. Всеволожский, Я. Я. Кетчер, Н. А. Троцкий, В. Г. Гельфрейх; скульптор М. Г. Манннер, художники И. И. Бродский, Н. Х. Рутковский и другие, а также научные сотрудники музея А. М. Покровский, В. Н. Дулов, В. А. Александров³⁰. Главными были вопросы о размещении щитов в музее, об освещении музея и о центральной конструкции. Архитектор Н. А. Всеволожский (он же выступал и против установки маятника Фуко в Исаакиевском соборе) сказал: «...мы отняли собор у 20-ки, чтобы спасти архитектуру, и это необходимо помнить... Нарекания уже есть – снятие креста». На что В. Г. Богораз-Тан возразил, что решение о снятии креста было санкционировано «Москвой». Тщательно обсуждался вопрос о расстановке щитов. Архитекторы Н. А. Троцкий и М. М. Синявер говорили о том, что нельзя допускать слияния перегородок со зданием и предпочтительно размещать их поперек колонн, как это сделано в соборе Св. Петра в Риме, «разделенного на капеллы этим способом»³¹. Рассматривался и вопрос об освещении, Н. А. Троцкий при этом заметил, что «модернистское освещение не подходит... Купол и потолок должны теряться в бесконечности, постепенно затемняясь». Н. А. Всево-

ложский отметил и необходимость разрешения вопроса освоения чердаков, подвалов и т. д. В будущем музей, разместивший большинство экспозиций в подвалах, а на чердаке устроивший помещения для хранения экспонатов, очень заботился об этих помещениях.

Штат музея был невелик. Штатных сотрудников в 1932 году было всего пятеро: директор музея В. Г. Богораз-Тан (с окладом 400 руб.), завотделом оформления В. А. Александров (оклад 300 руб.), ученый секретарь А. С. Гитлер (оклад 300 руб.), заместитель директора А. М. Покровский и технический секретарь С. Б. Радомысльская. Комендантом музея долгие годы с момента открытия был В. О. Биссикирский, завхозом И. Г. Каск. Научная работа в первые годы создания музея велась в основном внештатными сотрудниками, некоторые из них даже не получали зарплат. В августе 1932 года в числе внештатных научных сотрудников числились 12 человек: Л. Г. Брандт, К. Ф. Воронцов, Н. П. Гуля, В. Н. Дулов, Л. Н. Мануйлова, Ф. М. Морозов, В. И. Невельский, А. А. Невский, С. Мелов, В. К. Станюкович, Ю. Н. Францев, М. И. Шахнович. Многие научные сотрудники работали по договору. В 1932 году по договорам работали: В. А. Казакевич (работы по регистрации буддийской коллекции), И. С. Канцельсон (разработка экспозиции по истории атеизма в эпоху империализма и пролетарских революций), профессор С. Г. Лозинский (разработка материалов и экспозиции отдела католицизма и протестантизма), Н. В. Малицкий (отбор экспонатов по эпохе византийского и русского феодализма), В. К. Станюкович (разработка экспозиции «История Казанского собора и его классовая роль»), М. И. Шахнович (разработка экспозиции отдела иудаизма).

В 1931–1933 годы научная работа велась тремя бригадами под руководством В. Г. Богораз-Тана. I бригада: Религия в доклассовом и рабовладельческом обществе; II бригада: Религия в эпоху феодализма и капитализма; III бригада: Религия в эпоху империализма и пролетарских революций³². Теоретической основой экспозиционной и научной работы стала тема «Происхождение и развитие верований

Сотрудники МИР АН СССР на экспозиции. 1936 г. В центре в кресле – В. Г. Богораз-Тан, справа от него – Н. Н. Тройницкий, С. И. Клементов, стоят (справа налево) Л. Н. Мануйлова, А. Н. Новиков, С. С. Писарев, Н. А. Мезенцев, Ю. П. Францев, А. Логинова, А. Н. Полякова, М. Потапов, А. М. Гаркави, Г. Э. Петри, Г. О. Монзеллер

по стадиям общественного развития (социально-экономическим формациям)³³. Среди научно-прикладных работ в 1931 году в первую очередь разрабатывались такие: «Происхождение и развитие верований», отдел ислама «с проработкой материала по следующим разделам»: распространение ислама и главные моменты его истории; родина ислама и его составные элементы (связь ислама с торговым, скотоводческим и земледельческими слоями населения); Коран как выражение идеологии ислама; мусульманское духовенство и его роль; женщины в исламе; исламские толки и секты; ислам как орудие империализма и контрреволюции. Проводилось частичное переэкспонирование отдела «Христианство». В 1932 году первоочередными темами были буддизм, шаманизм и иудаизм³⁴. В результате работы в 1932 году были открыты две выставки: «История Казанского собора» (на 64 щита, среди наиболее значительных экспонатов – дары собору графа А. С. Строганова и т. п.) и «Религия и атеизм на Западе». В 1933 году: «Возникновение религии», «Религии античного мира», «Происхождение христианства», «Буддизм и ламаизм», временные выставки «Карл Маркс как

воинствующий атеист» и «к кампании против еврейских праздников выставка «Классовая роль иудаизма»». Определенные недостатки экспозиции объяснялись различными причинами, среди которых было не только «отсутствие постоянных работников»³⁵ в определенных разделах истории религии, как это случилось с экспозицией «Ислам», которая не была выполнена в срок, или с экспозицией «Возникновение христианства», к работе над которой были привлечены проф. В. Л. Богаевский (ИИНИТ) и проф. С. Н. Замятин (ИАЭ), но и непонимание научными сотрудниками необходимости экспозиционной работы по оформлению щитов. В. Г. Богораз-Тан говорил об этом, как о «детской болезни научного чванства»³⁶. Конечно, существовали и определенные теоретические разногласия между научными сотрудниками. Особенно активно на заседаниях научно-методического совета музея обсуждались экспозиции, посвященные возникновению религии (вопрос о приоритете магии или анимизма) и шаманизму. Так, например, горячий спор между Ю. П. Францевым, Г. О. Монзеллером и А. М. Покровским возник при обсуждении щита «Камлание».

Щит не нес никакой идеологической нагрузки, что и вызвало возражение Ю. П. Францева, который указывал «на необходимость вскрытия социальной роли шаманизма». А поскольку «макет социальной роли шаманизма не вскрывает, то и нужды в нем нет». А. М. Покровский и Г. О. Монзеллер настаивали на том, что, конечно, «в задачи этого показа не входит лишь выявить вред шаманства. Данный макет, конечно, будет нейтральным, но камлание надо показать как иллюстрацию к последующему щиту шаманизма»³⁷.

К 1934 году был развернут ряд отделов музея: «Религии доклассового общества», «Религия феодального Востока». Центральное место экспозиции занял единственный во всех мировых музеях «Рай Сукавати», для экспозиции которого была привлечена бригада бурятских художников, а также «Религия феодального общества на Западе и Востоке» (8 щитов: коллекция орудий инквизиции, архитектурно-скульптурная конструкция гробницы Якова Португальского и т. д.). Частично были осуществлены в 1933 году и намечены для развернутого показа в плане 1934 года «Религия капита-

листического государства» (9 щитов) и «Религия и атеизм в эпоху империализма и пролетарской революции» (11 щитов). В особом крыле музея открылся 5-й отдел «Религия рабовладельческого общества Греции и Рима» (9 щитов). Как указывалось в отчете музея, «отдел должен раскрыть на своих экспонатах проблему происхождения христианства» (4 щита). Была начата подготовка выставки к 10-летию со дня смерти В. И. Ленина «Марксизм-ленинизм в борьбе против религии», а также выставок «Фашизм и религия» и «Японский империализм и религия».

В 1933 году МИР организовал научную экспедицию по сбору ламаистской коллекции в Бурят-Монголии (в экспедиции приняли участие работники музея О. Будаев и Лыкдынов). Также организовывались научные командировки в Узбекистан для сбора материалов по исламу (Н. А. Вырапаева), в западные районы Ленинградской области и в Северный край (А. И. Васильева и С. С. Писарев). В 1933 году сотрудниками музея было прочитано свыше 20 докладов и подготовлены к печати 3 сборника (по религиозному синкретизму, по верованиям населения Ленинград-

ской области, по старообрядчеству). В том же году было принято положение о фондах музея. Согласно ему, фонды МИРа распались на основной и резервный фонды: «Резервный фонд составляет из дублетов и менее ценных экспонатов и используется для обмена с другими музеями, для выставок-передвижек и т. п.»³⁸. Но в полном виде положение о фондах, регламентировавшее порядок регистрации, выдачи предметов из фондов и прочее, было принято только в конце апреля 1934 года, когда МИР на короткое время оказался в составе Института этнографии. К 1934 году Музей истории религии сосредоточил в фондах богатейшие коллекции. Он располагал богатейшей коллекцией икон XVII–XX веков, состоявшей из нескольких тысяч экспонатов, обширной коллекцией предметов христианского православного и католического культов. В результате двух экспедиций 1933 года были собраны коллекции по буддизму и исламу. Экспедиционным путем были получены коллекции по религии сванов (Кавказ), верованиям народов Сибири, народов Поволжья. Проводились экспедиции по Северо-Западу. Коллекции, переданные академическими учреждениями бывшей антирелигиозной выставке, образовали отделы индуизма и религий Китая и Японии. К 1934 году при музее была создана библиотека в количестве 5000 томов, содержащая наравне с ценными старопечатными и рукописными книгами современную литературу по истории религии и антирелигиозного движения. И все это было сделано силами всего семи штатных сотрудников (из них четверо – административный персонал) и внештатных сотрудников, которым платили из дотационных сумм. К 1934 году число работников музея достигало уже 56 человек. В. Г. Богораз-Тан обратился с письмом в секретариат АН СССР, в котором говорилось о том, что «неустойчивое финансовое положение сотрудников МИРа является одним из тормозов, задерживающих планомерное развитие и необходимое расширение работы Музея. Поэтому в 1934 г. совершенно необходимо поставить работников музея в условия штатной оплаты на общих основаниях, применя-

В. И. Крылова, Л. Лисковец, Л. Н. Мануйлова и музейные посетительницы. Середина 1930-х гг.

емых во всех учреждениях СССР, и в частности, Академии наук»³⁹.

В 1934 году в МИРе были подписаны к печати сборники «Проблемы анимизма», «Религиозные верования населения Ленинградской области». Состоялась экспедиция в Бурят-Монгольскую Республику, а также научная командировка в Моршанский район Воронежской области (А. А. Невский). Продолжала создаваться и экспозиция музея. Было выставлено панно художника В. Н. Кокорева «Группа синантропов». Раздел «Религия в эпоху феодализма и коммунизма» разделился на две части: «Христианство на Западе в эпоху феодализма и коммунизма» и «История православия в России». Последний был передан в отдел «Религия народов СССР», и в нем были созданы экспозиции «Религия на службе русского самодержавия в XVIII и первой половине XIX в.», «Религия во второй половине XIX в. в России», «Религия против революционного народничества». В числе материалов по истории русского православия были выставлены части коллекции Музея истории религии по скопчеству и масонству. В отделе «Христианство на Западе в эпоху феодализма и капитализма» экспонировался католический рождественский вертеп и др. В 1934 году музей посетили 80 тысяч человек, было проведено 2338 экскурсий⁴⁰.

Но не все в 1934 году было гладко. В связи с переездом АН СССР в Москву было принято решение о переезде академических учреждений и о ликвидации тех, переезд которых считался необязательным. На заседании Президиума АН СССР 29 апреля 1934 года было доложено о мероприятиях, вытекавших из постановления СНК СССР о переводе АН СССР в Москву. 25 сентября 1934 года вышло постановление СНК СССР № 2236 «О передаче музея по истории религий из ведения АН в ведение Комитета по заведыванию учеными и учебными учреждениями при ЦИК СССР», которое гласило: «Передать с 1 января 1935 г. Музей по истории религии из ведения всесоюзной Академии наук в ведение Комитета по заведыванию учеными и учебными учреждениями при ЦИК СССР»⁴¹. 5 октября 1934 года

на основании того постановления было принято постановление Президиума АН СССР. Сторонники передачи МИРа из ведения АН апеллировали к тому, что музей ориентирован не столько на научную, сколько на популяризаторскую деятельность. Сотрудники МИРа стремились доказать обратное. 17 ноября на заседании Президиума ЦИК СССР было принято решение об изменении постановления Президиума ЦИК СССР от 17 ноября 1934 года, и было решено «исключить из системы учрежде-

ний Ученого комитета Ленинградский музей по истории религии». Музей решили передать в ведение города, что сделало бы невозможным его дальнейшую работу. В. Г. Богораз-Тан писал письма и телеграфировал в Москву и в Ленсовет о невозможности такого шага, тем более что в смете Ленсовета на 1935 год расходы на содержание МИРа не были предусмотрены. В результате вопрос о передаче музея из ведения АН был снят, а МИР еще почти тридцать лет оставался в составе Академии наук.

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ «История отечественного религиоведения» № 05-03-03307а.

² Известия РАН. Л., 1922. VI сер. Т. XVI. С. 124.

³ Шахнович М. И. 25-летие Музея истории религии и атеизма // Вопр. истории религии и атеизма. М., 1958. Вып. V. С. 411.

⁴ Шахнович М. М. Антропологическое религиоведение в российской академической науке в первой четверти XX в. // Петербургская Академия наук в истории академий мира: Материалы междунар. конф. СПб., 1999. Т. IV. С. 96–100.

⁵ Зеленин Д. К. В. Г. Богораз – этнограф и фольклорист // Памяти В. Г. Богораз (1865–1936): Сб. ст. М.; Л., 1937. С. V.

⁶ Ольденбург С. Ф. Положение нашей науки среди науки мировой // Наука и техника СССР 1917–1927 / Под ред. А. Ф. Иоффе и др. М., 1927. С. 47.

⁷ Ленингр. правда. 1930. 15 апр.

⁸ Отчет о деятельности АН СССР за 1930 г. Л., 1931. С. 266.

⁹ Академик Н. Я. Марр в своем выступлении на открытии МИРа рассказал, что «может быть мало кому известно, не назову имени, но в первые же дни Октябрьской революции был составлен план факультета или отделения по истории религий... Теперь как будто делаем тоже скачок, потому что факультета у нас еще нет, академических сотрудников по исследованию религии нет...» (Петербургский филиал архива РАН (ПФА РАН). Ф. 221. Оп. 2. Д. 3. Л. 3–3 об.

¹⁰ ПФА РАН. Ф. 2. Оп. 1-1930. Д. 140. Л. 131; Д. 122. Л. 175–178.

¹¹ Там же. Ф. 1. Оп. 1-1931. Д. 257. Л. 16, 19–20 об., 21, 21 об., 22–29.

¹² Там же. Ф. 2. Оп. 1-1931. Д. 82. Л. 116, 117, 122–123.

¹³ Там же. Д. 31. Л. 144.

¹⁴ Там же. Ф. 1. Оп. 1-1931. Д. 257. Л. 47, 47 об., 48, 48 об., 49.

¹⁵ Отчет о деятельности АН СССР за 1932 г. С. 212; Отчет за 1933 г. С. 245.

¹⁶ ПФА РАН. Ф. 221 Оп. 2 Д. 3. Л. 8 об.

¹⁷ Там же. Л. 4.

¹⁸ Там же. Ф. 250. Оп. 3. Д. 94. Л. 2–3.

¹⁹ Надо сказать, что к процессу разрушения Казанского собора имела отношение и власть. Еще в 1922 г. был разобран изготовленный в XIX в. по рисунку К. Тона серебряный иконостас.

²⁰ ПФА РАН. Ф. 221 Оп. 2 Д. 1. Л. 1.

²¹ Там же. Ф. 250. Оп. 3. Д. 94. Л. 5–6.

²² Там же. Ф. 221. Оп. 2. Д. 1. Л. 3.

²³ Там же. Л. 6.

²⁴ Там же. Л. 7.

²⁵ Там же. Л. 12.

²⁶ Там же. Д. 35. Л. 1.

²⁷ Там же. Д. 1. Л. 11.

²⁸ Там же. Д. 22. Л. 13.

²⁹ Там же. Д. 1. Л. 11–12.

³⁰ Там же. Д. 5. Л. 6–9.

³¹ Там же. Л. 7.

³² Там же. Д. 2. Л. 6–7.

³³ Там же.

³⁴ Там же. Л. 5.

³⁵ Там же. Л. 18.

³⁶ Там же. Д. 25. Л. 4.

³⁷ Там же. Л. 16–16 об.

³⁸ Там же. Д. 23. Л. 2–3.

³⁹ Там же. Д. 21. Л. 16 об.

⁴⁰ Там же. Д. 33.

⁴¹ Там же. Л. 8.

Как закрывали ленинградский Музей истории религии АН СССР (1946—1947 годы)¹

М. М. Шахнович

Сразу после окончания Великой Отечественной войны Музей истории религии Академии наук СССР оказался в сложной ситуации. С 1942 года музей фактически функционировал без директора, так как назначенный в 1937 году после смерти В. Г. Богораз-Тана Ю. П. Францев² был откомандирован на работу сначала в Куйбышевский РК ВКП(б) Ленинграда, затем в горком ВКП(б), а в ноябре 1945 года вообще уехал на работу в Москву. Существование Музея истории религии в системе Академии наук оказалось под вопросом. Руководство отделения истории и философии АН СССР в отношении музея в Ленинграде находилось в явном затруднении, и причин тому было несколько. Во-первых, музей находился в Казанском соборе, памятнике архитектуры, нуждавшемся в значительной реставрации, для того чтобы можно было в нем развернуть новые полноценные экспозиции, а это требовало больших затрат. Во-вторых, директор Литературного музея В. Д. Бонч-Бруевич хотел создать в Москве Центральный музей истории религии на основе фондов Центрального антирелигиозного музея (ЦАМ), закрытого в 1937 году в результате уничтожения Страстного монастыря, где он находился с 1929 года. В январе 1946 года все сохранившиеся экспонаты ЦАМа были переданы в ведение Академии наук, и московский Музей истории религии АН СССР был создан, однако он не имел своего помещения, а все экспонаты находились в ящиках. В-третьих, во время войны явно изменились отношения власти и церкви. Проведение Архиерейского собора

М. И. Шахнович (1911–1992).
Фото 1946 г.

Русской православной церкви в сентябре 1943 года и Поместного собора в апреле 1945 года, избравших патриархов, и издание постановления Совета народных комиссаров СССР «О порядке открытия церквей» от 28 ноября 1943 года еще больше запутывали ситуацию.

21 декабря 1945 года на заседании Бюро отделения истории и философии Академии наук СССР под председательством академика В. П. Волгина, того самого, который участвовал в торжественном открытии МИРА в 1932 году, было принято следующее решение: «Утверждение плана научно-исследовательских работ Музея по истории религии на 1946 год отложить до выяснения дальнейшей судьбы Музея»³. 23 января 1946 года заседание Бюро отделения истории и философии Академии наук сочло целесообразным возбудить через

Президиум АН СССР ходатайство перед Советом народных комиссаров СССР об объединении московского и ленинградского музеев истории религии в один. Высказывалось мнение и о возможном присоединении их к Музею антропологии и этнографии. Однако сотрудники Музея истории религии в Казанском соборе в Ленинграде не желали сдаваться, они работали так, как будто ничего не происходило.

Еще в 1944 году Академией наук был отозван с фронта кандидат исторических наук, старший научный сотрудник М. И. Шахнович⁴, которого назначили заместителем директора по научной части. Вместе с Анной Николаевной Поляковой, помощником директора по административно-хозяйственной части, во главе небольшого коллектива сотрудников (на начало 1946 года – 6 научных сотруд-

В. Д. Бонч-Бруевич (1843–1955).
Фото 1953 г.

ников и 16 работников административно-хозяйственной части⁵) он еще во время войны начал работу по восстановлению музея.

Здание Казанского собора вызывало большое беспокойство. В акте осмотра его технического состояния записано: «Колонны южного портика повреждены разрывом снаряда. Повреждены ступени стилобата. База пилястра на южном фасаде ушла с места. Окраска всех фасадов выцвела, местами сошла. Имеются поврежденные детали, часть окон не остеклена, а зафанерена. Цоколь гранитный на южном фасаде поврежден обстрелом. Крыша, поддерживаемая заплаточными ремонтами, нуждается в срочном капитальном ремонте. Водосточные трубы сильно изношены, требуют ремонта и смены. Сливы и козырьки обветшали... полы... изношены. Стены загрязнены... живопись закопчена, местами осыпается. Печное отопление отсутствует»⁶.

Денег на ремонт здания Академии наук не выделяла. В справке о состоянии музея на начало 1946 года содержится жалоба на академические структуры: «Что касается руководства Президиума АН СССР и Отделения истории и философии, они вопросами истории религии никогда не занимались, так как среди них нет специалистов историков религии, и они всячески старались передать Музей истории религии из Академии Наук в другую систему. Особенно настаивает на передаче музея в другую систему зам. уполномоченного Президиума АН СССР тов. Федосеев М. К., так как ему причиняет беспокойство занимаемое музеем здание бывшего Казанского собора; и по его настоянию с 1932 года до сих пор не было отпущено средств на капитальный ремонт здания, и только в 1946 году впервые отпущено на ремонт фасада и крыши один миллион рублей, и только потому, что секретарь Лен. Горкома ВКП(б) тов. А. А. Кузнецов письмом в Президиум АН СССР обязал Академию Наук отремонтировать фасад»⁷.

В 1946 году силами хозяйственной части музея были проведены частичный ремонт крыши, остекление некоторых окон и постановка печей, однако необходи-

С. М. Козенко – комендант Музея истории религии АН СССР. Фото 1947 г.

мые неотложные работы (капитальный ремонт кровли, хотя бы частичный ремонт поврежденного фасада, восстановление ступеней и стилобата, ремонт полов в подвале и восстановление гидроизоляции) в полном объеме не могли быть начаты из-за отсутствия денег.

Несмотря на трудности, связанные с отсутствием нормального отопления, из-за чего за зиму собор промерзал, а весной начиналось отпотевание стен, сопровождаемое протечками в кровле собора, музей работал. За первое полугодие 1946 года его посетили 83 тысячи человек. Следует отметить, что поток посетителей не прекращался и во время войны: был открыт доступ к могиле М. И. Кутузова, находящейся в Казанском соборе. Рядом были расположены стенды небольшой выставки, посвященной его жизни и военным подвигам. К 1 мая 1946 года были восстановлены экспозиции двух отделов «Религия в первобытном обществе» и «Буддизм», открыты отделы «Мифы Древней Греции» и «История Казанского собора».

Небольшой коллектив научных сотрудников не только работал над воссозданием экспозиций и написанием трудов⁸. Главная задача заключалась в приведении в порядок фондов. Дело в том, что в 1941 году экспонаты были подготовлены к эвакуации и сложены в ящики, но так и пролежали в них в

течение всех блокадных лет в помещении собора. Они нуждались в просушке (о реставрации тогда можно было только мечтать) и расстановке в фондовых хранилищах, а их было более 100 000 единиц.

30 мая 1946 года распорядительное заседание Президиума Академии наук СССР приняло следующее решение: «Слить Музей истории религии, находящийся в Ленинграде, с Музеем истории религии в г. Москве, распределив его экспонаты между Музеем антропологии и этнографии и Музеем истории религии в г. Москве. ...Пропросить Совет Министров СССР передать здание бывш. Казанского собора в ведение Ленинградских организаций»⁹. Решение было закреплено в постановлении Президиума Академии наук СССР от 18 июня 1946 года о слиянии Музея истории религии АН СССР (в Ленинграде) с московским Музеем истории религии. 6 июля 1946 года на основании этого постановления было издано распоряжение № 426 по Академии наук СССР, на основании которого Ю. П. Францев, уже четыре года не работавший в музее, наконец *de jure* был освобожден от обязанностей директора Музея истории религии АН СССР (в Ленинграде). Далее в распоряжении содержалось следующее: «Предоставить право Директору Музея истории религии АН СССР (в Москве) доктору исторических наук В. Д. Бонч-Бруевичу¹⁰ распоряжаться всеми имущественно-материальными ценностями, денежными средствами и личным составом Музея истории религии АН СССР (в Ленинграде)»¹¹.

12 июля 1946 года новый директор издал два приказа. Согласно первому он уволил почти всех работников хозяйственной части и всех научных сотрудников, за исключением двоих: хранителя фондов – старшего научного сотрудника Николая Николаевича Тройницкого и сотрудника фондов, младшего научного сотрудника Софьи Григорьевны Рутенбург. Во втором приказе было написано: «Назначаю старшего научного сотрудника Шахновича Михаила Иосифовича заместителем заведующего научной частью и возлагаю на него ответственность за целостность и сохранность всех фондов и всю

повседневную научно-исследовательскую и пропагандистскую работу Музея истории религии Академии Наук СССР в Ленинграде до его фактического слияния с Московским музеем и окончательным переездом его в Москву»¹². Сам директор в Ленинград не приехал, однако торопил переезд музея в Москву, требовал немедленной отправки наиболее ценных рукописей из собрания музея, его библиотеки и считал необходимым прекратить прием посетителей. Он писал А. Н. Поляковой: «Ввиду того, что сейчас надо будет продумать план перевозки в Москву... то придется посещения Музея сократить до последнего предела, а потом и вовсе закрыть и написать объявление "Ввиду переезда Музея в Москву и упаковки его – посещение Музея прекращено"»¹³.

Однако ленинградцы не желали закрытия музея. А. Н. Полякова пыталась сохранить прямые контакты с финансовым управлением Академии наук, чем вызвала раздражение нового директора. Из письма от 15 июля 1946 г.: «Вы словно и не знаете, что я Президентом Академии Наук СССР... утвержден Директором музея ис-

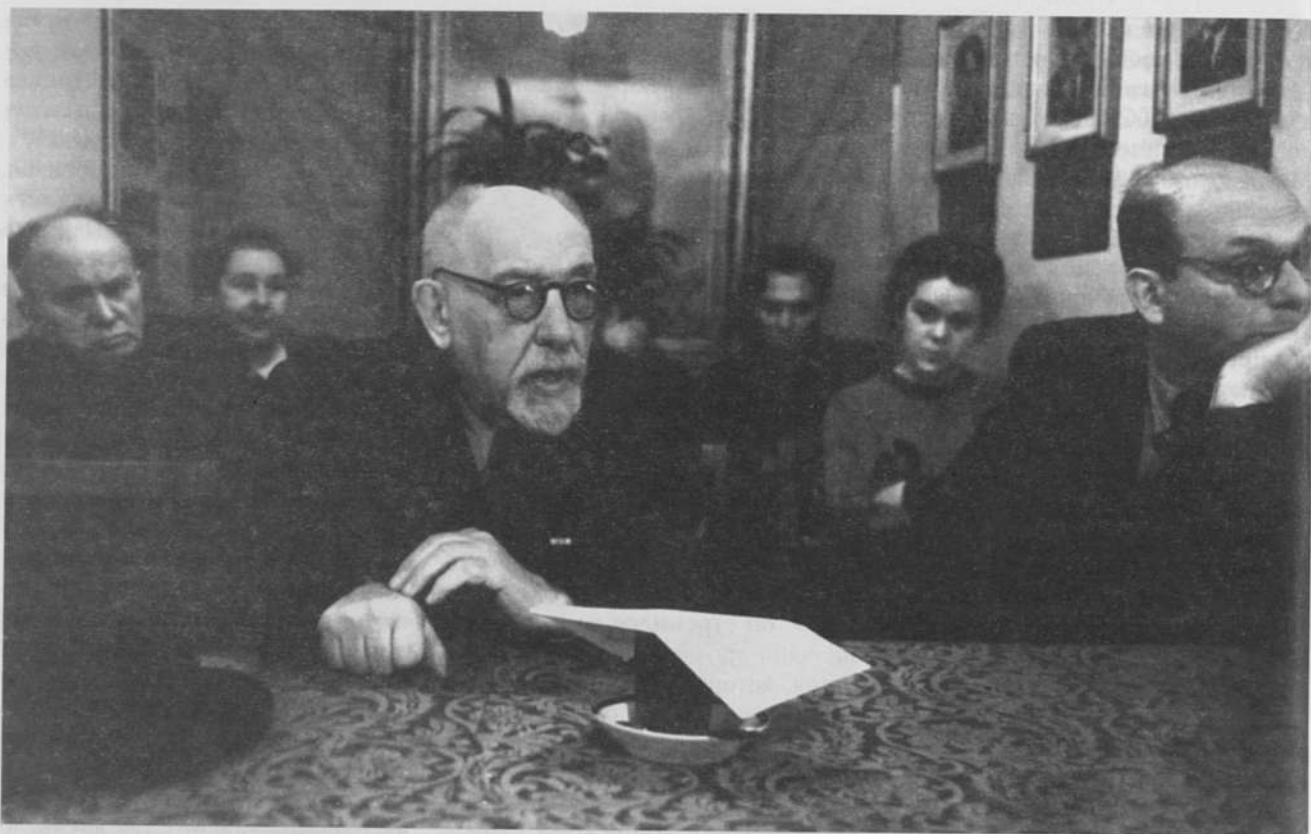
тории религии, о чем я сообщил Вам лично»¹⁴. 21 октября 1946 года В. Д. Бонч-Бруевич писал А. Н. Поляковой: «...настоятельно прошу Вас и официально предлагаю прекратить всякие самостоятельные сношения с самой Академией, а исключительно действовать через наш московский центр, присылая все Ваши бумаги... мне на рассмотрение, обсуждение и мою подпись». Он угрожал ей, заявляя, что «это просто незаконно»¹⁵. М. И. Шахнович всячески препятствовал реализации указаний директора о прекращении допуска посетителей и даже обращался за поддержкой к ленинградским властям. Желая сохранить хотя бы «небольшой филиал», он стремился подчеркнуть значение патриотического воспитания, которым занимался музей. Единственному оставшемуся младшему научному сотруднику С. Г. Рутенбург он поручил ведение экскурсий, посвященных М. И. Кутузову. В письме к директору от 5 августа 1946 года он писал: «Музей продолжает работать... В беседе с заведующим отделом культпросветработы Ленгорисполкома тов. Рачинским я выяснил,

что Ленсовет просил бы... пока по целому ряду обстоятельств не прекращать массово-политическую работу, которая ведется на выставке 1812 года, созданной музеем»¹⁶.

К концу 1946 года стало ясно, что позиции сотрудников ленинградского музея крепнут. Переезд не состоялся, музей, пусть и в свернутом виде, работал, посетители посещали выставку, а из Москвы доносились противоречивые слухи. Из письма В. Д. Бонч-Бруевича к М. И. Шахновичу от 26 декабря 1946 года ясно, что ему известно о решении правительства о том, что экспонаты следует отправлять не из Ленинграда в Москву, а наоборот, так как у московского музея нет помещения, а у ленинградского – есть. По его мнению, изменение позиции руководства Академии наук и решение правительства были связаны с предстоявшей реорганизацией структуры академии и планируемым подчинением музеев профильным институтам. Однако он полагал, что, так как было постановление о передаче Казанского собора в ведение ленинградских организаций, то все-таки «ценности Ленинградского Музея будут переведены в Москву»¹⁷.

Сотрудники Музея истории религии АН СССР. Апрель 1955 г.

В. Д. Бонч-Бруевич проводит заседание сотрудников Музея истории религии АН СССР. Апрель 1955 г.

Через четыре дня М. И. Шахнович в ответном письме с удовлетворением заметил: «Поскольку в Москве нет помещения, а в Ленинграде есть, то целесообразно иметь музей хотя бы здесь, чем нигде... В Ленсовете нет никаких сообщений о передаче нашего здания, о чем нас устно регулярно уведомляет инспектура Охраны Памятников, которая сообщила нам даже, что Академия Наук вновь ассигновала те суммы, которые были намечены на 1946 год для производства ремонта». Он очень рад был этим новостям и писал о своем «желании наискорейшего развертывания обширных экспозиций»¹⁸.

Спустя три месяца, 20 марта 1947 года, во исполнение распоряжения Совета министров СССР от 14 декабря 1946 года № 13815-р Президиум Академии наук СССР издал постановление, подписанное президентом Академии наук СССР академиком С. И. Вавиловым и академиком-секретарем Академии наук СССР академиком Н. Г. Бруевичем, «О ликвидации Музея истории религии в г. Москве» (протокол № 3 распорядительного заседания № 36), в котором

требовалось ликвидировать Музей истории религии в Москве, передав экспонаты музея в ленинградский Музей истории религии; организовать в составе Института истории сектор по истории религии; предложить Управлению делами закончить перевозку имущества музея из Москвы в Ленинград и освободить занимаемые экспонатами музея помещения к 1 мая 1947 года.

6 мая 1947 года Президиум Академии наук СССР утвердил директором уже ленинградского Музея истории религии Академии наук СССР В. Д. Бонч-Бруевича. Он возглавлял сектор по истории религии Института истории АН СССР в Москве и хотел полностью подчинить работу музея сектору. Так, в письме к М. И. Шахновичу от 24 января 1948 года В. Д. Бонч-Бруевич возмущался тем, что тот послал в Президиум проект нового штатного расписания с объяснительной запиской, в которой просил увеличения штатов научных сотрудников: «Я ни в коем случае не могу согласиться, что Ленинградский музей "нуждается для своей нормальной работы в восстановлении имеющегося у

него штата". Это неверно. Ленинградский музей не ведет, и пока не будет вести сплошную для всех сотрудников научно-исследовательскую работу за малыми исключениями. Этим будет заниматься сектор Истории религии Института Истории Академии Наук, а потому восстанавливать штаты в полном объеме не для чего. Музей будет заниматься исключительно музейным делом... Никаких заведующих небольшими отделами Музея, конечно, не нужно иметь: ведь и Музей по площади очень маленький: здесь достаточен один толковый старший научный сотрудник, каковым Вы и являетесь. Да еще два-три обыкновенных научных сотрудника – вот и все»¹⁹.

Почти год заняла перевозка всех экспонатов Центрального антирелигиозного музея в Ленинград. За это время у В. Д. Бонч-Бруевича было немало волнений и тревог, связанных со стремлением некоторых академических чиновников перевести в Ленинград и его сектор. Это ясно из его письма М. И. Шахновичу от 7 мая 1948 года: «Итак, всем слухам, сплетням и недоброжелательствам, которые, наверное, доходили также и до Вас,

о том, что сектор закрывается, сектор переводится в Ленинград вместе с библиотекой, и т. д. и т. д. — всему этому положен решительный конец... Наш сектор истории религии Института Истории Академии Наук совершенно закреплен здесь в Москве и я счастлив, что, наконец, можно будет приступить к научной работе»²⁰.

В это время сотрудники музея в Ленинграде продолжали бороться за сохранение музея. Они были обеспокоены ужасным состоянием здания собора, в котором находился музей, и полным бездействием ремонтных организаций, не отвечавших на их требования. Они считали, что и находившийся в Москве директор недостаточно активен. 20 мая 1948 года они пошли на крайнюю меру: провели закрытое партийное собрание парторганизации Музея истории религии.

В выписке из протокола, подписанной секретарем парторганизации Н. Н. Тройницким, указано, что, заслушав и обсудив доклад тов. С. М. Козенко²¹ о состоянии здания Музея истории религии АН СССР и ремонте его в 1948 году, собрание постановило: «Принимая во внимание, что все обращения тов. Козенко о производстве ремонта здания Музея истории религии АН СССР к Ленинградским организациям Академии Наук СССР (ЛенАкадемстрой, Уполномоченному Президиума, Зам. Упр. ЛАХУ²² и др.) не привели ни к каким положительным результатам, и ввиду отсутствия у ЛенАкадемстроя материалов, не могут быть разрешены самими Ленинградскими организациями, закрытое партийное собрание Парторганизации Музея истории религии АН СССР обращается к директору Музея истории религии АН СССР,

доктору исторических наук, члену ВКП(б) т. В. Д. Бонч-Бруевичу с настоятельной просьбой обратить внимание на состояние выдающегося художественно-исторического памятника русского искусства — здания Музея истории религии АН СССР в Ленинграде, и войти с ходатайством в вышестоящие советские и партийные организации об отпуске необходимых средств и материалов, потребных для производства ремонта здания Музея истории религии АН СССР»²³. В. Д. Бонч-Бруевич стал предпринимать более решительные меры.

Весной 1948 года начался новый этап в жизни Музея истории религии АН СССР, связанный с реставрацией Казанского собора после войны и созданием большой экспозиции, сделавшей его известным не только в СССР, но и за рубежом.

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ «История отечественного религиоведения» № 05-03-03307а.

² Францев Юрий Павлович (Францов Георгий Павлович) (1903–1969) — историк и философ, партийный, общественный деятель, доктор исторических наук, формально был на посту директора МИР с 1937 по 1945 г., затем перешел на дипломатическую и партийную работу; с 1964 г. — действительный член АН СССР.

³ Петербургский филиал архива АН СССР (ПАФ АН СССР). Ф. 221. Оп. 2. № 157. Л. 4.

⁴ Шахнович Михаил Иосифович (1911–1992) — историк религии и общественной мысли, доктор философских наук, профессор Ленинградского государственного университета. Один из основателей МИР. Старший научный сотрудник (1932–1941), замдиректора этого музея по научной части (1944–1961). За возрождение Музея истории религии АН СССР и восстановление Казанского собора после Великой Отечественной войны награжден орденом «Знак почета» (1953).

⁵ ПАФ АН СССР. Ф. 221. Оп. 2. № 162. Л. 9.

⁶ Там же. Оп. 2. № 161. Л. 4–4 об.

⁷ Там же. Оп. 2. № 158. Л. 2.

⁸ За первое полугодие 1946 г. был подготовлен к печати первый том трудов Музея истории религии АН СССР (40 авт. листов), содержащий работы Н. Я. Марра, В. Г. Богораза, Ю. П. Францева, М. И. Шахновича, А. Н. Кочетова, Я. Б. Радуль-Затуловского и С. Г. Лозинского; начата работа над сборником неопубликованных трудов В. Г. Богораза; вышли из печати две научно-популярные книжки (М. И. Шахновича «Происхождение народных примет» и Л. Ф. Ракушевой «Как возникла человеческая речь»).

⁹ ПАФ АН СССР. Ф. 221. Оп. 2. № 159. Л. 7 об.

¹⁰ В. Д. Бонч-Бруевич (1873–1955) — выдающийся знаток религиозных движений, историк и публицист. Был директором музея с 1946 по 1955 г., совмещая этот пост с рядом должностей в Москве, в том числе возглавляя с 1947 г. Сектор истории религии и атеизма Института истории АН СССР.

¹¹ ПАФ АН СССР. Ф. 221. Оп. 2. № 159. Л. 6.

¹² Там же. Л. 9 об.

¹³ Там же. Л. 15.

¹⁴ Там же. Л. 12.

¹⁵ Там же. Л. 40.

¹⁶ Там же. Л. 18.

¹⁷ Там же. Л. 81.

¹⁸ Там же. Л. 85.

¹⁹ Там же. Оп. 2. № 172. Л. 20.

²⁰ Там же. Л. 75, 108.

²¹ Семен Миронович Козенко — комендант Музея истории религии АН СССР.

²² ЛенАкадемстрой — Ленинградское управление строительства Академии наук; зам. упр. ЛАХУ — заместитель управляющего Ленинградским хозяйственным управлением Академии наук.

²³ ПАФ АН СССР. Ф. 221. Оп. 2. № 159. Л. 122.

Санкт-Петербург, Почтамтская улица, 14/5

И. А. Пономарев

Государственный музей истории религии сейчас расположен в доме 14/5 по Почтамтской улице. Это здание имеет более чем двухвековую историю.

Почтамтская улица протянулась на 568 метров от Исаакиевской площади до Конногвардейского переулка. Проложена она была в 1730-х годах, и первоначальное ее название было Пушкарская улица. Оно было дано ей по Пушкарской слободе Адмиралтейского ведомства, где жили флотские артиллеристы. В те годы еще не было казарм Конногвардейского полка, и улица доходила до Крюкова канала.

После пожаров 1737 и 1738 годов Комиссия о санктпетербургском строении назвала улицу Большой Дворянской, возможно потому, что к тому времени большинство домовладельцев улицы принадлежало к этому сословию. Та же комиссия запретила строить на улице деревянные дома, и застройка велась каменными одно- и двухэтажными зданиями. Дома по нечетной стороне улицы выходили своей тыловой частью на канал, находившийся на нынешней ул. Якубовича. Однако хозяева

этих домов должны были отступить от канала на шесть сажен, чтобы оставался проезд¹. К 1762 году застройка улицы была завершена. Малой Дворянской улицей был назван проезд на западном краю современной площади Декабристов.

С постройкой Исаакиевской церкви Дворянская улица стала называться Новой Исаакиевской улицей (1768–1817), а Старой Исаакиевской называлась современная Галерная улица. Обычно в состав Новой Исаакиевской включали и Малую Морскую улицу, благо трасса у них была единой. Позднее Ново-Исаакиевской улицей стала называться современная улица Якубовича². С 1802 года улица стала называться Почтамтской и носила это имя до 13 октября 1922 года, когда ее переименовали в улицу Союза связи, «в честь профсоюза работников связи». В 1989 году улице было возвращено название Почтамтская.

С личностью Александра Андреевича Безбородко (1747–1799), занявшего в 1781 году должность генерал-почт-директора, связаны преобразования на этой улице, поэтому остановимся на истории

жизни этого человека. Это был один из ярких деятелей эпохи царствования императрицы Екатерины II. Ценя его за деловые качества, императрица способствовала его возведению в звание графа Священной Римской империи, и при ней же он стал светлейшим князем и канцлером.

Родился Александр Андреевич в городке Глухове на Украине. Получил домашнее образование и, предположительно, окончил Киевскую духовную академию. В 1765 году он служил под началом графа П. А. Румянцева в малороссийской коллегии. Во время первой русско-турецкой войны екатерининского царствования участвовал, опять же под руководством П. А. Румянцева, в военных действиях, где хорошо себя зарекомендовал. Вместе с П. А. Румянцевым А. А. Безбородко участвовал в битвах при Ларге, Кагуле и в штурме Силистрийских укреплений. П. А. Румянец назначил его руководить одной из походных канцелярий, что было довольно ответственным делом. При заключении Кучук-Кайнарджийского мира Румянец представил императрице молодого А. А. Безбородко, отрекомендовав его как способного, умного и трудолюбивого человека. В 1775 году Безбородко по желанию Екатерины II стал ее секретарем «у принятия челобитен». На этом посту он отлично проявил себя, и ему доверили готовить именные указы императрицы. Он стал ее любимым докладчиком. В 1781 году из Иностранной коллегии был выделен почтовый департамент, руководить которым и было поручено А. А. Безбородко, о чем 4 января 1782 года был высочайше подписан сенатский указ: «Господину Безбородко присутствовать в Коллегии иностранных дел по секретной экспедиции, и притом поручаем ему в точное ведение и наблюдение Почтовый Департамент, оставляя, впро-

ГМИР. Экспозиция отдела «Архаические верования и обряды».
Фото Т. И. Вишняковой

ем, его, Безбородку, при прежней должности»³.

По свидетельству современников, «Безбородко являлся крупной и характерной личностью. Отличительной чертой его блестящей карьеры было то, что успехами своими он обязан был не столь обычному в ту эпоху фаворитизму, а исключительно трудом своим, по достоинству оцененным императрицею. Его блестящие дарования были всецело посвящены служению России... Как то часто бывает у сильных натур, готовый работать без усталы, Безбородко был не прочь и повеселиться. Щедро награжденный императрицею, он жил на широкую ногу, любил пиры и веселье и, не будучи женат, слыл за великого поклонника женской красоты. При необыкновенных способностях и изумительной памяти такой род жизни не наносил ущерба его обширной государственной деятельности»⁴.

Свою деятельность по почтовому ведомству Александр Андреевич начал с постройки собственного дома. Купленный им участок находился на углу Выгрузного (ныне Почтамтского) переулка и Ново-Исаакиевской (сейчас Почтамтской) улицы. Раньше (по М. И. Пыляеву) здесь находилось подворье Курско-Знаменского монастыря. Построил этот дом архитектор Джакомо Кваренги, а помогал ему и учился у него архитектуре Н. А. Львов. Он был определен советником правления Главного управления почтовых дел и переселился жить вместе с семьей во дворец Безбородко на Почтамтской улице. А. А. Безбородко решил, что подведомственный ему департамент должен находиться рядом с его домом. Напротив его дома находились «пустопорожние места»: два из них принадлежали профессору Урсиниусу и одно – с каменным домом – нотариусу Медеру. А. А. Безбородко купил эти участки за 2100 рублей для постройки здания под названием «Почтовый стан».

Несколько ранее был куплен 3-этажный дом из 126 комнат с многочисленными службами генерал-поручика графа Сергея Павловича Ягужинского, сына «птенца гнезда Петрова» Павла Ягужинского. В 1766 году графа объявили несостоятельным, и дом перешел в

ГМИР. Экспозиция отдела «Возникновение и сущность христианства». Фото Т. И. Вишняковой

ГМИР. Экспозиция отдела «Иудаизм». Фото Т. И. Вишняковой

ГМИР. Экспозиция отдела «Иудаизм». Фото Т. И. Вишняковой

ГМИР. Экспозиция отдела «Католицизм». Фото Т. И. Вишняковой

ГМИР. Экспозиция отдела «Католицизм». Фото Т. И. Вишняковой

ГМИР. Экспозиция отдела «Протестантизм». Фото Т. И. Вишняковой

казну. В народе тот дом носил название «Ягужинский трактир», при нем имелся большой театр и домовая церковь. В театре дома С. П. Ягужинского ставились представления, а также цирковые номера, пантомимы и фейерверки. В доме впервые в городе демонстрировался частный зверинец. Газета «Санкт-Петербургские ведомости» за 1769 год писала по этому поводу: «В Ново-Исаакиевской, в доме графа Ягужинского, у живущего в оном иностранца Антона Шиеза можно видеть одного африканского верблюда, трех обезьян и двух ежей»⁵. Представления в доме Ягужинского проходили до 1780 года, т. е. до полной отставки его владельца.

Императрица сократила долг графа с 38 до 21 тысячи. Оставшаяся часть долга должна была быть погашена путем продажи дома. Дом был куплен почтовым ведомством в 1782 году за 32 650 рублей⁶, о чем последовал указ Сената: «Купленный с аукциона за 30 тыс. руб. каменный дом генерал-поручика С. Ягужинского, состоящий в Новой Исаакиевской улице, отдать в точное ведомство нашего генерал-майора Безбородко для употребления по надобностям препорученного ему Почтового Департамента»⁷. Проект перестройки дома был создан архитектором Н. А. Львовым. Именно этот угловой дом и имеет ныне № 14 по Почтамтской улице и № 5 по Почтамтскому переулку.

Однако для помещения всех почтовых учреждений дома С. П. Ягужинского оказалось мало, поэтому-то и было решено напротив него строить здание на купленных участках. Составить проект постройки под названием «Почтовый стан» было поручено Н. А. Львову. По плану А. А. Безбородко в перестроенном доме С. П. Ягужинского должно было разместиться Главное почтовых дел правление. Ввиду занятости Н. А. Львова другими делами строительство Почтового стана и перестройка дома Ягужинского были поручены архитектору Якову Шнейдеру, а исполнение работ – каменному мастеру Порто. Перестройка дома Ягужинского проходила с 1782 по 1785 год. В доме Почтового стана разместились Главное почтовое правление, Почтамт со всеми операционными

помещениями и квартиры для чиновников.

Что собой представлял Почтовый стан, видно по следующему описанию: «В основу планировки здания был положен принцип застройки участка по периметру, характерный для петербургского, в особенности жилого, строительства. По красной линии были расположены высокие трехэтажные корпуса, которые отгораживали от улицы его внутреннюю дворовую часть, предназначенную для хозяйственных нужд. Благодаря этому было достигнуто разделение парадной внешней части здания и внутривортовой застройки участка, состоявшей из комплекса одноэтажных флигелей производственного и хозяйственного назначения. Это позволило сосредоточить производственные процессы Почтового стана внутри двора»⁸. Четырехколонные портики указывали на въезды во дворы. Единый карниз и строгий рустованный нижний этаж объединяют всю постройку в единое целое. Строительство Почтового стана было завершено в 1789 году, но еще в 1787 году Н. А. Львов с семьей переехал в ведомственную квартиру в Почтовом стане, где и прожил 12 лет.

В конце XVIII века назрела необходимость реконструкции здания Почтового стана и дома С. П. Ягужинского. Идея перестройки заключалась еще и в том, чтобы сконцентрировать Почтамт в доме Ягужинского за счет помещений Почтового правления и нескольких квартир наемных служащих и переносе Главного почтового правления в здание Почтового стана. Архитектором перестройки был назначен Е. Т. Соколов (1750–1821). Все работы были закончены в 1803 году⁹. Здание Почтового стана перестраивалось трижды. Из 60 барельефов, установленных изначально зодчим, сохранились лишь две львиные маски с «полотенцами» на фасаде портиков.

В 1859 году архитектору Альберту Катариновичу Кавосу (1801–1863) была поручена перестройка дома С. П. Ягужинского. В его дворе были уничтожены все вспомогательные постройки, главное здание было построено четвертым этажом, и был изменен его фасад. Для соединения двух зда-

ГМИР. Экспозиция отдела «Русское православие». Фото Т. И. Вишняковой

ГМИР. Экспозиция отдела «Современный католицизм». Фото Т. И. Вишняковой

ний была перекинута арка через Почтамтскую улицу. Она имела внутренний переход, через который чиновники, жившие в этом доме, могли переходить на работу, не выходя на улицу. В настоящее время этот переход не используется. Все работы были выполнены в 1861 году.

В советское время в первом этаже этого здания размещались школа, правление «Агропрома», отделение телеграфа, магазин и

ресторан, а в верхних этажах были жилые помещения.

Основная часть реставрационных работ здания по Почтамтской улице, 14, начатых в 1992 году, была завершена к 2000 году, и Музей истории религии начал в него переезд. В апреле 2003 года туда были полностью перевезены фонды и библиотека. Параллельно велось создание новой экспозиции. В настоящее время работают следующие ее разделы: «Архаические верования и обряды», «Религия Древнего Египта», «Религия Древней Греции», «Религиозный синкретизм античного мира», «Иудаизм», «Возникновение и сущность христианства», «Русское православие», «Католицизм», «Протестантизм», а также выставка «Серебряная кладовая». В ближайшее время будет открыта экспозиция, посвященная исламу. Так самые разные религии мира мирно уживаются под крышей этого уникального, единственного в России музея.

¹ Воложенинов И. Улица Союза Связи // Блокнот агитатора. 1972. № 20. С. 39.

² Топонимическая энциклопедия Санкт-Петербурга. СПб., 2002. С. 300.

³ Никитина А. Б. Архитектурное наследие Н. А. Львова. СПб., 2006. С. 147.

⁴ Кутын В. А., Соловьева Т. А., Солиц А. Н. Санкт-Петербургский почтамт. СПб., 1997. С. 48.

⁵ Там же. С. 55.

⁶ Там же. С. 58.

⁷ Никитина А. Б. Указ. соч. С. 150.

⁸ Там же. С. 152.

⁹ Кутын В. А., Соловьева Т. А., Солиц А. Н. Указ. соч. С. 99.

Отдел книжных фондов Государственного музея истории религии

С. М. Иванова

Евангелие. 1560 г. Москва. Анонимная типография. Библиотека ГМИР

Отдел книжных фондов (ОКФ) – научно-фондовое и научно-информационное подразделение Государственного музея истории религии. ОКФ совмещает библиотечные, музейно-фондовые и научно-информационные функции. В своей работе отдел опирается на стандарты по библиотечному делу и инструкции по учету и хранению музейных ценностей.

Музей – это не только собственнo музейные коллекции. Научные издания, находящиеся в отделе, помогают изучать коллекции. Редкие книги сами являются частью коллекций и выставок в музее. Трудно понять, где заканчиваются музейные фонды и начинаются книжные. В этом уникальность отдела.

Отдел книжных фондов (библиотека) был создан в 1932 году одновременно с музеем. У истоков создания стоял В. Г. Богораз-Тан, этнограф, первый директор музея.

За 75 лет в библиотеке работали заведующие – М. Д. Захарова, М. А. Вихляев, Г. Д. Калининчева,

сотрудники – А. В. Ковалевская, А. Е. Глазкова, А. Г. Дубелир, Н. П. Левина, Е. К. Захарова, В. В. Дмитриева, З. В. Ханутина и другие. Благодаря их самоотверженному труду уникальная библиотека музея была собрана, сохранена и научно обработана.

Основу фондов составили издания из запасного фонда Библиотеки Академии наук СССР, фондов общезузовской библиотеки (бывшей Университетской), рабочего антирелигиозного университета (Ленинград), Политехнического института, Института истории, Синодальной библиотеки, Исаакиевского собора и др.

Собирательская работа осуществлялась различными путями. Книги поступали в результате экспедиций, покупок и в качестве подарков от частных лиц. В ряде случаев в библиотеку поступали книги из церквей, монастырей, прекративших свое существование.

После войны директором музея стал В. Д. Бонч-Бруевич. В архиве музея хранится его перепис-

ка с заведующей библиотекой М. Д. Захаровой¹. Находясь в Москве, он принимал активное участие в судьбе библиотеки, заботился о новых поступлениях, разыскивал необходимые издания, беспокоился о сохранности фонда.

После закрытия в 1946 году Центрального антирелигиозного музея в Москве и передачи его фондов МИР библиотека увеличилась почти в два раза. Книжный фонд ЦАМ составляла литература по религии и истории атеизма, собирать которую в 1920–1930-е годы начал организатор московского музея Б. П. Кандидов. Благодаря его энтузиазму было спасено большое количество редких книг и дореволюционных изданий.

В фонд библиотеки вошла часть книжного фонда Императорского православного палестинского общества (книги и журналы по богословию, церковной истории, палеоисториологии), книги из личных библиотек В. Д. Бонч-Бруевича, члена-корреспондента АН СССР Н. М. Никольского, профессора Б. Я. Рамма, протоиерея И. Н. Четверухина и других. Благодаря наличию печатей и экслибрисов можно проследить пути ее комплектования.

До 1961 года наш музей входил в систему Академии наук СССР, и библиотека являлась филиалом БАН, поэтому в ОКФ попало много книг из обменного фонда этой библиотеки. Литература также была получена из обменных фондов РНБ и Городской библиотеки им. Маяковского, библиотек МГУ им. Ломоносова, ИНИОН, ГБЛ.

Для сбора книг в 1970–1980-е годы Г. Д. Калинин, Н. П. Левина, Е. К. Захарова объездили библиотеки городов, где до революции находились духовные семинарии, посетили столицы союзных республик: Вильнюс, Киев, Кишинев, Минск, Ригу, Таллин, где работали с обменными фондами республиканских, академических и университетских библиотек. Большое количество книг поступило в 1990-е годы из Ставропольской краевой библиотеки им. М. Ю. Лермонтова. Библиотека музея была единственной, которая получала религиозную литературу (богослужбные книги, издания Библии, «Журнал Московской патриархии») через Совет по делам религий при Совете министров СССР. Из имевшихся дублетных экземпляров в библиотеке был создан обменный фонд, книги из которого были переданы Львовскому музею истории религии, Санкт-Петербургской духовной академии, Синодальной библиотеке в Москве и др.

В настоящее время фонд отдела насчитывает 191 000 единиц хранения (среди них книги на русском, славянском и иностранных языках) и периодические издания (отечественные и иностранные). В нем представлена литература по христианству (православию, католицизму, протестантизму), иудаизму, буддизму, даосизму, синтоизму, исламу и т. д. В библиотеке также хранятся книги по истории, философии, археологии, этнографии, искусству. Собрание позволяет почувствовать все многообразие и единство духовной истории человечества во всей сложности и противоречивости, во всем богатстве и неповторимости.

Сотрудники отдела заслуженно гордятся систематическим каталогом, который ведется с 1930-х годов и развивается вместе с библиотекой. Удобство и простота в работе, полнота наполнения каждой рубрики, возможность быстрого составления библиографии по любой профильной теме всегда привлекают читателей. Отдел оказывает помощь в научно-исследовательской, собирательской, фондовой, экспозиционной и научно-просветительской работе. По инициативе Г. Д. Калининской была создана Ассоциация

христианских библиотек Санкт-Петербурга.

В библиотеке выделен фонд редкой книги. В нем существуют две самостоятельные коллекции. Одна из них получила название «Коллекция старопечатных книг кирилловской печати XVI–XVII веков»², другая – «Коллекция инкунабулов и старопечатных иностранных книг XVI–XVII веков». Каталоги имеющихся инкунабулов и старопечатных книг опубликованы³. Собрание старопечатных книг включает 358 единиц хранения и занимает четвертое место среди библиотек Санкт-Петербурга, имеющих коллекции книг кирилловской печати (после РНБ, БАН, СПбГУ).

Полных сведений о том, какими путями комплектовалось собрание старопечатных книг музея, нет. По печатям и записям бывших владельцев книг можно установить, что наиболее значительными были поступления из ЦАМа в Москве и из Института книги, документа, письма АН СССР. Из более ранних владельцев книг – Воскресенский (Ново-Иерусалимский) монастырь, Московская Покровско-Успенская старообрядческая община, Преображенский богадельный дом в Москве, Борисоглебский музей (Ростов) и др. Ряд книг ранее входил в библиотеки Н. П. Лихачева, Д. А. Арбузова, М. И. Михайлова, С. Т. и Н. С. Большаковых. На нескольких книгах имеется владельческий знак антикварной книжной торговли В. И. Клочкова (СПб., Литейный пр., д. 55).

В составе коллекции имеются экземпляры ценных изданий XVI века. Это в первую очередь дофедоровское Евангелие. Из изданий Ивана Федорова в библиотеке имеются фрагмент львовского Апостола 1574 года и четыре экземпляра Библии (Острог, 1580–1581 гг.). Острожская типография представлена еще рядом изданий («Сборник о вере единой», 1588 г., «Книга о постничестве» Василия Великого, 1594 г., «Маргарит» Иоанна Златоуста, 1595 г., «Правило истинного живота христианского», 1598 г.). Особую ценность представляют экземпляры изданий XVI века, вышедшие за пределами России. Такова богато иллюстрированная Минея избранных, 1538 г., и Молитвенник, 1547 г., напечатанные в Венеции. Хорошо представлены издания виленской типографии Мамоницей (Евангелие, 1575 г., и Псалтырь, 1576 г., Евангелие учительное, 1595 г. и др.).

В коллекции отражена книгоиздательская деятельность продолжателей дела Ивана Федорова в Москве: имеются экземпляры изданий печатников А. Т. Невежи, И. А. Неvejина, А. Радишевского, Н. Ф. Фофанова.

Из более поздних московских изданий особенно редкими, отсутствующими в других библиотеках Санкт-Петербурга являются: Часовник, 1631 г., издание «а» Пролога, 1643 г., «Поучения» Ефрема Сирина, 1647 г., Евангелие с толкованием Феофилакта Болгарского, 1649 г., Служебник, 1657 г., и книга «Службы, житие и чудеса Николая Чудотворца», 1688 г.

Евангелие. 1632 г. Москва. Печатный двор. Библиотека ГМИР

Представлены интересные издания украинской и белорусской печати XVII века. Имеются редкие экземпляры (единственные в Санкт-Петербурге) Евангелия (не ранее 1683 г.), Псалтыри, 1697 г., напечатанные во Львове.

В коллекции музея хранится также уникальный экземпляр Евангелия, изданного в Москве в 1632 году. Это издание зафиксировано только в нашем каталоге.

Для исследователей значительный научный интерес представляют записи на книгах – вкладные, владельческие, продажные, читательские и любые другие. Поэтому так важно описание каждого экземпляра. Коллекция музея дает богатый материал для реконструкции древнерусских библиотек (принадлежность отдельных изданий крупнейшим русским монастырям и приходским церквям), сведений о читателях Древней Руси. Вкладчиками и владельцами наших книг были люди различного социального статуса. Встречаются имена представителей правящей династии («инока» Марфа Ивановна, цари Михаил Федорович и Алексей Михайлович) и патриархов (Никон, Иоасаф II), бояр, посадских людей (хамовник, «серебряной мастер»), приходских священников и крестьян.

Собрание книг кирилловской печати XVI–XVII веков, хранящееся в музее, достаточно полно и разносторонне отражает путь, пройденный славянским книгопечатанием за два века его истории. С большим успехом в 2006 году в музее прошла выставка «У истоков книжной реки», где широкому кругу посетителей впервые были представлены русские первопечатные богослужебные книги из нашей коллекции.

Не менее интересна и западноевропейская часть собрания старопечатных книг. В нее входит 41 инкунабула и 721 иностранная книга XVI–XVII веков.

Все инкунабулы собрания – латинские. Самое раннее издание датируется 1474 годом. Это напечатанное в типографии Питера Шеффера, на родине книгопечатания, в Майнце, сочинение Генриха Герпфа «Зеркало десяти Божиих заповедей». 25 наименований книг имеет богословское содержание.

Repertorium siue tabula
 generalis autoritatum Aristotelis et philosophorum.
 cum commento per modum alphabeti

Беда Почтенный (ок. 673–735). Реперториум, или Общий перечень суждений Аристотеля и философов. Кельн. Печатник Генрих Квентелль. 1495 г. Библиотека ГМИР

Среди авторов – крупнейшие католические богословы. Святой Августин представлен сборником трудов, в который, наряду с наставлениями для проповедников, включено одно из важнейших его сочинений «О христианской науке». Книга издана в Кракове около 1475 года и является одним из наиболее ранних памятников польского книгопечатания. Богословие Высокого средневековья представлено трактатом Фомы Аквинского «О грехах и добродетелях», изданным в Лейпциге на рубеже 80-х и 90-х годов XV столетия, и пятью изданиями трудов Уильяма Оккама.

Из изданий сочинений итальянских гуманистов XV века нужно отметить книгу Бартоломео

Платини «Жизнеописание пап», напечатанную в Нюрнберге в 1481 году.

Наше собрание обладает бесспорным раритетом – не учтенным никакими каталогами изданием «Проблем» Псевдо-Аристотеля, к которому в приложении дано сочинение «О жизни и смерти Аристотеля». Книга напечатана в Кельне Генрихом Квентеллем в начале 90-х годов XV века.

Имеется в нашем собрании «Молот ведьм» инквизиторов XV века Г. Инститориса и Я. Шпренгера. Неоднократно издаваемая, эта книга представлена изданием 1496 года, вышедшим в Нюрнберге.

Другая часть коллекции – собрание западноевропейских книг XVI–XVII веков, среди которых

встречаются особо ценные и редкие издания. В первую очередь это прижизненные издания крупнейших представителей европейской философии: Эразма Роттердамского (1535), Фрэнсиса Бэкона (1626) Томаса Гоббса (1641). К раритетам относится прижизненное издание сочинения Чезаре Ванни «Амфитеатр вечного провидения» (1615).

Книги XVIII–XIX веков находятся в общем фонде. В отделе собрана большая коллекция Библий, в том числе издания на иностранных языках Всемирного библейского общества и на русском языке Российского библейского общества, а также переводы на языки народов Российской империи.

Значительна и разнообразна коллекция богословской и религиозно-философской дореволюционной периодики: это полные собрания журналов духовных академий (Санкт-Петербургской – «Христианское чтение», «Церковный вестник»; Московской – «Богословский вестник»; Казанской – «Православный собеседник»), ряда духовных семинарий (например, «Вера и разум» Харьковской духовной семинарии), епархиальные ведомости и др. Широко представлены православные журналы: «Вестник военного духовенства», «Русский паломник», «Светильник» и др. В библиотеке имеется полный комплект ежегодника «Богословские труды» с 1959 года по настоящее время. Сборник является органом высших учебных заведений духовных академий РПЦ.

Из религиозно-философских журналов имеются «Логос», «Вопросы философии и психологии», «Вестник теософии» и др. Имеются труды духовных академий: Библиотека Святых Отцов и учителей Церкви Московской и Киевской духовных академий, Творения Отцов Церкви Санкт-Петербургской духовной академии, труды Киевской духовной академии, редкие издания по истории русской церкви, богослужебные книги.

Большой интерес представляет коллекция масонской литературы. Это сочинения масонов и западно-христианских мистиков, на русский язык их переводили И. П. Тургенев, А. Ф. Лабзин, П. П. Потемкин, а также произведения самих русских масонов (И. В. Лопухин, А. И. Ковальков), которые издавал Н. И. Новиков.

В коллекции книг второй половины XIX – начала XX века представлены образцы печатной продукции известных издательств и типографий России того времени («Путь», «Мускет», «Прометей», «Шиповник», «Орфей», «Русская мысль»). Это прижизненные издания символистов и философов Серебряного века (А. Белого, В. С. Соловьева, С. Н. Булгакова, Е. Н. Трубецкого, П. Флоренского и других). Имеются книги с дарственными надписями авторов.

Широко представлена антирелигиозная литература 1920–1930-х годов. Это журналы «Революция и церковь», «Атеист», «Антирелигиозник», «Безбожник», «Безбожник у станка» и др. В отдельных

журналах имеются иллюстрации знаменитых карикатуристов того времени – Д. С. Моора, М. М. Черемных, Кукрыниксов и других. Эта коллекция является уникальной и вместе с антирелигиозными плакатами, хранящимися в музейном фонде, отражает самобытную страницу истории нашей страны.

В коллекции книг на европейских языках выделена *Rossica*, особый интерес в которой представляют издания, отражающие религиозную жизнь многоконфессионального Петербурга конца XIX – начала XX века.

Музей издает сборники научных трудов, материалы конференций и религиозно-научных чтений, монографии, каталоги. Вместе с картотекой трудов сотрудников музея эти издания составляют отдельную коллекцию библиотеки.

Отдел книжных фондов продолжает пополняться. Он является неотъемлемой частью Государственного музея истории религии. Книги, хранящиеся здесь, составляют единое целое с его коллекциями.

Музей переехал в новое здание, где библиотека получила необходимую площадь для хранения фондов и читальный зал. Библиотека музея, являясь уникальным специализированным книжным собранием, обслуживает сотрудников музеев, работников науки и культуры, кино и телевидения, преподавателей, студентов и аспирантов гуманитарных вузов, христианских учебных заведений, краеведов, реставраторов.

¹ Бонч-Бруевич В. Д. Письма М. Д. Захаровой, заведующей библиотекой Музея // Архив ГМИР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 309–315.

² Буланин Д. М. Коллекция старопечатных книг Музея истории религии и атеизма // Труды Отдела древнерусской литературы. Л., 1980. Т. 35. С. 417–421. Большое собрание рукописных книг хранится в Научно-историческом архиве ГМИР.

³ Буланин Д. М. Каталог книг кирилловской печати XVI–XVII веков Музея истории религии и атеизма в Ленинграде // Научно-атеистические исследования в музеях. Л., 1986. С. 17–46; Л., 1987. С. 90–107; Л., 1988. С. 36–70; Черняк И. Х. Инкунабулы в собрании Государственного музея истории религии и атеизма // Музей в атеистической пропаганде. Л., 1986. С. 107–120.

Историк-медиевист Г. Э. Петри

О. В. Вольфдун

29 октября 1935 года в газете «Ленинградская правда» появилась статья под названием «Инквизиция. К открытию выставки в Музее истории религии», написанная первым директором и основателем музея профессором В. Г. Богораз-Таном. Эта выставка, открывшаяся 8 ноября 1935 года и переросшая затем в постоянную, периодически возобновляющуюся экспозицию, надолго стала визитной карточкой музея, привлекая большое количество посетителей¹. Вдохновителем и инициатором открытия выставки был, несомненно, В. Г. Богораз-Тан. Однако непосредственная работа над ней велась сотрудниками отдела феодальной религии на Западе², об одном из которых – Г. Э. Петри – и пойдет речь.

Георгий Эдуардович (Георгий-Карл-Юлий) Петри³ родился 9 декабря 1888 года в Петербурге. Его отец Эдуард Юльевич Петри (1857–1899), дослужившийся до чина статского советника, был профессором географии и этнографии в Петербургском университете; мать Евгения Львовна Петри (1858–1923) более 30 лет проработала в Музее антропологии и этнографии АН⁴, занимаясь изучением народов Океании и Америки и историей науки.

Непростая обстановка в семье⁵, тем не менее, способствовала развитию творческого потенциала и интереса к науке юного Г. Петри. Получив начальное образование дома вместе с братом Бернгардом (1884–1937), впоследствии видным ученым – этнографом-сибиреведом⁶, он затем учился в гимназии К. Мая, которую окончил в 1907 году с золотой медалью. В том же году он поступил на историческое отделение историко-филологического факультета Петербургского университета.

Круг научных интересов Георгия Эдуардовича, определивший

Г. Э. Петри с женой М. А. Петри (урожденной Мильяевой).
Из домашнего архива М. Г. Петри

всю его дальнейшую судьбу, сложился под влиянием профессора Петербургского университета И. М. Гревса, в чьем семинаре он занимался, специализируясь по истории итальянского средневековья. Предметом особенного интереса Петри было учение и личность святого Франциска⁷.

И. М. Гревс, которого по праву считают одним из основателей экскурсионного дела в России, особое внимание уделял живому общению с историей. Участники его семинаров (костяк петербургской школы медиевистики, на долгие годы определивший пути развития этой науки в СССР) не только тщательнейшим образом знакомились с источниками, прорабатывали необходимую литературу, подбиравшуюся И. М. Гревсом в начале каждого курса занятий, но имели возможность окунуться в атмосферу подлинной истории во время знаменитых экскурсионных поездок, участником одной из которых (1912 года) был Г. Э. Петри. Целью этой поездки, которой предшествовало несколько «просеминариев»

(по хронике Дино Кампанья, по Франциску Ассизскому) и занятия по Данте⁸, было перенесение знаний, полученных в «лабораторных» условиях семинарских занятий, на живую почву.

Подробности тех поездок сохранились как в записках самого И. М. Гревса, так и в воспоминаниях многих его учеников. Н. П. Анциферов, также участник экскурсии 1912 года и близкий друг Г. Э. Петри, с которым он познакомился и сдружился в годы учебы в университете и вместе с которым в 1910 году стал членом Эрмитажного кружка по подготовке экскурсий для рабочих, так вспоминал о подготовке к поездке: «Мы знакомились с картами Италии, на которых И. М. Гревс демонстрировал нам маршрут, глубоко им продуманный. Вступлением в Италию намечалась Венеция, заключением – Рим. Из Венеции мы должны были проехать в Падую, далее в Равенну. Основной город нашего путешествия, его кульминационный пункт Флоренция... После Флоренции намечалась Пиза, Сан-

Джиминьяно, Сиена, Перуджа и затем паломничество пешком в заветный Ассизи»⁹. Для большого успеха поездки И. М. Гревс привлек к участию в ней искусствоведов А. И. Анисимова (специалиста по иконописи), специалиста по Ренессансу В. А. Голованя и Н. П. Оттокара, руководившего экскурсантами во время их пребывания в Сиене и Флоренции. Участниками экскурсии были 25 слушательниц Бестужевских курсов, учениц И. М. Гревса и М. И. Ростовцева, и трое студентов университета: А. П. Смирнов, Г. Э. Петри и Н. П. Анциферов.

Сохранившиеся воспоминания участников поездки, а также их письма к «дорогому Padre» — И. М. Гревсу хорошо передают атмосферу интеллектуального напряжения, погружения в историю, достижение которого и было главной целью поездки. Г. Э. Петри не избежал общего настроения.

Успешно окончив в 1913 году университет с дипломом I степени, Г. Э. Петри был оставлен при кафедре всеобщей истории для подготовки к профессорскому званию, а в 1916 году начал сдавать магистерские экзамены, но в дальнейшем посвятил себя педагогической и экскурсионной работе. Такой выбор в немалой степени был обусловлен влиянием И. М. Гревса, который своим примером постоянно доказывал необходимость нести академическое знание в более широкую среду: в гимназический класс или в просветительский кружок.

Г. Э. Петри начал преподавать еще с 1907 года, давая сначала частные уроки, а с 1913 года вел занятия по истории в старших классах Коммерческого училища Э. Ф. Мурашкинцевой (где с сентября 1917 года и до закрытия училища в декабре 1918 года был директором и председателем школьного совета); в гимназии Штемберга (1914–1918); в Коммерческом училище М. А. Шидловской (1917–1918); в 6-й Городской гимназии (затем 21-й школе Куйбышевского района), директором которой был в 1920–1929 годах; заведовал учебной частью 32-й школы Октябрьского района (1929–1930). Вообще тот период жизни Г. Э. Петри отмечен необычайной активностью на разных поприщах. Он неоднократно выступал с докладами на со-

браниях директоров школ, был председателем предметной комиссии по истории, а затем по обществоведению, принимал участие в составлении методических пособий по преподаванию истории в школе. В 1923 году он был избран членом Ленсовета IX созыва, а с 1927 по 1929 год входил в состав РКК при Группкоме Совета Рабпроса.

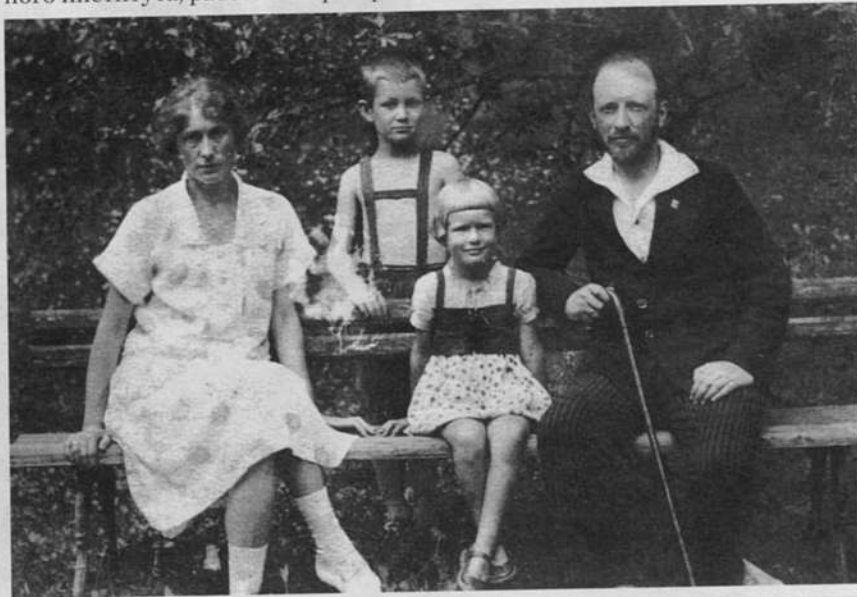
Одновременно с работой в школе с 1919 года много времени уделял экскурсионной деятельности: был сотрудником музейного отдела Экскурсионного бюро Политпросвета, инструктором по детским клубам и площадкам (1919–1920), членом Совета экспертов социального воспитания губотдела народного образования по экскурсионной секции (1920–1921), штатным руководителем экскурсий в Коммунистическом университете им. Зиновьева (1922–1926), действительным членом Государственного экскурсионного института (1922–1925), а с 1924 года — научным секретарем совета института. При его активном участии в 1923 году в Петрограде была организована и проведена III конференция экскурсионных работников, где с программным докладом об экскурсионной работе выступал И. М. Гревс.

После слияния в 1925 году Государственного экскурсионного института с Государственным институтом научной педагогики Г. Э. Петри занял должность научного сотрудника вновь образованного института, работал секретарем

экскурсионно-краеведческой комиссии (1925–1930), а также был сверхштатным (1925–1926) и штатным (1927–1929) доцентом Ленинградского государственного университета по факультету языка и материальной культуры. Г. Э. Петри основательно занимался историей искусства, историей Петербурга и пригородов. Вместе с Н. П. Анциферовым был руководителем Павловского семинария. Особенно его интересовали вопросы методологии исторической экскурсии, которым он посвятил несколько работ (в том числе совместно с Анциферовым)¹⁰.

Период активной творческой и общественной деятельности оказался для Г. Э. Петри недолгим.

Летом 1929 года он был уволен из ЛГУ ввиду изменения программ факультета и как не сумевший «построить курс экскурсионного дела на основе марксистского метода», а в 1930 году был снят с работы в Государственном институте научной педагогики в связи с арестом, ставшим переломным этапом, перевернувшим всю жизнь талантливого ученого. В июне 1930 года Г. Э. Петри был привлечен по делу бюро краеведения, которое стало составной частью «Академического дела»¹¹. Дело бюро краеведения, направленное в основном против И. М. Гревса, снова свело вместе многих его учеников, в том числе и участников экскурсии 1912 года в Италию. Год, проведенный в заключении в ДПЗ и «Крес-

Г. Э. Петри с женой и детьми. Из домашнего архива М. Г. Петри

тах», закончился попыткой самоубийства. Н. П. Анциферов, волей судьбы и там оказавшийся вместе с Петри, так вспоминал о своей встрече с ним: «Здесь я встретился со своим старым другом Г. Э. Петри. Так как мы, рабочие, могли выходить на прогулки по своему желанию в любые дневные часы, я условился с Петри о встрече. К нему на свидание приходила его жена Мария Александровна и дети – друзья моих детей Летик и Наташа... С Г. Э. Петри мне удалось поговорить на прогулке. Он очень тяжело переносил тюрьму и следствие. Он признался, что в одиночке пытался повеситься»¹². С чем же был связан такой моральный слом? В первую очередь, по воспоминаниям дочери Г. Э. Петри, Натальи Георгиевны, с непрекращавшимся беспокойством о судьбе жены и детей, ставших заложниками его положения. К моменту ареста он был женат на Марии Александровне, урожденной Миляевой, педагоге и библиотекаре, имел сына – Алексея (от первого брака) и маленькую дочь Наташу. Многочисленные примеры судеб семей осужденных, если и не подвергавшихся преследованиям в открытую, но вынужденных переносить тяготы и лишения жизни с клеймом «членов семьи врага народа», постоянно тревожили его.

По приговору Коллегии ОГПУ по статье 58-11¹³ Георгий Эдуардович был выслан в административном порядке в Северный край сроком на 3 года. На Севере он работал в Архлехимсоюзе плановиком-экономистом (15.11.1931–10.07.1932) и экономистом-финансистом (11.07.1932–5.08.1933). По окончании высылки он был восстановлен в правах и вернулся в Ленинград. Судимость по ст. 58-11 закрывала перед ним возможность вернуться к прежней деятельности. Однако счастливый случай улыбнулся Г. Э. Петри. С 1933 года судьба связала его с только что открывшимся Музеем истории религии АН СССР. Представить, каким был музей в те годы, каковы были принципы, положенные в его основание, позволяют статьи и заметки первого директора музея В. Г. Богораз-Тана, чей энтузиазм, обширные знания, личное участие во всем, что происходило

в музее – от формирования коллектива сотрудников до разработки принципов экспозиции, сделали музей истинно научным учреждением, дававшим возможность заниматься изучением истории религии. В статье В. Г. Богораз-Тана «От собора к Музею истории религий» в № 1 журнала «Антирелигиозник» за 1936 год, представлявшей собой краткий отчет о трехлетней деятельности музея, так формулировалась цель работы музея: «Таким образом, церковное здание превращается в музей для изучения религии. Оформление такого музея, построенное на научной базе, должно быть художественным. Искусство, которое в течение многих столетий служило церковному мраку и церковному гнету, должно быть направлено на выявление церковного вредительства и связанного с ним социального и классового угнетения»¹⁴. Из сказанного следовали задачи: «Выявить общественно-экономические корни религиозной идеологии и ее реакционную роль на различных этапах развития общества; выявить реакционную роль церкви и религиозных организаций в истории классовой борьбы; отобразить развитие атеистических идей, антиклерикальных движений и массового безбожия в истории классовой борьбы»¹⁵.

Казалось бы, при таком формулировании цели и задач должен быть подобран соответствующий

контингент сотрудников. Однако за громкими заявлениями о необходимости раскрывать «реакционную роль», скрывалось понимание политической ситуации, а также желание изучать историю религии на высоком научном уровне и дать работу тем, кто способен был это делать.

В ноябре 1933 года Г. Э. Петри был принят на работу в Музей истории религии в качестве экскурсовода, а в марте 1934 года переведен в научные сотрудники II разряда. В 1935 году он – научный сотрудник I разряда сектора истории религии феодальной эпохи в Западной Европе. Основной сферой деятельности Г. Э. Петри в музее была привычная для него экскурсионная и выставочная работа. Он разрабатывал экспозицию по истории религии VI–XV веков, отдельные решения которой использовались в экспозиции отдела на протяжении многих лет (макет худ. Алексева «Шуты на Гревской площади в Париже» и многие другие). Работа в музее позволила Г. Э. Петри возобновить занятия по средневековой истории. Занимаясь изучением массовых движений на Западе, он подготовил работу «Движение апостольских братьев и восстание Дольчино», основные положения которой были представлены им на научном совещании МИРа в 1933 году»¹⁶. Эта работа, как и большинство пре-

Г. Э. Петри проводит занятие со школьниками на экспозиции МИР АН СССР. На переднем плане экскурсовод Логинова. 1934 г.

дусмотренных на 1936 год музеем научных трудов, являлась одновременно и его кандидатской диссертацией. Он представил для печати статью по истории массовых религиозных движений в Италии в XIII веке «Франциск и раннее францисканство»¹⁷, в которой попытался по возможности объективно и мягко представить историю возникновения и развития ордена миноритов и отразить роль св. Франциска в жизни ордена. Судя по реакции на нее специалистов, работа, при всех ее достоинствах, была не слишком удачной. В отзыве О. Л. Вайнштейна, в частности, отмечалось, что «это первая попытка дать историю происхождения ордена миноритов на основании знакомства с первоисточниками – сочинениями Франциска и уставами (1210, 1221 и 1223 гг.) с марксистских позиций», что «работа Г. Э. Петри по постановке вопросов и ряду приведенных данных представляет интерес, но имеет ряд недостатков, которых, быть может, трудно избежать в первом опыте марксистского изучения столь сложного и запутанного в буржуазной историографии вопроса»¹⁸. Тем не менее статья была рекомендована к печати.

Активная деятельность Г. Э. Петри в музее, его быстрое продвижение по служебной лестнице от экскурсовода к ведущему научному сотруднику позволили музею в лице его директора В. Г. Богораз-Тана с 1935 года начать ходатайствовать перед органами НКВД о выдаче Г. Э. Петри паспорта и снятии ограничений на проживание, а также ходатайствовать о снятии судимости. 17 августа 1936 года судимость была снята¹⁹.

С 1935 года Г. Э. Петри начал совмещать службу в музее с работой в Государственной публичной библиотеке в вечернее время по договору, а с 1 марта 1937 года был зачислен на полставки главного библиотекаря в качестве консультанта в штат I Антирелигиозного

отделения. Антирелигиозное отделение, организованное в 1929 году на базе библиотек Духовной академии, Духовной семинарии и отделения истории культов Публичной библиотеки, насчитывало более полумиллиона книг по истории религии, богословию, философии, всемирной истории начиная с XVI века. Почти 400 000 книг было на иностранных языках. Главной задачей отделения, помимо агитационных выставок, было создание систематического каталога, описание книг и составление аннотаций. К этой работе и был подключен Г. Э. Петри. Пригодилось его знание истории, а также иностранных языков (он свободно владел немецким, французским, английским, итальянским и латинским языками). В 1938 году к руководству библиотеки обратилась редакция журнала «Антирелигиозник» с предложением сделать номер силами сотрудников Публичной библиотеки. Среди предполагаемых авторов был и Г. Э. Петри, который должен был написать статью «Таксы апостольской канцелярии» объемом 15 страниц. Статья должна была осветить историю создания такс, сделать переводы из них и описание такс 1504 и 1506 годов, хранившихся в антирелигиозном отделении²⁰.

В течение нескольких лет Г. Э. Петри удавалось совмещать работу в музее и в библиотеке. Однако работа в музее, где к тому времени Петри был уже и.о. заведующего отделом истории религии в феодальной Европе, отнимала все больше времени и вынудила его просить об освобождении от должности или о переводе на договор. С 1 февраля 1939 года Г. Э. Петри был освобожден от работы в Государственной Публичной библиотеке²¹.

В то время началась его интенсивная научная работа. Для «Курса истории религии и атеизма» Г. Э. Петри написал раздел «Католицизм в феодальной Европе с

конца V в. по XV в.», а позже, по просьбе М. М. Шейнмана, в виде дополнения к тому же изданию подготовил очерк о средневековом мировоззрении, написал статьи «Папство в XIV в.» и «Кальвинизм и контрреформация», вошедшие в 1940 году в сборник «История средних веков»²², готовил к печати статью «Рыцари-крестоносцы и политика римских пап в Прибалтике в XII–XIV вв.»²³.

В то же время возобновилась его методическая и преподавательская деятельность. Он вел в музее дела по организации работы со школьниками в качестве председателя школьной комиссии, по совместительству работал преподавателем истории в 11-й школе Приморского района, в педлаборатории горно. Тогда же он опубликовал несколько работ в помощь преподавателям истории: «Принципат» (сборник ЛООНО «В помощь преподавателям истории», 1935 г.); «Исторические кружки в неполной средней школе» (сборник «Внешкольная работа по истории»), принимал участие в работе исторической секции методического кабинета горно²⁴.

Г. Э. Петри стал председателем библиотечного совета при МИР и сверхштатным лектором Ленинградского лектория горкома ВКП(б), а также лектором горсовета Союза воинствующих безбожников.

За день до наступления войны, 21 июня 1941 года, Г. Э. Петри ушел в очередной отпуск, а уже 26 июня прервал его, чтобы вернуться в музей и заняться подготовкой фондов к эвакуации. Г. Э. Петри оставался в Ленинграде до марта 1942 года (в феврале вместе с женой и дочерью он получил разрешение на эвакуацию в распоряжение Президиума АН СССР). Выехать удалось лишь 8 марта, а 11 марта 1942 года Георгий Эдуардович Петри умер в поезде, не доехав до Тихвина. Так оборвалась жизнь замечательного историка-медиевиста.

¹ Только за первую декаду работы выставки ее посетили 15 000 человек (Богораз-Тан В. Г. От собора к Музею истории религии // Антирелигиозник. 1936. № 1. С. 50).

² Этот отдел к началу 1940-х гг. был переименован в отдел «Истории папства и инквизиции» (Шахнович М. И. Двадцатипятилетие Музея истории религии и атеизма АН СССР // Вопр. религии и атеизма. 1958. № 5. С. 414).

³ О Г. Э. Петри см. также: Вольфцун Л. Б. Петри Георгий Эдуардович // Сотрудники Российской национальной библиотеки – деятели культуры. СПб., 2003. Т. 3. С. 436–438; Вольфцун О. В. Г. Э. Петри и Государственный музей истории религии: судьба ученого // Труды Государственного музея истории религии. СПб., 2002. Вып. 2. С. 230–240.

⁴ Евгения Львовна работала в качестве научного сотрудника Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого с 1894 г. оставила после себя ряд научных работ. То, какое участие В. Г. Богораз-Тан принял в судьбе Г. Э. Петри, арестованного по «экскурсионному делу», говорит о вероятности его знакомства с Е. Л. Петри.

⁵ В 1891 г. родители Г. Э. Петри разошлись, и оба сына остались на попечении матери.

⁶ Так же, как и Е. Л. Петри, Б. Э. Петри после окончания университета занимал должность научного сотрудника Музея антропологии и этнографии; с 1919 г. занимал должность профессора в Иркутском университете, а в середине 30-х гг. работал в комиссии по изучению естественных богатств Восточно-Сибирского края. В 30-е гг. был репрессирован (Архив РАН. Ф. 221. Оп. 1. № 206. Л. 6–9).

⁷ Каганович Б. С. Русские медиевисты первой половины XX века. СПб., 2007. С. 37.

⁸ Анциферов Н. П. Из дум о былом. М., 1992. С. 279.

⁹ Там же. С. 280.

¹⁰ Опыт систематизации гуманитарных экскурсий // Вопросы экскурсионного дела. Л., 1923; Вопросы экскурсионного дела по данным Петроградской экскурсионной конференции 10–12 марта 1923 г. Пг., 1923; Исторические экскурсии по Эрмитажу. Л., 1925. Последняя работа была подготовлена и составлена совместно с Н. П. Анциферовым, написавшим часть по французскому искусству.

¹¹ Об «Академическом деле» см. подробнее: Академическое дело 1929–1931 гг. СПб., 1993. Вып. 1.

¹² Анциферов Н. П. Указ. соч. С. 373.

¹³ О содержании и механизме применения статьи 58-11 см.: Ленинградский мартиролог 1937–1938. СПб., 1995. Т. 1.

¹⁴ Богораз-Тан В. Г. Указ. соч. С. 50.

¹⁵ Там же. С. 51.

¹⁶ Там же. С. 54.

¹⁷ Работа «Франциск и раннее францисканство» была принята к изданию «Известиями ООН АН СССР». В связи с прекращением издания осталась в РИСО АН СССР. Машинопись работы сохранилась в архиве ГМИР.

¹⁸ Архив РАН. Ф. 726. Оп. 2. Ед. хр. 261. Л. 31–32 об.

¹⁹ Там же. Ф. 221. Оп. 4. Ед. хр. 206. Л. 6–9.

²⁰ Материалы к этой неопубликованной статье см.: Архив РНБ. Ф. 2. Оп. 10. Л. 19.

²¹ О работе Г. Э. Петри в ГПБ по сбору материалов для нужд МИР см.: Архив РНБ. Ф. 2. Оп. 22/7, 1938. № 9 (590). Л. 15.

²² Петри Г. Э. Папство в XIV в.; Кальвинизм и контрреформация // Методическое пособие по истории. М., 1938; То же. 2-е изд. // История средних веков. М., 1940.

²³ Работа не была опубликована.

²⁴ Петри Г. Э. Принципат // В помощь преподавателям истории. Л., 1935; Он же. Исторические кружки в неполной средней школе // Вопросы методики преподавания истории в V–VIII классах средней школы. Л., 1941.

Осор Будаев: буддийский монах, художник, сотрудник Музея истории религии

В. Н. Мазурин

В Восточное собрание Государственного музея истории религии насчитывает около 13 тысяч памятников. В нем хранятся материалы, представляющие религии и верования, распространенные в Китае, Японии, Монголии, Непале, Индии, Шри Ланке, Бирме, Таиланде. Они включают предметы по индуизму, буддизму, конфуцианству, даосизму. Значительную часть составляют и экспонаты по Бурятии, связанные с буддийским вероисповеданием.

Основу собрания заложили коллекции, поступившие в музей в первой половине 1930-х годов. Бурятские коллекции поступали в

музей в основном в результате экспедиционных сборов. Музей организовывал свои экспедиции с целью сбора экспонатов для создания будущей экспозиции.

Осор Будаевич Будаев – бурятский художник и буддийский монах – был одним из тех, кто принимал активнейшее участие в формировании восточных коллекций музея, в работе по атрибуции экспонатов и строительству первой экспозиции по буддизму. Он был хорошо знаком и со многими крупными учеными-востоковедами России, в частности с С. Ф. Ольденбургом, Ф. И. Щербатским. Известные бурятские ученые

Б. Барадийн¹ и Ц. Жамцарано² были его земляками, а с Г. Цыбиковым, первым представителем России, посетившим Лхасу, О. Б. Будаева связывали тесные дружеские отношения.

Родился О. Б. Будаев в местности Судунтуй Читинского уезда Забайкальской области в 1886 (по другим данным в 1887) году в семье бедного скотовода. Ему едва исполнилось шесть лет, когда умер отец. Мать вернулась в свою родную семью. Маленького Осора взял в пастухи богатый сосед.

С самого раннего детства мальчик был наделен талантом художника. Он лепил из глины все, что

видел вокруг: птиц, животных, людей. Зимой он рисовал на снегу. Когда ему исполнилось 11 лет, хозяин, уставший от его «художеств», отправил его послушником в монастырь, где ему тоже пришлось пасти овец, но тайком мальчик по-прежнему лепил, рисовал и резал по дереву. Он даже «выполнял заказы» для своих сверстников в монастыре, изготовляя изображения птиц, зверей, лошадей, а затем – и для жителей окрестных селений. За труд ему платили по 2–3 копейки. В монастыре он увидел работы, как пишет Г. О. Монзеллер, «монахов-богомасов», что и определило его дальнейшую судьбу³.

В 1904 году О. Б. Будаев пешком, не имея никаких средств, отправился в Ургу, где, как ему было известно, находился далай-лама. В Урге при посредстве хамбо-ламы Агвана Доржиева⁴ Будаев устроился учеником к китайскому художнику, у которого работал за стол и угол. Несколько лет он постигал тонкости живописного искусства, создания гравюры, резьбы по дереву. По возвращении домой он стал известным монахом-зурачином (художником), признанным знатоком традиционной буддийской живописи. Он продолжал совершенствоваться в искусстве резьбы по дереву. Слава о нем, как писал Г. О. Монзеллер, разносилась по всем буддийским монастырям Бурятии.

В 1912 году хамбо-лама Агван Доржиев вызвал О. Б. Будаева в Петербург для работы по оформлению внутреннего убранства буддийского храма, который в то время возводился в столице. Будаев принимал участие в росписи центрального храма, эскизы которых были выполнены Н. К. Рерихом. Вероятно, приезд Будаева в Петербург был связан не только с работами в храме.

Г. О. Монзеллер сообщал, что академику С. Ф. Ольденбургу для задуманного им издания сборника буддийской иконографии понадобился художник-иконописец, и тогда патриарх буддийской церкви России хамбо-лама Агван Доржиев рекомендовал ему О. Б. Будаева. Однако в 1914 году началась война, и издание сборника было отложено на более позднее время⁵.

Работы в новом храме были закончены в 1915 году, и О. Б. Будаев

О. Будаев. 1930-е гг.
Фото из архива А. А. Терентьева

уехал домой. Вскоре его призвали в армию и отправили под Минск, где он работал чертежником. По окончании военных действий О. Б. Будаев возвратился в Бурятию и до конца 1920-х годов служил как монах в Агинском дацане.

В личном деле О. Б. Будаева от 1932 года отмечено, что с января по июль 1927 года он работал художником в Ученом комитете г. Верхнеудинска (современный Улан-Удэ). В состав Бурятского ученого комитета (далее Буручком) входили бурятские ученые Б. Барадин и Г. Цыбиков, с которыми Будаева связывали давние дружеские отношения. Они привлекали О. Б. Будаева как художника для участия в различных научных экспедициях по изучению быта, народного творчества бурят. Более сорока зарисовок, выполненных О. Б. Будаевым, хранятся и теперь в Читинском историко-краеведческом музее⁶.

В 1927 году по инициативе Буручкама в Верхнеудинске состоялась первая советская бурятская художественная выставка. Среди 17 ее участников был и Осор Будаев. На выставке в числе других работ экспонировалась икона «Сансарын хурдэ» («Колесо жизни»), созданная О. Б. Будаевым по заказу Агвана Доржиева ко Второму Всебурятскому духовному собранию буддистов, проходившему

22 декабря 1925 года в Верхнеудинске. Летом 1930 года по приглашению А. Доржиева вместе с большой группой лам Агинского дацана О. Б. Будаев выехал в Ленинград для участия в ритуальной мистере. По просьбе А. Доржиева он написал для ленинградского буддийского храма иконы с изображением 16 архатов и копию своей иконы 1925 года «Сансарын хурдэ»⁷. Местом жительства О. Б. Будаева в Ленинграде было общежитие для служителей храма. Там же поселились бурятские ученые Ц. Жамцарано и Б. Барадин, а также Агван Доржиев.

В сентябре 1932 года Осор Будаев поступил на работу в Музей истории религии АН СССР. В личном деле О. Б. Будаева сохранился текст договора, в котором написано:

«ДОГОВОР

от 29 ноября 1932 г.

Мы, нижеподписавшиеся, Музей истории религии в лице директора В. Г. Богораз-Тана, с одной стороны, и двое художников в лице гражданина Будаева Осора, с другой, заключили настоящий договор о следующем:

1. МИР поручает художникам работу по разбору буддийской коллекции научного сотрудника музея тов. В. А. Казакевича.

2. Художники обязуются работать по 6 часов в день в нашем музее, кроме выходных дней музея.

3. МИР платит художникам за работу 200 рублей в месяц.

4. Договор вступает в силу с 28 ноября 1932 г.

5. Срок окончания договора – 28 декабря 1932 г.»⁸.

Вместе с О. Б. Будаевым в качестве его помощника был принят Ч. Лыкдынов. Все последующие договоры оформлялись на более продолжительные сроки. Дата, указанная в тексте договора, свидетельствует о том, что он был заключен всего через две недели после официального приказа о создании Музея истории религии.

В музее О. Б. Будаев выполнял самую разную работу. В 1933 году по заказу МИР он писал танки (иконы) «Цзамбала» и «Белая Тара», как реставратор готовил к экспонированию многофигурную композицию «Буддийский рай», принимал участие в работе над другими темами раздела «Буд-

дизм-ламаизм». В договоре, датированном 1 июля 1933 года, О. Б. Будаев именовался художником-реставратором, который берет на себя обязательство по выполнению художественных и реставрационных работ по указанию завотделом оформления. Срок исполнения договора – 1 января 1934 года⁹.

Личность Осора Будаева вызвала пристальное внимание со стороны органов безопасности, о чем свидетельствуют архивные документы. Ему нередко приходилось «ответствовать» перед официальными лицами, и музей постоянно снабжал его необходимыми справками. Справка, выданная МИР и датированная 25 мая 1933 года, гласит:

«МИРА АН СССР в б. Казанском соборе настоящим удостоверяет, что гражданин О. Б. Будаев работает в музее по оформлению буддийских и ламаистских выставок и его работа, как одного из лучших специалистов в ламаистской живописи, совершенно необходима для оборудования антирелигиозных выставок.

В настоящее время в Музее проводится строительство новой выставки «Контрреволюционная роль ламаизма в эпоху пролетарской революции», которое находится в полном разгаре и потому изъятие из числа оформителей лучшего специалиста т. Будаева было бы для МИР незаменимой потерей»¹⁰.

Подобная справка потребовалась и для помощника Будаева Лыкдынова. В ней указывалось, что «гр. Лыкдынов работает в качестве помощника музейного художника О. Будаева, является специалистом по оформлению буддистских и ламаистских выставок и работа гр. Лыкдынова, как помощника Будаева, является также необходимой для устройства выставки антирелигиозного значения к предстоящей антипасхальной кампании»¹¹.

Летом 1933 года О. Будаев отправился в экспедицию с целью сбора экспонатов для музея. В справке от 5 июля 1933 года говорится, что она «выдана Музеем истории религии АН СССР художнику-реставратору Осору Будаевичу Будаеву в том, что он работает в Музее и в настоящее время находится в отпуску с 1 июля

по 1 сентября 1933 г., что и удостоверяется»¹². Одновременно Будаеву было выдано удостоверение, датированное также 5 июля.

«УДОСТОВЕРЕНИЕ

Выдано Будаеву О. Б. в том, что ему поручается приобретение в пределах Бурято-Монгольской АССР предметов буддистско-ламаистского культа, которые необходимы музею для выставления в отделе «Буддизм-ламаизм». Музей Истории Религии АН СССР просит Советские и общественные организации Республики оказать гр. Будаеву О. Б. возможное содействие в порученной ему Музеем работе»¹³.

О пути своего следования в период экспедиции О. Б. Будаев извещал дирекцию МИР телеграммами. В личном деле Будаева сохранился текст одной из них: «Из Ленинграда выехал 13 июля и прибыл в Верхнеудинск 24 июля. Сегодня, 26 июля, нахожусь на пути к Гусиноозерскому дацану. Цам будет там 31 июля, оттуда поеду в Агинский дацан»¹⁴.

Из первой собирательской экспедиции О. Б. Будаев привез более 70 предметов (46 инвентарных номеров). Музейную коллекцию дополнили танки с изображением значимых персонажей буддийского пантеона, ритуальные музыкальные инструменты (тарелки, трубы,

Скульптура Будда Шакья-муни. Металл, литье, чеканка. ГМИР

раковины), жертвенные чашечки, доски для изготовления ритуального печеня со специальными условными обозначениями, чтобы можно было подобрать пару, форма для отливки скульптурных изображений и незаконченное резное деревянное изображение мандалы, на котором видны наметки растительного орнамента, сделанные карандашом. В составе этой коллекции под номером 35 значится резная доска (1 м 50 см x 1 м). На одной стороне доски нанесено резное изображение «колеса жизни», предназначенное для печати оттисков на ткани или на бумаге. На другой стороне доски черной краской написано: «г. Ленинград АН СССР, пл. Плеханова бывший Казанский собор, Музей истории религии. Упол.[номоченный] музея. Отправитель Будаев, ст. Могойтуй Заб. ж. д.». Слова: «Упол. музея. Отправитель Будаев» и название станции зачеркнуты черной краской. Согласно записи в коллекционной описи, изображение «колеса жизни» на этой доске было «рисовано и резано Будаевым в Агинском дацане». Первоначально считалось, что эту работу О. Б. Будаев мог выполнить во время своей первой командировки в 1933 году. Однако при размещении в новом помещении коллекции танок и килографий фонда «Религии Востока» наше внимание привлек оттиск с сюжетом «колесо жизни», выполненный на плотной ткани. Надпись на оборотной стороне гласила: «Москва, центр, Сретенка, 10. ЦС СВБ Олещуку». Обратный адрес: «Верхнеудинск, Обком ВКП(б), В. Мащенко». При внимательном изучении деталей сюжета оказалось, что среди традиционных символов Индии, Тибета, Китая, Монголии введены символы России: изображение избы с сидящей на пороге женщиной с ребенком на руках, фабричной трубы с флагом, мужиков, идущих за плугом, самолета и паровоза. Все отдельные изображения имеют подписи на тибетском языке. Оттиск не был раскрашен. Резные изображения на доске и оттиске, размеры доски и оттиска полностью совпали. Таким образом, удалось установить, что в музее хранится доска с резным изображением «колеса жизни», кото-

рую Осор Будаев выполнил по заказу Агвана Доржиева в 1925 году и которую сам послал (спасал?) в музей во время первой поездки в Бурятию.

Коллекция, собранная О. Б. Будаевым, была высоко оценена дирекцией МИР. В отчете о работе музея за 1933 год говорилось: «Наибольшую ценность представляет ламаистская коллекция, собранная двумя работниками Музея (Будаев и Лыкдынов) в Бурято-Монголии. В нее входят разнообразные предметы буддийско-ламаистского культа из дацанов и хурулов, закрытых в настоящее время. Музеем проводится их классификация и подробное описание»¹⁵.

В 1934 году состоялась вторая экспедиция О. Б. Будаева в Бурятию. Как и первая, она продолжалась почти три месяца. В МИР поступило около 50 предметов: скульптура из глины и металла, танки, одеяния, глиняные штампованные изображения, магические жезлы. Наконечник для одного из жезлов выполнен самим Будаевым и представляет собой прекрасный образец искусной резьбы по дереву. Особое место в коллекции занимает скульптура Будды Шакьямуни из желтого металлического сплава с орнаментальными деталями из серебра. Высота скульптуры 36 см.

Будаев много работал над оформлением экспозиции. Умелый художник-реставратор, он подготовил к экспонированию многофигурную композицию «Буддийский рай», установленную в западной части собора. Она занимала центральное место отдела «Буддизм – ламаизм». Эта композиция была выполнена по заказу князя Э. Э. Ухтомского при посредничестве Агвана Доржиева мастерами Гегетуевского и Гусиноозерского дацанов в начале XX века и приобретена императором Николаем II для Русского музея императора Александра III.

Впервые эта композиция была выставлена в Музее истории религии в 1933–1934 годах. Справа от нее располагался стенд «Буддийский пантеон», художественно оформленный также под руководством Будаева. Слева от нее – экспозиция «Буддийская церковь» с оригинальной картиной – триптихом О. Б. Будаева «Взыскание цер-

Доска-клише. Худ. О. Будаев. 1925 г. Бурятия. Дерево, резьба. ГМИР. Фото Т. И. Вишняковой

ковных податей». Картина была выполнена Будаевым по заказу МИР специально для выставки. Она заслужила высокие оценки специалистов, окрашенные веянием времени, в которое она была создана: «Эти картины (три части триптиха), написанные с большим мастерством, сочетают в себе прекрасную технику, прозрачность и тонкость красок, наивную стилизацию и предельный реализм. И сквозь всю красоту отдельных подробностей, сквозь воздушные бледные тона ярко выступает непримиримая ненависть автора-художника к церковному гнету, который до самой революции тяготел над Бурято-Монголией. Динамика советской революции превратила скромного иконописца-богомаза, служившего церкви своим старомодным искусством, в крупного художника, который применяет технику, созданную столетиями, на борьбу с классовым угнетением и церковным бытом. Художника Будаева надо по праву считать пионером нового советского бурятского искусства». Так писал о картине-триптихе Будаева директор МИР В. Г. Богораз-Тан в статье «Новые безбожные пути церковного бурятского искусства»¹⁶.

Интересно и мнение Л. А. Мерварт (известного индолога-этнографа, много занимавшегося изучением буддизма), работавшей в МИР в середине 1930-х годов. В своей заметке она писала: «Картина занимает нишу рядом с буддий-

ским раем. Вверху – буддийский патриарх высокого ранга, внизу – триптих, изображающий получение средств к роскоши и обнищание населения.

Средняя часть триптиха – приемка налогов в монастырь, справа – выколачивание недоимок, а слева – изображение судьбы недоимщиков. Картина эта создана по заданию Музея ламаистским художником Осором Будаевым. Музей истории религии сделал тут очень большое дело для ламаистского иконописного искусства. Он первый указал ему новые пути его развития, дал ему новую тематику. Так же, как в творчестве Палеха, чувствуется еще канонизированное мастерство иконописного письма, так и в этой первой советской работе буддистского иконописца выявляется еще религиозная школа художника; еще ламы; приемщики скота стали хороводом, наподобие ангелов картин Фра Анжелико. Еще удивительные синие и фиолетовые тона степной дали затягивают умиротворяющей дымкой умирающих колодников, но собаки, которые рвут труп уже умершего, рвут и эту дымку; бичи, полосующие спину недоимщика, отнимают ангельский характер у хороводов лам. Свойственная иконописи точность и выработанность каждой линии, каждого мазка, придает особую силу и убедительность этой первой светской и притом советской картине Будаева. Пожелаем ему успеха в даль-

нейшем использовании веками нажитого ламайского, иконописного, миниатюрного искусства для обогащения советской живописи»¹⁷.

В отделе «Буддизм-ламаизм» была также представлена икона Будаева «Сансарын хурдэ», которую С. Цыбыктарова ошибочно принимала за одну из копий его же работы, написанной им в 1925 году. На той картине в секторе мира людей помимо традиционно изображаемых буддийских стран – Индии, Китая, Тибета, Монголии – О. Б. Будаев ввел Россию, которую символизировали деревянная изба с сидящей на ее пороге русской женщиной с ребенком на руках, фабричная труба с красным флагом и

паровоз; название страны было выполнено на тибетском языке¹⁸. На самом деле это другая (оригинальная) работа О. Б. Будаева, выполненная им по специальному заказу МИР. Здесь тоже помимо обычных буддийских сюжетов имеются изображения русской избы и паровоза, но отсутствует женщина, сидящая на пороге избы с ребенком на руках, и красное знамя на заводской трубе, а также надпись «Россия» на тибетском языке.

О. Б. Будаев и его помощники создали еще несколько картин на шелке. Согласно архивным документам, группой бурятских художников была закончена копия с картины монгольского автора на

шелке «Освящение человеческой кровью военного знамени в Монголии»¹⁹.

В планах музея на 1935 год было заявлено участие сотрудников МИР в комплексной экспедиции АН СССР в Бурято-Монголию. В приложении к плану указано, что «МИР намечает [к участию в экспедиции] следующих, предусмотренных сметой лиц:

1. н. с. 1-го разряда Г. О. Монзелер, работающий в качестве завотд. нехристианских религий.
2. Монзелер с 1924 г. по 1931 г. был зав. отд. Д. В. буддизма МАЭ АН.
3. В 1926 г. был командирован в Китай.
4. 1930 г. участвовал в археолого-этнографической экспедиции по изучению монастырей Бурято-Монголии.

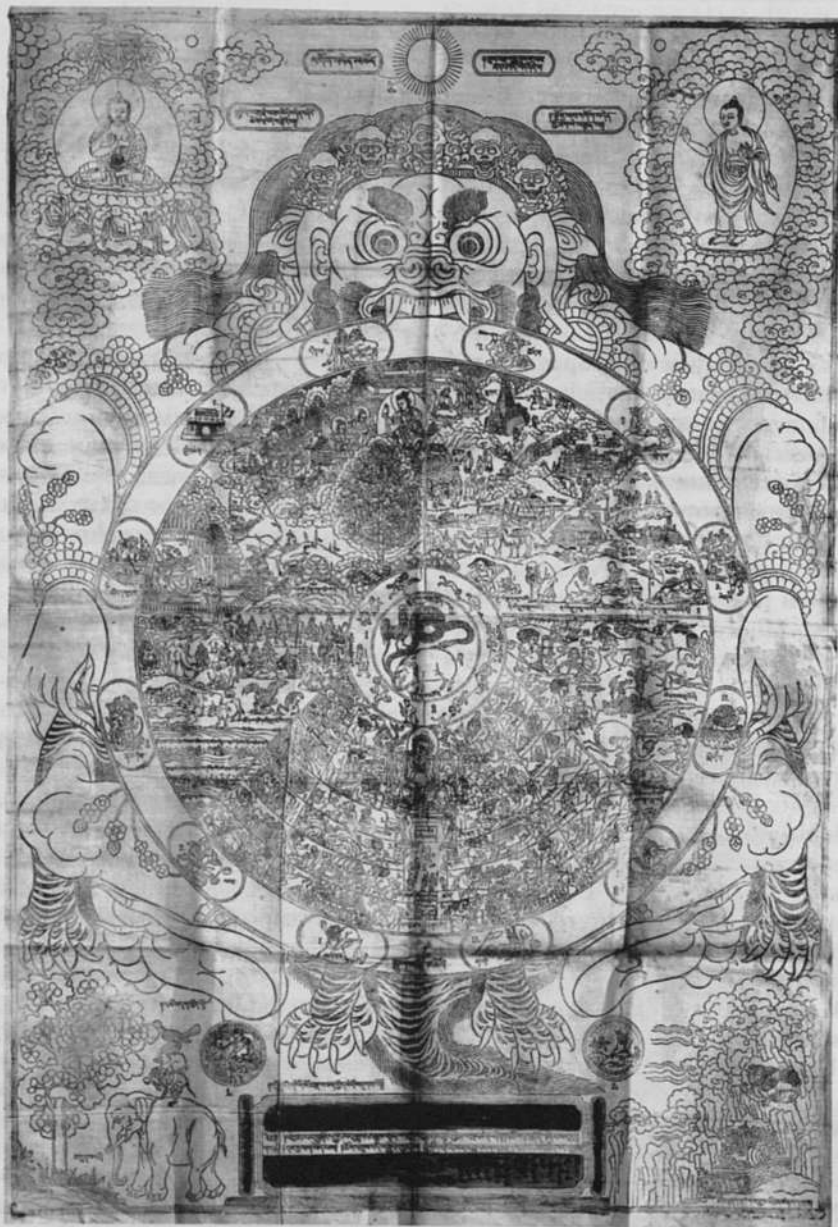
5. 1931 г. был в экспедиции по изучению корейского населения.

Художник МИРа Осор Будаевич Будаев, бурят по национальности, известен по всей Бурято-Монголии в качестве знатока буддийского искусства и в качестве художника, получившего художественную выучку в Монголии у монгольских и китайских мастеров и переключившегося с традиционной религиозной тематики на современную советскую»²⁰.

Однако поездка не состоялась, так как смета была сокращена.

Музей рассматривал «писание работ художника О. Будаева, представляющих громадный интерес как своеобразный момент в развитии советского монгольского искусства»²¹. По просьбе директора МИР В. Г. Богораз-Тана Музей антропологии и этнографии предоставил несколько рисунков религиозного содержания для копирования. О. Б. Будаев выполнил, в частности, акварельную копию с джайнской миниатюры²².

Уже после Великой Отечественной войны в МИР поступили коллекции Центрального антирелигиозного музея (далее – ЦАМ). Так в МИР попали работы О. Б. Будаева, выполненные им в свое время по заказу ЦАМа. Однако когда эти работы были заказаны, определить пока не удастся. Согласно документам, они были привезены (из Бурятии?) и переданы в ЦАМ сотрудником этого музея Н. А. Пупышевым в самом

Оттиск с доски-клише. Ткань, краска. ГМИР. Фото Т. И. Вишняковой

начале 1938 года, то есть фактически через полгода после гибели О. Б. Будаева²³. В результате переданных из Москвы коллекций Восточный фонд МИР пополнили икона-картина «Шамбала» («Священная война»), танка «Сожжение сор» с изображением церемонии, завершающей ритуальную мистерию, две картины с изображением бурятских женщин в национальных костюмах и 15 акварельных копий иллюстраций из Атласа тибетской медицины, а также танка «Белая Тара» (о ней можно сказать, что О. Б. Будаев выполнил ее в 1935 году), где богине придано лицо Екатерины II, как было записано в акте поступления.

Таким образом, всего к настоящему времени в Государственном музее истории религии хранится более 30 работ Осора Будаева и около 120 культовых предметов, собранных им в Бурятии.

В нашем музее О. Б. Будаев проработал почти четыре года. Он был уволен вскоре после смерти директора МИР В. Г. Богораз-Тана. В докладной записке завотделом оформления Климентова говорится о завершении работ по отделу «Буддизм-ламаизм» и отсутствии необходимости в дальнейшей работе Будаева²⁴. Справка, выданная Будаеву 19 мая 1936 года, гласит: «Выдана МИР АН СССР тов. Будаеву О. Б. в том, что он работал в Музее в должности художника с 28 ноября 1932 г. по 15 мая 1936 г. С этого же числа был уволен из штата Музея и переведен на разовую работу. Выдана для предоставления по месту новой работы»²⁵.

Месяц спустя, 15 июня 1936 года, О. Б. Будаеву была выдана еще одна справка следующего содержания: «Настоящим удостоверяется что тов. Будаев О. Б. работал в МИР АН СССР с сентября 1932 г. по май 1936 г. в качестве художника по оформлению отдела «Буддизм-ламаизм», а также исполнял отдельные работы (самостоятельные работы и снятие копий) для других отделов. Высокое качество работ тов. Будаева помогло музею поставить художественное оформление экспозиции на должную высоту»²⁶.

Всего чуть больше восьми месяцев оставалось до разгрома об-

щечития при буддийском храме. О. Б. Будаев был арестован в феврале 1937 года. Он обвинялся по ст. 58-1 а, 8, 9, 11 УК РСФСР. В августе 1937 г. по приговору ВК ВС СССР бурятский художник-буддист был расстрелян. Родственники О. Б. Будаева сделали запрос в УКГБ Ленинградской области. В справке Военной коллегии Верховного суда СССР сообщалось, что дело по обвинению Будаева было пересмотрено 14 декабря 1959 года и за отсутствием состава преступления прекращено²⁷.

В годы войны и блокады все работы О. Б. Будаева, детали оформления первой экспозиции по буддизму были сохранены сотрудниками Музея. В конце 50-х годов XX века музей осуществил довоенные планы устройства экспозиции по буддизму в помещении на третьем этаже Казанского собора. При разработке новой экспозиции

Г. О. Монзеллер, Р. Ф. Итс и Л. Н. Меньшиков бережно использовали детали оформления, триптих «Быт дацана» и танку «Колесо жизни», выполненные О. Б. Будаевым. Эта экспозиция с небольшими изменениями и дополнениями просуществовала почти 40 лет, до тех пор, когда музей стал готовиться к переезду в новое здание. При демонтаже не только коллекционные предметы, но и все работы О. Б. Будаева по оформлению экспозиции были упакованы и перевезены в новое здание ГМИР. В планах музея – создание экспозиции «Религии Востока», где, возможно, вновь будут представлены труды Будаева. В 2007 году, юбилейном для музея, исполнится и 120 лет со дня рождения О. Б. Будаева, буддийского монаха, художника, преданно служившего своими знаниями и искусством Музею истории религии.

¹ Барадийн Бадзар Барадиевич (1878–1937), востоковед, драматург и прозаик, преподаватель Ленинградского историко-лингвистического института (ЛИФЛИ) в 1936–1937 гг.

² Жамцарано Цыбен Жамцаранович (1880–1942), востоковед-монголист, фольклорист, литературный деятель. В 1932–1937 гг. сотрудник ИВ АН в Ленинграде.

³ Монзеллер Г. О. Краткая биография О. Будаева. 1934 г. // ПАФ РАН. Ф. 250. Оп. 3. Д. 103. Л. 6.

⁴ Лобсан Доржиев (1853/4–1938), хамбо-лама, глава буддистов России, ученый, видный деятель буддийского реформаторского движения.

⁵ Монзеллер Г. О. Указ. соч. С. 10.

⁶ Цыбыктарова С. Д. Осор Будаев – мастер Петроградского буддийского храма // *Oriens*: Альм. СПб., 1992. Вып. 1. С. 39.

⁷ Андреев А. И. Храм Будды в Северной столице. СПб., 2004. С. 143.

⁸ ПАФ РАН. Ф. 221. Оп. 4. Д. 33. Л. 2.

⁹ Там же. Л. 3.

¹⁰ Там же. Л. 2 а.

¹¹ Там же. Л. 16.

¹² Там же. Л. 5.

¹³ Там же. Л. 6.

¹⁴ Там же. Л. 7.

¹⁵ Там же. Д. 22. Л. 19.

¹⁶ Там же. Ф. 250. Оп. 3. Д. 103. Л. 12.

¹⁷ Там же. Л. 3.

¹⁸ Цыбыктарова С. Д. Указ. соч. С. 42.

¹⁹ ПАФ РАН. Ф. 221. Оп. 2. Д. 32. Л. 4.

²⁰ Там же. Д. 53. Л. 5.

²¹ Там же. Оп. 2. Д. 44. С. 13 об.

²² Отдел учета ГМИР. Кол. 311.

²³ Отдел учета ГМИР. Акт от 7 февраля 1938 г.

²⁴ ПАФ РАН. Ф. 221. Оп. 4. Д. 33. Л. 17.

²⁵ Там же. Л. 15.

²⁶ Там же. Л. 18.

²⁷ Цыбыктарова С. Д. Указ. соч. С. 50.

Уникальный напрестольный крест из коллекции Музея истории религии

Г. А. Ченская

Напрестольный крест-распятие с изображением Александра II и сцены его убийства 1 марта 1881 г. Санкт-Петербург, 1886 г. Дерево, масло. Лицевая сторона. ГМИР. Фото Т. И. Вишняковой

В церковной традиции крест почитается как символ страдания, смерти и воскресения Христа, как знак спасения и надежды. При множестве разнообразных типов креста символический смысл, заложенный в этом знаке, реализуется представленными на нем сюжетами. Регламентация изобразительных приемов, место креста в системе православного учения и культура предполагают только религиозные сюжеты. Поэтому настоящими раритетами являются кресты, включающие изображения или тексты светской тематики, что делает их интереснейшими памятниками истории. Таков уникальный напрестольный крест с изображением Александра II и сцены его

убийства 1 марта 1881 года, который экспонируется в Государственном музее истории религии.

Крест освящен в марте 1886 года на крестопоклонной неделе Великого поста, о чем свидетельствует текст на нижней стороне подставки, на которой укреплен крест. 1886 год – это пятилетняя годовщина трагических событий. В том же году исполнялось 25 лет со дня освобождения крестьян от крепостной зависимости. Дата, которая, казалось бы, должна была быть чем-то озаменована. Но, по свидетельству современника – генерала М. Н. Епанчина, директора Пажеского корпуса, за несколько месяцев до 19 февраля, дня подписания манифеста, последовало высочайшее повеление не отмечать этот день, видимо, из опасений антиправительственных выступлений¹. При этом пресса сообщала о повсеместных панихидах по почившему императору и о том, что в тот же день Россия благодарно вспоминала о величайшем из деяний императора.

Описываемый восьмиконечный крест укреплен на ступенчатой подставке в форме пирамиды, символизирующей Голгофу. На лицевой стороне креста – распятие с традиционными изображениями: Бог-Саваоф, слетающие к Христу ангелы, трость, копьё и начальные слова молитвы кресту. Вокруг распятия и на оборотной стороне креста сцены и персонажи Ветхого и Нового Заветов. На оборотной стороне в нижнем средокрестии изображен покойный император в мундире Преображенского полка.

Сразу после кончины был сделан снимок Александра на смертном одре, а позднее художнику Константину Маковскому было поручено нарисовать императора. Это полотно хранится в Третьяковской галерее. Кроме того, такая

Напрестольный крест-распятие с изображением Александра II и сцены его убийства 1 марта 1881 г. Санкт-Петербург, 1886 г. Дерево, масло. Обратная сторона. ГМИР. Фото Т. И. Вишняковой

же картина имеется в фондах Петербургского музея городской скульптуры. Известно, что К. Маковский делал повторения своих работ для вельможных заказчиков. Одно такое повторение было выполнено для княгини Екатерины Михайловны Юрьевской, мorganатической жены Александра, и находилось в домово́й церкви ее особняка на Гагаринской улице, 3.

Не вызывает сомнения, что оба этих полотна послужили протографом для образа императора на кресте из ГМИР. Изображения на кресте и на картине почти идентичны, с той лишь разницей, что на работах К. Маковского император развернут головой вправо, а на кресте влево. Под изображением импера-

тора представлена сцена взрыва на Екатерининском канале. Эта зарисовка публиковалась в старых изданиях и перепечатывалась в изданиях после 1917 года. Она сделана с левого берега канала, если смотреть от Казанского собора. Существует мнение о том, что крест выполнен из обломков кареты, в которой ехал царь.

Что касается сюжетов, то они не случайны, в их подборе нет нейтральных или немотивированных. В официальной прессе того времени, в личных воспоминаниях и дневниках современников убийство представлялось в агнографических терминах: смерть царя была не просто «убийством», а «убиением». Историк С. С. Татищев в труде, посвященном Александру II и его времени, называл императора «Добрый пастырем», который по слову Христа «душу свою полагается за овцы»². После кончины Александра II тотчас же отождествили с мучеником. К образу царя-освободителя (отмена крепостного права) прибавился образ царя-мученика, царя-страдальца – «Порфиноносный страдалец». «Московские ведомости» писали: «...его жизнь и самая смерть были искупительной жертвой за Русский народ, за Россию, ее величие и призвание. Он пал, сраженный коварством врагов своей страны»³. Отсюда одна главная тема сюжетов креста – тема невинной жертвы. Прежде всего это невинно убиенный царевич Дмитрий. Его изображение помещено на лицевой стороне креста над распятым Христом. Затем – Авель, который в Евангелии от Матфея и в Послании к евреям апостола Павла именуется «праведником», а у отцов церкви – первым мучеником. Восприняв насильственную смерть, он тем самым *предызобразил* Христа.

Созвучны этой теме и некоторые другие сюжеты, представленные на кресте: Авраам приносит в жертву Исаака; вход в Иерусалим, который трактуется как шествие для крестной смерти; крещение – благословение для выполнения жертвенной миссии.

Крест посвящен трагическим событиям, но в подтексте сюжетов звучит тема Воскресения. На оборотной стороне креста сюжет «Видение Иакова». В конце лестницы,

которую видит Иаков, стоит Господь, который говорит о своем благоволении к нему: «...я с тобою и *сохраню* тебя везде, куда ты ни пойдешь, и *возвращу* тебя в сию землю» (Быт 28.15). К моменту создания и освящения креста уже три года как был заложен и возводился собор на месте гибели императора, которому дали имя Воскресения Христова.

Несколько сюжетов и персонажей могут быть связаны с личностью и правлением Александра II. При нем произошли такие значимые события, как возведение храма Христа Спасителя в Москве и Исаакиевского собора в Санкт-Петербурге. Тема возведения храма, жертвенника, иллюстрируется на кресте несколькими сюжетами. Это – жертвоприношение Ноя, который, выйдя из ковчега, воздвиг алтарь и принес жертву Богу (заметим аналогии: семья Ноя состояла из восьми человек; семья Александра – тоже из восьми: он сам, Мария Александровна и дети Александр, Владимир, Алексей, Сергей, Павел, Мария, исключая скончавшихся Николая и Александру). Царь Соломон приносит жертву у построенного им храма, который завещал ему отец – царь Давид. Представлены в клеймах креста царь Давид, который устроил и упрочил внутреннее управление страной, восстал суд, Моисей – мудрейший законодатель. «Московские ведомости» представляли Александра Моисеем: «В бозе почивший Государь был призван обновить жизнь предводимого им народа и извести его из египетского плена». Здесь можно провести аналогию с многочисленными деяниями царя-реформатора: судебная реформа, реформа воинской повинности, финансовая реформа, новшества в системе образования. Его время было богато и важнейшими внешне-политическими событиями. Может быть, именно поэтому на кресте представлен Иисус Навин? Опытный и умудренный военачальник, преемник Моисея. Со своей армией, значительно уступавшей армии хананеян, он разрушил Иерихон, который считался неприступной крепостью, охраняемой стенами с бойницами и водной преградой – рекой Иордан. Возможно, это соотносится с собы-

тиями русско-турецкой войны 1877–1878 годов. Осада и взятие Плевны сравнивались с осадой Иерихона. В июне 1877 года русская армия (так же, как армия Иисуса Навина через Иордан) переправилась через Дунай и начала осаду Плевны, которую охранял сильный турецкий гарнизон. Осада длилась несколько месяцев, Плевна пала в ноябре того же года. Прямо над изображением Александра II представлен Мелхисидек – царь Салимский, первосвященник Бога. Царь, который за любовь к правде получил прозвание «праведного царя».

Неоднократно подчеркнутое обращение к библейским мотивам, несомненно, было призвано представить смысл царубийства: земной царь, посланный небесным, чтобы освободить Россию, так же, как Христос, был предан и казнен.

Царь-мученик официально не был канонизирован. Но в печати того времени сразу после его кончины проскальзывали размышления и высказывания об этом. Епископ Томский в брошюре об Александре II как покровителе православной церкви и духовенства говорил: «Нам... остается заключить свои воспоминания молитвой к Господу: да упокоит Он нашего благодетеля, царя-мученика в недрах Авраама, Исаака и Иакова и сопричтет его к лику наших святых ратоборцев за веру и правду, святых князей – Владимира, Александра Невского, Михаила Черниговского, Михаила Тверского и прочих Святых своих»⁴.

Крест несет в себе большой объем информации. При строгом соблюдении общей канонической структуры он полемичен, но независимо от предложенной трактовки сюжетов этот памятник, несомненно, является одним из раритетов коллекции Музея истории религии.

¹ Епанчин М. Н. На службе трех императоров. М., 1996. С. 193.

² Татищев С. С. Император Александр II, его жизнь и царствование. СПб., 1903. Т. 1. С. 662.

³ Моск. ведомости. 1881. 4 марта.

⁴ Сырцов И. Император Александр Николаевич II как покровитель и благодетель православной церкви и духовенства. Тобольск, 1882. С. 22.

Бюст папы Льва X из собрания ГМИР

И. Х. Черняк

Собрание западного искусства Государственного музея истории религии содержит значительную коллекцию произведений итальянской живописи, скульптуры и графики XIV–XIX веков¹. Заметное место в ней занимают творения мастеров эпохи Возрождения².

Примечательно, что многие годы музей помещался в здании Казанского собора, который по приказу Павла I был построен по образцу римского собора Святого Петра (в то время еще не было осознано стилистическое различие между ренессансной и барочной архитектурой). Помимо этого, северный портал собора А. Н. Воронихин украсил копией знаменитого творения Лоренцо Гиберти – Райских дверей Флорентийского баптистерия. Она была отлита В. П. Екимовым по гипсовому слепку флорентийского оригинала, подаренному в 1774 году Н. А. Демидовым Петербургской Академии художеств, хранящемуся там и поныне.

И сейчас два возможных пути в музей от Невского проспекта проходят мимо сооружений, в облике которых прослеживается влияние искусства Возрождения. Если идти по Большой Морской улице, то проходишь мимо фасада Русского торгово-промышленного банка, рустованного на манер флорентийских дворцов XV века, построенного в 1910–1915 годах М. М. Перетятковичем. Затем на пути следования по обе стороны Исаакиевской площади расположены два дома Министерства государственных имуществ, построенные в 1847–1853 годах Н. Е. Ефимовым, использовавшим при оформлении их фасадов приемы, заимствованные у мастеров итальянской архитектуры XV–XVI веков. Пройдя Исаакиевскую площадь, сразу за зданием германского посольства, оказываешься у двух зданий, построенных Огюстом Монферраном. Оба первоначально принадле-

Бюст папы Льва X. Неизвестный скульптор XIX в. Мрамор. ГМИР.
Фото Т. И. Вишняковой

жали П. Н. Демидову, но затем меняли владельцев. Первое (Большая Морская, 43) построено с использованием характерной для архитектуры итальянского Ренессанса поэтажной ордерной обработки. Первый этаж украшают барочные кариатиды и атланты, а над балконом в центре фасада изображены крылатые фигуры, несущие картуш с гербом. Их автором был известный скульптор 1840–1850 годов Т. Жак. Первоначально щит был украшен гербом хозяина. Позднее, когда в здании расположилось итальянское посольство, на щит был помещен герб итальянского королевства с изображением савойского креста, сохранившегося и поныне.

Следующее здание, в котором ныне помещается Дом композитора, было построено в 1835–1840 годах. В его декоре тоже прослеживаются мотивы итальянской архитектуры эпохи Возрождения, но для нас важнее три рельефа, помещенные в аттике трехэтажного корпуса. На них – сцены из жизни трех великих мастеров итальянского

Ренессанса, символизирующие признание государями первенства их гениальности: «Прощание Франциска I с умирающим Леонардо да Винчи», «Микеланджело представляет проект собора Святого Петра папе Павлу III» и «Император Карл V подает Тициану оброненную кисть». Дойдя до угла Большой Морской и Почтамтского переулка, мы оказываемся у Музея истории религии. Другой путь, по Малой Морской улице, начинается от дома Вавельберга, именуемого в петербургской обиходной речи «Аэрофлот», построенного в 1911–1912 годах М. М. Перетятковичем. Фасад, обращенный в сторону Невского проспекта, имеет сходство с венецианским Дворцом дождей. А боковые фасады, выходящие на Малую Морскую улицу, решены с использованием элементов флорентийской архитектуры XV века. При этом один из них украшен декоративными щитами, и на каждом – три шара, что является несколько видоизмененным гербом семейства Медичи. Собственно, на медичейском гербе, как правило, полагается изображать шесть шаров, но в данном случае это своеобразный намек на источник заимствования. Для нашего повествования важно, что медичейские шары были использованы и на папских гербах четырех понтификов, принадлежавших к различным ветвям этого рода: Льва X, Климента VII, Пия IV и Льва XI. Перейдя Исаакиевскую площадь и продолжая путь по Почтамтской улице, проходим мимо дома № 3, имеющего сходство с флорентийским палаццо Строцци. Напротив него недавно появилось уродливое здание гостиницы «Renaissance». По злой иронии название это, увы, созвучно нашей теме. И, наконец, дойдя до Почтамтского переулка, мы оказываемся перед аркой, соединяющей здание Почтамта с Музеем истории религии. Архи-

текстурное решение, при котором улица проходит под соединительной галереей, было применено Джорджо Вазари при постройке здания Уффици во Флоренции³.

Помимо работ мастеров Возрождения, в собрании музея есть памятники, связанные с ренессансной культурой. Один из таких экспонатов, выставленных в разделе «Церковь и эпоха Возрождения» в экспозиции ГМИР, посвященной истории католицизма, – мраморный бюст папы Льва X⁴, выполненный неизвестным итальянским скульптором XIX века⁵.

Копийный характер бюста затрудняет определение авторства. Единственным бесспорным и легко устанавливаемым фактом является то, что эта скульптура представляет собой фрагментарную копию статуи Льва X, украшающей его надгробие в церкви Санта-Мария-Сопра-Минерва⁶ в Риме. Бюст точно повторяет положение головы и черты лица папы, орнамент на тиаре и рисунок шитья по краю капы. Автор оригинала – довольно известный флорентийский мастер Рафаэль да Монтелупо (1504–1566)⁷.

Отцом Рафаэля был также известный флорентийский скульптор Баччо да Монтелупо (1469–1535), у которого он прошел первоначальное обучение и продолжил его в боттеге ювелира Микеланджело Вивиани во Флоренции, а затем, недолго проработав в 1521 году в Карраре, поступил в 1523 году в римскую мастерскую Лоренцо ди Лудовико Лотти, более известного как Лоренцетто и хорошо нам знакомого по скульптуре «Мертвый мальчик на дельфине» в Эрмитаже. Во время пребывания в ней он принимал участие в осуществлении различных заказов, включая надгробия поэта Бернардино Капелла в церкви Сан Стефано Ротондо и Рафаэля Санти в Пантеоне, а также статуи пророка Илии в капелле Киджи, в церкви Санта Мариа дель Пополо. Видимо, благодаря Лоренцетто Рафаэль попал в круг друзей Рафаэля Санти и приобрел поддержку таких людей, как датарий (начальник папской канцелярии) Бальдассаре Турини и архитектор Антонио да Сангалло Младший. Под их влиянием он занялся изучением памятников античного искусства, создав

серию не дошедших до нас рисунков. Разгром Рима войсками императора Карла V в 1527 году, получивший название Sacco di Roma (разграбление Рима), положил конец периоду ученичества и заставил Рафаэля бежать. Первым большим заказом Рафаэля да Монтелупо было участие в создании мраморных украшений для Santa Casa (дома Девы Марии) в Лорето (1530–1533), исполненных по проекту Андреа Сансовино. Руководство работами осуществлял Антонио да Сангалло Старший. Рафаэль высек рельеф «Поклонение волхвов», левую часть «Рождения Богородицы», «Встречу Марии и Елизаветы» и несколько фигур путти. В 1533–1534 годах Микеланджело привлек его к выполнению статуи св. Дамиана для Капеллы Медичи в церкви Сан-Лоренцо во Флоренции.

Вскоре Рафаэль да Монтелупо был приглашен к участию в создании надгробья Льва X. Тому предшествовали довольно запутанные события. Незадолго до своей смерти в конце 1534 года Климент VII поручил флорентийскому скульптору Баччо Бандинелли сделать модель своего надгробия, а также Льва X, приходившегося ему двоюродным братом. Но в 1536 году архитектурная часть проекта была передана Антонио да Сангалло Младшему, с сохранением за Баччо только статуй и рельефов. Несмотря на разногласия, возникшие между кардиналами-душеприказчиками, он представил четыре статуи апостолов и шесть повествовательных рельефов, но, получив выгодный заказ от герцога Козимо I Медичи, оставил изображения Медичейских пап незаконченными, и они были исполнены меж-

Надгробие папы Льва X. Рафаэль да Монтелупо.
Рим. Церковь Санта-Мариа-Сопра-Минерва

ду 1541–1542 годами другими скульпторами. Фигуру Льва X изваял Рафаэль да Монтелупо, а Климента VII – Джованни (Нанни) ди Баччо Биджи (ум. 1568).

Архитектура надгробия соответствовала художественным вкусам середины XVI века. В то время ушел в прошлое тип пристенного памятника, в котором традиционное изображение усопшего, лежавшего на крышке гроба, обрамляли античные пилястры и арка, внутри которой размещался медальон с образом Мадонны с младенцем. Классическим образцом такого решения является флорентийское надгробие кардинала португальского, исполненное Бернардо Росселино (1461–1466) в церкви Сан-Миньято-аль-Монте, а также надгробие Карло Марсупини работы Дезидерио да Сантиньяно (1455–1478) в Санта-Кроче. Но уже в 1497 году Антонио Полайоло одновременно поместил на гробнице Иннокентия VIII в римском соборе Святого Петра две фигуры понтифика – восседающего на троне и благословляющего, в одном случае, и лежащего на гробе – в другом. Тип папского надгробия с фигурой сидящего понтифика позднее станут развивать Лоренцо Бернини и Антонио Канова. Фигура сидящего Льва X восходит к трактовке

Полайоло. С другой стороны, ощущается и влияние микеланджеловской Капеллы Медичи с ее трехчастным делением памятника, где пилястры (в нашем случае колонны) выделяют центральную нишу, в которой помещена сидящая фигура усопшего, притом боковые оставлены пустыми. На том надгробии также три ниши, но боковые ниже центральной, и в них помещены фигуры.

Между 1542 и 1545 годами для надгробия Юлия II Микеланджело в римской церкви Сан-Пьетро-ин-Винколи Рафаэль создал статуи Мадонны с младенцем, пророка и сивиллы и, возможно, Лии и Рахили.

В те годы Рафаэль работал как архитектор в замке Св. ангела, где построил покои папы Павла III, а в 1544 году исполнил огромную статую архангела Михаила для вершины замка Святого ангела, заменившую утерянную во время Sacco di Roma и простоявшую до 1753 года.

В последующие годы он работал в Больсене и Орвието, где, по словам Дж. Вазари, «стал жить скорее как философ, чем как скульптор... возлюбив спокойную жизнь»⁸.

Чем же мог быть вызван заказ в XIX веке бюста папы, понтификат которого был удален от того времени на три столетия? Едва ли он был

предназначен для какого-либо служебного помещения. Чиновники во все времена предпочитают украшать кабинеты изображениями своего современного начальства. Видимо, заказчиком был любитель искусств, который вслед за Вольтером рассматривал век Льва X как одну из величайших эпох в истории культуры, наравне со временами Перикла, Августа, Лоренцо Великолепного и Людовика XIV. «Имя Льва X, – писал Вольтер, – прославлено благодаря его уму, приятным нравам, великим людям искусства, увековечившим его век, и благодаря тому великому потрясению, которое при нем разделило Церковь»⁹. Эта точка зрения получила широкое распространение благодаря работам английского историка Уильяма Роско (1753–1831) «Жизнь Лоренцо Медичи» (1795) и «Жизнь и понтификат Льва X» (1805). Об их популярности говорит то обстоятельство, что, несмотря на постоянные войны с Англией и Континентальную блокаду, обе его книги были переведены и изданы во Франции в 1799, 1808 годах, а позже неоднократно переиздавались. Возможно, что описание надгробия Льва X, приводимое У. Роско, и определило иконографический прототип, избранный заказчиком бюста, хранящегося в МИР¹⁰.

¹ Произведения искусства западноевропейских художников в собрании Музея истории религии и атеизма / Сост. В. Л. Андрианова и С. Г. Рутенбург. Л., 1967; Линник И. В. Картины западноевропейских художников в собрании Музея истории религии и атеизма // Произведения искусства западноевропейских художников в собрании Музея истории религии и атеизма. С. 40; Рашкова Р. Т. Итальянская живопись XIV–XIX вв. в собрании Государственного музея истории религии // Музей – хранитель памятников сакральной культуры. Религия и культурная память человечества. СПб., 1997. С. 36–38; Она же. Эскиз Карло Маратти «Аллегория милосердия и теологических добродетелей» из собрания ГМИР в контексте «Иконологии» Чезаре Рипа // Сакральные тексты в истории культуры. СПб., 1999. С. 46–47; Она же. Неизвестная картина Гверчино в собрании Государственного музея истории религии // Предметный мир религий. СПб., 2005. С. 91–93; Она же. Венецианская живопись в собрании Государственного музея истории религии. Статья первая // Труды ГМИР. СПб., 2001. Вып. 1. С. 97–112; Она же. Картины венецианских художников в собрании Государственного музея истории религии. Статья вторая // Труды ГМИР. СПб., 2002. Вып. 2. С. 180–194; Она же. Картины венецианских художников в собрании Государственного музея истории религии. Статья третья // Труды ГМИР. СПб., 2004. Вып. 4. С. 37–51. Виноградова Т. Н. К вопросу об атрибуции картины неизвестного нидерландского художника «Христос и ханаанянка» из собрания ГМИР // Эрмитажные чтения памяти В. Ф. Левинсона-Лессинга. Краткое содержание докладов. СПб., 1994. С. 14–15; Она же. Проблемы атрибуции картины «Святая Родня» нидерландского художника XVI в. из собрания Музея истории религии // Эрмитажные чтения памяти В. Ф. Левинсона-Лессинга. Краткое содержание докладов. СПб., 1997. С. 11–13; Она же. Картины испанских мастеров в собрании Государственного музея истории религии // Труды ГМИР. СПб., 2005. Вып. 5. С. 81–93; Vinogradova T. N. Pintura española en fondos del Museo estatal de historia de la religión en San Petesburgo // El arte español fuera de España. XI Jornada de arte. Madrid, 18 a 22 novembre 2002. Madrid, 2003. P. 305–316; Черняк И. Х. Гравюра Гаэтано Чеки «L'Amor Virtuoso» из собрания Государственного музея истории религии // Символ в религии. СПб., 1998. С. 67–69.

² Рашкова Р. Т. Неизвестное произведение Пармиджанино (?) в собрании Государственного музея истории религии // Эрмитажные чтения памяти В. Ф. Левинсона-Лессинга. СПб., 1997. С. 16–20; Она же. Произведение мастерской Джованни Беллини «Святое собеседование» из собрания Государственного музея истории религии: проблемы атрибуции и иконографии // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник. 1997. М., 1998. С. 271–280.

³ Талалай М. Г. «Флорентийские двери» Казанского собора // Петербургские чтения-99. СПб., С. 272–274; Памятники архитектуры Ленинграда. Л., 1975. С. 448, 64, 360, 364, 148; Пунин А. А. Архитектура Петербурга середины XIX в. Л., 1990. С. 72–74, 130–131; Бартевев И. А. Зодчие итальянского Ренессанса. С. 170–171.

⁴ Лев X (1475–1521) – папа с 1513 г. В миру Джованни Медичи, сын правителя Флоренции Лоренцо Великолепного. В феврале 1489 г. папа Иннокентий VIII сделал молодого Медичи кардиналом, в первые годы после принятия сана, с 1489 по 1491 г., он изучал каноническое право в Пизанском университете. Юлий II назначил его наместником Перуджи, а во время войны между возглавленной папой Священной Лигой и Францией – легатом Болоньи и главнокомандующим папскими войсками. Во время битвы при Равенне в 1512 г. кардинал Джованни Медичи попал в плен к французам, но ему удалось совершить побег. В сентябре 1512 г. с помощью испано-германских войск во Флоренции была восстановлена власть Медичи, находившихся в изгнании с 1492 г. Формальным правителем города стал внук Лоренцо Великолепного Лоренцо, носивший титул герцога Урбинского, но реально всем управлял его дядя кардинал Джованни, ставший в марте следующего года римским папой. Его понтификат, часто представляемый как блестящая эпоха в истории папства, на деле привел к плачевным результатам. В 1516 г. после очередного поражения, нанесенного французами войскам папской коалиции, был подписан так называемый Болонский конкордат, расширивший права короля над французской церковью. Несмотря на союз с Францией, Льву X не удалось посадить своего родственника на неаполитанский престол, а в последние годы он начал сближение с новым императором Карлом V. Расточительность Льва X привела к финансовому краху, который он стремился преодолеть продажей церковных должностей (в 1517 г. продал 39 кардинальских шапок, получив за это сумму, равную годовому доходу) и индульгенций. Это вызвало недовольство в Германии и спровоцировало выступление Мартина Лютера. В 1520 г. Лев X отлучил его от церкви, но истинного значения событий он, по-видимому, так и не осознал. Гораздо более успешным можно признать деятельность Льва X как мецената. При нем продолжались работы по украшению Ватиканского дворца. Его любимым художником был Рафаэль. Под его руководством были расписаны Лоджии Ватиканского дворца, копия которых украшает наш Эрмитаж, где герб Льва X на плафоне был заменен двуглавым орлом. Лев X приказал Микеланджело начать работу над новой усыпальницей семьи Медичи во Флорентийской церкви Сан-Лоренцо. С замыслом этой усыпальницы связано создание скульптуры «Скорчившийся мальчик», хранящейся в Эрмитаже. При Льве X активизировалось изучение римских древностей, по его заданию Рафаэль приступил к осуществлению задуманного им огромного плана по реконструкции античного Рима.

Roscoe W. Vie et pontificat de Léon X. Paris, 1813. Т. 1–4 (экземпляр библиотеки ГМИР. Ин 2110–2113, экслибрис библиотеки графа Сергея Строганова); Pastor L. Geschichte der Päpste seit dem Ausgang des Mittelalters. Bd. 1–6. Freiburg im Breisgau, 1891–1913. Bd. 4. Abt. 1. 1907. Hale J. R. Firenze e i Medici: Storia di una città e di una famiglia. Milano, 1980. P. 124–134. Никулин Н. Н. Лоджии Рафаэля в Эрмитаже. СПб., 2005; Андросов С. О. «Скорчившийся мальчик» – забытое произведение Микеланджело // Искусство и культура Италии эпохи Возрождения и Просвещения. М., 1997. С. 77–86.

⁵ Размеры бюста: 81 x 53 x 28,7 см. Инв. № А-1808-III. Музейная документация содержит только указание на передачу его в 1937 г. в ЦАМ из Эрмитажа и происхождения из коллекции Мацулевич.

⁶ Церковь Санта-Мария-Сопра-Минерва – единственный римский храм, построенный в готическом стиле, заложена в 1280 г. на месте святилища Минервы, завершена в 1450 г. Нынешний вид интерьер храма приобрел после реставрации XIX в. Помимо пап в церкви похоронены художник-монах Фра Анджелико и св. Екатерина Сиенская. Многие римские фамилии имели в ней свои семейные капеллы, из них самая знаменитая – Капелла Карафа с росписями Фра Филиппино Липпи. У главного алтаря – статуя Микеланджело «Воскресший Христос». Санта-Мария-Сопра-Минерва – главная церковь доминиканского ордена, в ней происходили многие важные события, связанные с духовной жизнью ренессансной Италии, в частности, здесь под давлением инквизиции в 1634 г. Галилей отрекся от учения Коперника.

⁷ Собственно Рафаэлло да Монтелупо (Raffaello da Montelupo), я принимаю написание, предложенное А. Г. Габричевским в его переводе Вазариевской биографии скульптора. О Рафаэлло да Монтелупо см.: Вазари Дж. Жизнеописание наиболее знаменитых живописцев, ваятелей и зодчих / Пер. А. И. Венедиктова и А. Г. Габричевского; Под ред. А. Г. Габричевского. Т. 1–5. М., 1956–1971. Т. 3. 1970. С. 279–287. Raffaello (Raffaello) da Montelupo // The Dictionary of Art. Vol. 22. London; N.Y., 1996. P. 15–16. Почти дословным пересказом этой статьи является биография Рафаэля в первом томе кн.: Repertorio della scultura fiorentina del Cinquecento / A cura di Giovanni Pratesi. Vol. 1–3, Torino, 2003. Третий том содержит воспроизведение основных работ Рафаэля да Монтелупо.

⁸ Вазари Дж. Жизнеописание Баччо из Монтелупо, скульптора и Рафаэля его сына // Вазари Дж. Жизнеописания наиболее знаменитых живописцев, ваятелей и зодчих. Т. 3. С. 285.

⁹ Voltaire. Essai sur l'histoire générale et sur moeurs et esprit des nations. Т. 1–3. S.L., 1758. Т. 2 P. 366. Подробная оценка роли семьи Медичи и обзор деятельности Льва X как мецената см.: Т. 2. P. 295, Т. 3. P. 81–85 (экземпляр библиотеки ГМИР. Т. 1. Ин-10900; Т. 2–3. Ин 10173).

¹⁰ Roscoe W. Vie et pontificat de Léon X. Т. 4. P. 354–355.

Портрет папы Пия XI работы Э. К. фон Липгарта в собрании ГМИР

Р. Т. Рашкова

В собрании Государственного музея истории религии хранится портрет папы Пия XI (1922–1939) работы Эрнеста Карловича фон Липгарта (1847, Дерпт – 1932, Ленинград). В нижнем правом углу картины подпись художника (по-немецки) «E. v. Liphart» и дата «1923 г.» (инв. № Б-1570-Ш). Холст, масло, 89х71 см). Подлинность подписи и даты не вызывает сомнений. Картина поступила из Центрального антирелигиозного музея в Москве в 1948 году. Ее предыдущие места нахождения до настоящего времени выяснить не удалось. Портрет публикуется впервые и существенно расширяет наши знания о творчестве и личности этого поистине незаурядного деятеля русской и петербургской культуры.

Художник, академик живописи и придворный живописец императорского дома, историк искусств, заведующий Картинной галереей Эрмитажа (1909–1918), где он работал в 1906–1929 годах, Э. К. Липгарт был незаслуженно забыт на протяжении последних десятилетий, однако ныне его творчество и судьба вновь начинают вызывать пристальный интерес исследователей¹.

Э. К. Липгарт воспитывался в художественной атмосфере дома своего отца, барона Карла Эдуарда фон Липгарта, который приобрел европейскую известность как коллекционер и тонкий знаток искусств. Достаточно сказать, что он определил авторство эрмитажной «Юдифи» Джорджоне, «Благовещения» Леонардо да Винчи из Уффици и других шедевров. По словам В. Боде, директора Прусских музеев, он «имел большое влияние на нашу новейшую историю искусств, второго такого, равного

Портрет папы Пия XI.
Э. К. фон Липгарт. Холст.
Масло. ГМИР

ему, не было»². Имение Ратсхоф под Дерптом прадеда Э. К. Липгарта было подлинной сокровищницей искусств и знания. Уже в XVIII веке Ратсхоф был открыт для всех стремившихся к просвещению. Заложенная предком Липгарта коллекция произведений искусства к середине XIX века стала уникальным собранием. К. Крюгер, также известный искусствовед и коллекционер, писал: «В доме Липгартов вращался круг людей высокообразованных, духовно богатых ученых мужей... Они образовали “Воскресную академию”, где рисовали с большим усердием»³. Юный Эрнест обнаружил свою одаренность в рисовании и избрал искусство делом всей жизни. Дальнейшее художественное образование он продолжил под руководством отца в Германии и Италии, куда отпра-

вился в тринадцатилетнем возрасте. К. Крюгер писал: «Какое количество впечатлений вобрал в себя Эрнест Липгарт! Природа и искусство соединились, чтобы наполнить его душу. И каким верным экскурсоводом и советчиком был рядом с ним его отец. В музеях и галереях никто, кроме него, не мог лучше воспринять величие и красоту старых мастеров»⁴. В Италии Липгарты находились в 1863–1873 годах. Эрнест продолжил заниматься искусствами под руководством В. Крюгера, Э. Штеклера и П. Корнелиуса. Во Флоренции семья сблизилась с великой княгиней Марией Николаевной, которая благодаря советам К. Липгарта собрала, по отзыву Н. Н. Врангеля, «совершенно исключительную по своим достоинствам коллекцию»⁵. К. фон Липгарт стал воспитателем сына Марии Николаевны герцога Сергея Лейхтенбергского, который унаследовал часть знаменитой лейхтенбергской коллекции (два произведения из нее впоследствии оказались в собрании ГМИР). Настоящим учителем и другом Э. Липгарта с 1865 года стал известный немецкий портретист Франц фон Ленбах (1836–1904), поселившийся в доме Липгартов во Флоренции. От Ленбаха Эрнест почерпнул многое в портретном жанре. Стиль Ленбаха-портретиста формировался под влиянием глубокого изучения и копирования Рембрандта, Рубенса, Тициана, а также под воздействием немецких романтиков. О влиянии Ленбаха свидетельствуют выполненные Э. К. Липгартом портреты родителей, княгини Орловой, мадам Лоссо, певицы Галимберти, принца Наполеона, графини Богарне, а также созданный в флорентийский период автопортрет. Вме-

сте с Ленбахом по поручению Мюнхенской пинакотеки он копировал в Венеции работы Веронезе, Тинторетто, Ван Дейка, Джорджоне, в Испании – произведения Веласкеса и Мурильо. В 1869–1873 годах художник с перерывами работал в Венеции, изучая живопись Дж. Б. Тьеполо, который стал его кумиром. В то время он пробовал себя в жанре монументальной и декоративной живописи. В итальянский период он продолжал заниматься изучением истории искусства под руководством отца, а также маститых искусствоведов А. Вентури и В. Боде. В 1873–1886 годах Липгарт продолжал свое художественное образование в Париже, в школе Ж. Лефевра и в Академии Жюльена у Г. Жаке и Г. Буланже. Именно там художник обрел собственную живописную манеру. Если в Италии он работал в основном в темперной технике, то в Париже он освоил новую технику, основанную на замешивании красок на натуральном льняном масле. В Париже Липгарт приобрел известность как рисовальщик-портретист и мастер дворцовых декоративных росписей. Начиная с 1877 года он регулярно выставлял свои работы в ежегодных салонах, а также в парижском Обществе русских художников. Талант художника, блестящая образованность, аристократизм и обаяние позволили ему занять место в центре культурной жизни Парижа⁶. Под впечатлением встреч с европейскими знаменитостями он создал серию графических портретов Э. Золя, Э. де Гонкура, Г. Флобера, А. Доде, С. Бернар, К. Сен-Санса, Р. Вагнера. Настоящим шедевром Э. К. Липгарта считал Э. де Гонкур портрет Р. Вагнера. Портреты и рисунки часто репродуцировались, и Э. К. Липгарт приобрел славу хорошего иллюстратора и портретиста.

Популярность Э. К. Липгарта как художника в высшем обществе Парижа сыграла важную роль в его дальнейшей судьбе. Париж посетил Александр III и, ознакомившись с работами Липгарта, заказал ему две картины – «Богини, отправляющиеся на суд Париса» и «Христос среди мудрых и неразумных дев»⁷. В 1886 году художник сам привез выполненные им царские заказы в Петербург, а с 1887 года

остался там навсегда. Он работал по заказам царской семьи и двора, создавая портреты, расписывая стены и плафоны во дворцах. В Петербурге Э. К. Липгарт создал множество портретов и картин, выставлял их в Императорской Академии художеств, в Обществе поощрения художеств. «За отличные познания в живописи» в 1893 году был удостоен звания академика, в 1902 году стал действительным членом Императорской Академии художеств. Ему позировали великие князья и княгини, императоры Александр III и Николай II. Э. К. Липгарт был удостоен звания придворного живописца, чем был обязан не только своему таланту, но и баронскому происхождению, и утонченному аристократизму. Липгарт был хорошо известен и в среде богемы Петербурга. Им была создана галерея графических портретов знаменитых петербургских деятелей искусства.

В будущем эти успехи принесли ему недобрую славу «салонного» и «придворного», а значит заведомо бездарного художника. Поразительно, но даже такой тонкий знаток живописи, как А. Н. Бенуа, не смог разглядеть в нем большого мастера. Бенуа, рассказывая о том, что Э. К. Липгарт был завален заказами – как светскими портретами, так и декоративными плафонами и панно, писал: «...но и тут надо сознаться, что эти декоративные изделия столь же мало походили на страстно им любимых венецианцев, как его портреты на Тициана, Рубенса или хотя бы Бонна. Вся культурность Липгарта, вся его выдержка и все его усердие не могли заменить недостаток подлинного таланта, не помогли ему побороть какую-то “тугодность” воображения, какую-то безнадежную сухость техники и живость красок». Там же он упоминал о том, что по какой-то дикой причуде он ненавидел голландцев и даже Рембрандта: «...пожалуй, в этом сказывался фанатик-католик»⁸. Вспомним, что художники не всегда справедливы к своим собратьям. И сам Александр Николаевич гением живописи почитал в свое время вполне салонного П. де Шаванна. Действительно, в XX веке общепринятым было презрительное отношение к «салону», который считался раз-

влечением для высших слоев общества. Однако до сих пор салонное искусство занимает большое место в музеях, частных галереях, пользуется большим спросом на аукционах. Вместе с тем оно мало изучено. Границы салонного искусства трудно поддаются определению. Так, ныне произведения академика живописи Э. К. Липгарта, некогда считавшегося представителем академического искусства, включены в энциклопедию «Живописи русского салона». Первое обширное отечественное исследование русской салонной живописи появилось только в 2004 году. Авторы Г. Б. Романов и А. М. Муратов подчеркивали такие ее качества, как шаблонность, конформизм, гедонизм, эклектизм, но вместе с тем мастеровитость, эффектность, ориентацию на вкусы широкой публики, отнюдь не элитарной, которые обеспечили ей коммерческий успех⁹.

С 1906 по 1929 год судьба Э. К. Липгарта была тесно связана с Эрмитажем. Послужной список, начатый в 1906 году, свидетельствует о том, что его путь на «Эрмитажный Олимп» не был простым: «приписан» к Императорскому Эрмитажу в 1906 году, но только в 1908 году принят «кандидатом». В 1909-м назначен заведовать картинным отделением и реставрационными мастерскими, а в 1915 году назначен старшим хранителем Императорского Эрмитажа¹⁰. Настоящей сенсацией стало определение им авторства «Мадонны с цветком» Леонардо да Винчи («Мадонна Бенуа»), а также атрибуции «Бегства в Египет» Тициана и «Апостолов Петра и Павла» Эль Греко. В 1912 году был издан его «Каталог итальянской и испанской живописи Эрмитажа». Однако, несмотря на огромную занятость, Э. К. Липгарт продолжал заниматься живописью, в том числе религиозной. Для лютеранской церкви Св. Анны в Петербурге он создал алтарный образ «Вознесение Господне». Эту композицию он повторил с некоторыми изменениями для лютеранских церквей в Ораниенбауме и эстонском городке Йыхви. Высоко оценен был правительством Франции созданный Э. К. Липгартом запрестольный образ «Святые покровители

Франции» для построенной по проекту Леонтия Бенуа церкви Лурдской Богоматери (или Церкви французского посольства). В 1916 году ему был пожалован Кавалерский крест ордена Почетного легиона¹¹.

По свидетельствам современников, Э. К. Липгарт был ревностным католиком. В послужном списке на протяжении всех лет службы в Императорском Эрмитаже, начиная с 1906 года, отмечалось, что и он, и его семья «исповедания римско-католического»¹². А. Н. Бенуа в своих «Воспоминаниях» рассказывал, что потомок знатного немецкого баронского рода Липгартов-протестантов Эрнест Карлович «навлек на себя родительский гнев, изменив вере отцов и перейдя в католичество»¹³. Этот поступок он еще усугубил тем, что женился в Париже на своей модели. За это он был лишен наследства отца, которое вместе с бесчисленными художественными сокровищами досталось его племяннику. В личном архиве Э. К. Липгарта в Эрмитаже хранится его записка (на французском языке) о предке-отшельнике и аббате святом Лифарде (Liphardus), или Липгарте (VI в.), победившем дракона. Луи Рео, с которым Э. К. Липгарт находился в переписке, включил рассказ об этом святом в свой знаменитый труд «Иконография христианского искусства»¹⁴. Среди личных документов Э. К. Липгарта хранится составленный им список римских пап «с XI в. до наших дней»¹⁵.

Кроме создания в 1916 году запрестольного образа для церкви французского посольства, о связи Э. К. Липгарта с духовенством уже в советское время свидетельствовал также А. Н. Бенуа. В рассказе о благочестивой кончине своего брата архитектора Л. Н. Бенуа, построившего эту церковь, он отмечал, что тот относился к религии если и с глубоким почитанием, то без особого рвения. Оставаясь добрым католиком, он в то же время отличался полной веротерпимостью и даже, как считали в семье, принял тайно православную веру своей горячо любимой жены и детей. «Однако на смертном одре... следуя настойчивым убеждениям своего старого друга Э. К. Липгарта, пригласил остававшегося в единствен-

ном числе в Петербурге французского священника, отца Амодрю, который его и соборовал»¹⁶.

Документальные материалы о том, для кого, для какого храма или по заказу какого священнослужителя написал Э. К. Липгарт «Портрет папы Пия XI», полностью отсутствуют в архиве в отделе рукописей Эрмитажа. Трудно предположить, что он выполнил эту работу по заказу церкви Лурдской Богоматери, ибо она продолжала функционировать во все годы советской власти, и портрет, вероятно, оставался бы там. Богослужения в соборе Св. Екатерины прекратились в 1939 году. Но к тому времени портрет Пия XI находился уже в Центральном антирелигиозном музее в Москве, созданном в 1927 году и закрытом в 1946 году, откуда и поступил в ГМИР.

Папа Пий XI (Акилле Ратти, 1857–1939) возглавлял Святой Престол в 1922–1939 годах, в сложный период между двумя мировыми войнами. В пору подъема Советской России, утверждения фашистских режимов и роста движения Народного фронта для борьбы против фашизма в Европе Ватикан и папа были важным фактором мировой политики. Возвышение будущего папы Пия XI, до того префекта Ватиканской библиотеки (у папы было прозвище «библиотекарь»), началось с тех пор, как папа Бенедикт XV направил его в 1918 году в качестве апостолического визитатора в Россию, Польшу и Прибалтику. В 1922 году Пий XI обратился к странам – участницам Генуэзской мирной конференции с меморандумом, в котором выразил пожелание «об ограждении в России интересов религии, являющейся основой истинной цивилизации». Для того чтобы Россия «вновь могла быть принята в семью цивилизованных народов», Ватикан выдвинул три условия: полная свобода совести, в том числе гражданам других стран, частное и публичное отправление религии и культов, возвращение всего недвижимого имущества церкви. В декабре 1923 года, в год написания Э. К. Липгартом портрета Пия XI, появилась программная энциклика Папы «*Ubi arcano Dei*». Ее содержание должно было быть близким художни-

ку-католику, испытывавшему все потрясения и утраты революционной эпохи. Война закончилась, писал папа, но мира нет. Всюду разрушения, ненависть, голод. Классовая борьба, «как смертельный нарыв», разъедает сердца народов. Семья, религия, мораль находятся в упадке. Восстановить мир может только католическая церковь.

В марте 1923 года в Москве начался так называемый процесс ксендзов. Главу римско-католической церкви в России архиепископа Яна Цепляка и настоятеля собора Св. Екатерины в Петрограде Констанция Будкевича приговорили к высшей мере за «сознательное руководство контрреволюционными действиями организаций Петроградских католических священников». Смертный приговор Яну Цепляку под давлением польской и английской дипломатии заменили десятилетним тюремным заключением. К. Будкевич был расстрелян. Капелланы храма Ян Василевский, Павел Ходневич и еще одиннадцать священников получили сроки от трех до десяти лет¹⁷.

В тех условиях Э. К. Липгарт, создавая портрет правящего понтифика Пия XI, проявил не только преданность вере и главе католической церкви, но и незаурядное гражданское мужество.

Где был написан портрет? Вопрос этот возникает в связи с тем, что с июля 1923 года Э. К. Липгарт мог находиться за границей. Сомнения возникают потому, что еще в мае 1923 года Э. К. Липгарт обратился к народному комиссару просвещения А. В. Луначарскому с просьбой предоставить ему шестимесячную командировку за границу «для пополнения научных изысканий по изучению работ [Леонардо] да Винчи и вообще итальянской школы». Дирекция Эрмитажа 26 мая 1923 года просила А. В. Луначарского поддержать заявление Э. К. Липгарта и разрешить ему взять с собой 25 картин своей работы для устройства выставок и «изыскания средств к существованию», так как командировку Эрмитаж не оплачивал¹⁸. Эрмитаж выдал ему удостоверение 9 июня 1923 года в том, что он увольняется в отпуск за границу на 6 месяцев без сохранения содержания¹⁹. Однако

29 июня 1923 года Эрмитаж вновь обратился в Петроградское управление научных учреждений с просьбой выдать «хранителю Картинной галереи, получившему заграничный отпуск, в счет жалования, двухмесячное содержание и золотое обеспечение», а также выдать заграничные паспорта ему и его жене, «поскольку он до сих пор не имеет ответа. Для него, 76-летнего, важно использовать летнее время для поездки морем»²⁰. Скорее всего, Э. К. Липгарту удалось тогда отправиться в зарубежную поездку. Точно известно, что в январе 1924 года, согласно удостоверению № 55, он находится в заграничном отпуске. В соответствии с приказом по Эрмитажу от 5 июля 1924 года художник вернулся в Петроград. В приказе говорится, что «ввиду возвращения из заграничного отпуска хранителя Э. К. Липгарта... возобновить ему выписку содержания с 1 июля с. г.»²¹. В архивных документах Эрмитажа нет упоминаний о том, какие страны Э. К. Липгарт посетил. Однако в письме к А. В. Луначарскому он мотивировал свою просьбу о заграничной командировке необходимостью изучения «итальянской школы». Это дает основания предположить, что он посетил Италию.

Портрет Пия XI подписан «фон Липгарт» («E.v. Liphart»). Мог ли художник подписаться своим баронским титулом у себя в Петрограде в 1923 году? Можно предположить, что Э. К. Липгарт работал над портретом в Ватикане. Однако в архивах Ватиканской пинакотеки документов об этом обнаружить не удалось. В Архиве фотографий Ватиканских галерей и музеев мне удалось получить копии двух официальных портретов-фотографий Пия XI (№ XXXII-115-30 и № XXXV-21-4). Э. К. Липгарт определенно использовал эти официальные фотопортреты Пия XI для своей работы, как это делали другие художники. Он повторил позу, поворот в 3/4, благословляющий жест правой руки и положение левой на подлокотнике кресла. Э. К. Липгарт использовал излюбленную схему венецианских портретистов, изображавших своих персонажей на фоне окна с отодвинутой драпировкой, за которым открывался пейзаж, часто имевший символическую нагрузку. Этим приемом часто пользовались Якопо и Доменико Тинторетто, Тициан и другие мастера, не только венецианские.

Вместе с тем Э. К. Липгарт создал не официальный, а романти-

ческий, проникнутый неподдельным чувством портрет. Художник поместил фигуру Пия XI на фоне собора Св. Петра, купол которого едва угадывается в серебристо-перламутровой дымке, написанной с большим мастерством. Через три года после Э. К. Липгарта, в 1926 году, портрет Пия XI по фотографии (№ XXXV-21-4) написал неаполитанский художник Антонио Манчини. Фотографию этой картины мне также предоставили в пинакотеке Ватикана. А. Манчини полностью повторил фотографию, ничего не меняя. Его работа отличается сухостью исполнения и производит весьма посредственное впечатление. Не таков портрет Э. К. Липгарта, выполненный по этой же фотографии. В нем чувствуется рука опытного и умелого портретиста. В этом портрете Э. К. Липгарт сумел передать свой пиетет к пантифику, с помощью пейзажного фона и особого выражения сдержанного величия немало героизировать и романтизировать его личность. Мастерски написаны лицо и руки Пия XI, на которых сконцентрирован свет. Высокое живописное качество ставит «Портрет папы Пия XI» в ряд лучших произведений этого замечательного русского живописца.

¹ См.: Веснины Н. и С. Русский художник Эрнест К. фон Липгарт // Наше наследие. 1999. № 49. С. 21–17. Об истории дворянского рода фон Липгартов см.: Веснина Н. Н. (Шестакова). История лифляндского рода фон Липгарт. СПб., 1995.

² Krüger K. Ernst von Liphart // Baltische Monatschrift. Riga. Marz. 1899. Heft 1. S. 485. Цит. по: Веснины Н. и С. Указ. соч. С. 5.

³ Ibid. S. 376.

⁴ Ibid.

⁵ Врангель Н. Н. Наследие Великой княгини Марии Николаевны. СПб., 1912. С. 6.

⁶ См.: Эрнест Липгарт. Mes mémoires. Салон принцессы Матильды // Наше наследие. 2007. № 81. С. 56–71. См. там же предисловие Е. Соломахи. С. 50–55.

⁷ Государственная Третьяковская галерея. Живопись второй половины XIX в. М., 2001. Т. 4. Кн. 1. С. 377. № 860. Липгарт по заказу Александра III изобразил в виде первой из дев, входящих с Христом в храм, графиню Э. Потоцкую.

⁸ Бенуа А. Н. Мои воспоминания. М., 1990. Т. 1. С. 581.

⁹ Романов Г. Б., Муратов А. М. Живопись русского салона (1850–1917): Энциклопедия. СПб., 2004. С. 7.

¹⁰ Архив Государственного Эрмитажа (далее – Архив ГЭ). Ф. 1. Оп. 13 л/с. № 30. 1906–1930-е гг.

¹¹ Там же. Ф. 1. Оп. 13 л/с. № 30. 1906–1930-е гг., 13 декабря 1916 г.

¹² Там же. Ф. 23. Оп. 1. № 30.

¹³ Бенуа А. Н. Указ. соч. Т. 1. С. 581.

¹⁴ Réau L. Iconographie de l'art chrétien. Т. III. Iconographie des saints, II. Paris, 1958. P. 810.

¹⁵ Архив ГЭ. Ф. 23. № 291/157. Л. 2.

¹⁶ Бенуа А. Н. Указ. соч. Т. 1. С. 105.

¹⁷ Шульц-мл. С. Храмы Санкт-Петербурга. История и современность. СПб., 1994. С. 239.

¹⁸ Архив ГЭ. Ф. 1. Оп. 13. № 1266.

¹⁹ Там же. № 1339.

²⁰ Там же. № 1380.

²¹ Там же. № 1797.

Два лика античного Боспора

В. А. Хршановский

В отделе Музея истории религии, посвященном античному религиозному синкретизму, обращают на себя внимание стоящая на возвышении в углу терракотовая статуя прекрасной греческой богини и вырезанное на куске известняка скуластое мужское лицо с широко раскрытыми глазами.

Обе эти древние вещи были найдены археологической экспедицией музея в 1984–1985 годах в Восточном Крыму на некрополе Илурата – одного из небольших городков-крепостей на западной границе Боспорского царства.

Боспорское царство – самое крупное греко-варварское политическое образование в Северном Причерноморье – возникло в V веке до н. э. как объединение греческих городов-колоний, выведенных в VII–VI веках до н. э. на Таманский полуостров и в Восточный Крым, и просуществовало на обоих берегах Боспора Киммерийского (ныне Керченский пролив), изменяясь и варваризируясь больше тысячи лет.

С 1968 года археологическая экспедиция музея на протяжении почти четырех десятилетий вела раскопки некрополя Илурата, а с 1989 года – параллельно и другого боспорского города – Китея. На первом памятнике за все время было исследовано 224 археологических объекта, на втором – число их приблизилось к 370. Среди них обычные грунтовые и вырубленные в скале могилы, вырубные склепы с искусственным перекрытием и склепы-катакомбы с пещеровидными (выбранными в скальном массиве) камерами, монументальные склепы, сложенные насухо из блоков известняка с полуцилиндрическими и уступчатыми (ложноегипетскими) сводами, а также многочисленные следы поминальных тризн на ритуальных площадках, в жертвенных ямах и в специально выстроенных святилищах.

Однажды, как это часто бывает, в самом конце полевого сезона, после нескольких безрезультатных попыток в разведочном шурфе, на глубине всего полметра начали попадаться довольно крупные обломки керамики необычайно причудливой формы. Горшок не горшок, чашка не чашка. Их становилось все больше и больше. Один склеивался с другим, третьим, четвертым... После расчистки этого места выяснилось, что на специально принесенной куче камней и крупного щебня была разбита поражающая своими размерами (высота – 0,62 м) и художественными дос-

тоинствами терракотовая статуя греческой богини.

Женщина изображена в расцвете природной красоты и силы. Она стоит, опираясь на левую ногу, правая же, отставленная назад и слегка согнутая в колене, передает ее плавное движение вперед. Некоторая удлиненность фигуры, шеи, высокий головной убор, спадающие до земли складки одежды, скрадывающая традиционную античную пышность форм, подчеркивают женственность и изящество. Голова женщины чуть-чуть наклонена вниз, на ней стефанос – греческий головной убор в виде широкого полумесяца. Из-под него выбиваются волнистые волосы, разделенные надвое прямым пробором. Голова, плечи и спина прикрыты гиматием – плащом, заворачивающимся справа жгутом вокруг пояса и живописными складками спадающим через несохранившуюся левую руку вниз до самых стоп. Легкий хитон плотно облегал грудь, талию и также складками падает вниз. Под грудью он перехвачен узким поясом. Как и в лучших образцах греческой скульптуры, одежда удивительно подчеркивает гармонию и красоту этой женщины. Овал ее лица вытянут, большие глаза, прямой нос. Но лицо при этом замкнуто, холодно, и его правильные черты не передают каких-либо душевных движений.

Найденная статуя (полая, открытая снизу, отлитая в форме из местной боспорской глины) – шедевр античной коропластики. Она оказалась самой большой из всех терракот, найденных в Северном Причерноморье. Не вызывает сомнений, что это не земная женщина, а небожительница. На протяжении всей истории Боспорского царства наиболее популярными были культы двух греческих богинь: Деметры – богини плодородия и земледелия и Афродиты – богини

Терракотовая статуя греческой богини. ГМИР

любви и красоты. Они сосуществовали, отчасти – особенно в римское время – смешиваясь с местным варварским культом Великой богини производящих сил природы, покровительницы растительного и животного мира. Статуя лишена атрибутов как Деметры (венка из колосьев или корзины с плодами), так и Афродиты (воробья, голубя, зайца, яблока, розы или мака). С конца I века до н. э. и на протяжении двух последующих столетий на Боспоре широко распространялся культ Афродиты и стал едва ли не главным. Следы его сохранились во многих местах, в том числе и в Илурате, где при раскопках городища были найдены золотой медальон с изображением Афродиты и терракотовая статуэтка с ее бесспорным атрибутом – яблоком у лона. Черты несомненного сходства обнаруживаются у нее с головой терракотовой статуи из города Кепы на Таманском полуострове I века до н. э., небольшой головкой в высоком головном уборе из Пантикапея – столицы Боспорского царства – I–II веков н. э. Но с другой стороны – Афродита, как правило, изображалась обнаженной, а Деметра – в облачении, как наша богиня. Так что имя ее пока остается неизвестным.

О том, как попала она на некрополь периферийного боспорского городка, из какой мастерской вышла, тоже можно только догадываться. Известно, что после того, как римские легионы, возглавляемые Лукуллом, в ходе войны с царем Понта Митридатом VI Евпатором в 71 году до н. э. захватили и разгромили южнопантийский город Амис, в котором находились лучшие в Малой Азии мастерские по выделке терракот, многие мастера бежали. Не исключено, что один из них оказался на Боспоре и в привезенной с собой форме из местной глины отлил найденную археологами статую богини.

Неподалеку от того места, где была найдена разбитой на крупные куски статуя, был обнаружен большой склеп, который полукругом с запада охватывала ритуальная площадка с тризной – приношениями богам подземного мира: захоронениями собак, лошадей, следами кострищ, многочисленными фрагментами керамики и небольших терракотовых статуэток.

Барельеф с изображением мужского лица. ГМИР

Не менее удивительную находку принес и следующий полевой сезон. Еще до начала раскопок, во время установки лагеря, один из юных участников экспедиции – Саша Названов – заметил на плоском камне, лежавшем в траве, рельефное изображение человеческого лица.

Плита мягкого желтовато-серого известняка имела форму ромба (длина – 0,5 м, ширина – 0,3 м, толщина – 0,06–0,08 м). Ровная гладкая задняя поверхность не имела никаких следов обработки. Известно, что известняк может и сам по себе отслаиваться, образуя почти идеальную поверхность. Верхняя левая грань ромбовидной плиты с неровными рваными краями была, вероятно, отбита, правая – тщательно выровнена. На ней по всей площади сохранился слой скрепляющего раствора (извести) белого цвета с темными включениями.

Рельеф занимал не всю поверхность плиты: он начинался примерно в 14 см от ее верхнего края. Овал лица узкий, вытянутый. Верхняя часть его обрамлена валиком – полунишом. Это может быть стилизованное изображение прически или какого-то головного убора. Намеченная несколькими штрихами неглубокая волнистая линия – «складка» на лбу – могла обозначать волосы или же налобное украшение. Резкими, глубокими гравированными линиями моделирова-

ны большие широко раскрытые глаза и нижние веки. Глаза посажены немного асимметрично: один – чуть выше, другой – ниже. Глазницы углублены, в них оставлены рельефные овальные глазные яблоки с обозначенными неглубокими ямками – зрачками. Нос отбит, но по следу можно предположить, что он был достаточно велик. Искусно подчеркнуты сильно выдающиеся и также слегка асимметричные скулы. Довольно глубоко врезанной горизонтальной чертой обозначен плотно закрытый рот. На щеках и подбородке обозначены толстые губы, усы и, возможно, борода. Лицевая часть плиты покрыта кавернами, возникшими вследствие выветривания и вымывания известняка, патинообразной коркой и пятнами высолов¹.

В целом рельеф производил сильное впечатление как незаурядное произведение искусства. Однако то, что плита была найдена не в слое, а на дневной поверхности – пусть и на территории некрополя, – лишало ее «презумпции подлинности» и требовало доказательств ее древнего происхождения.

За доказательствами пришлось обращаться к самым разным специалистам. И коллегам археологам, и искусствоведам из Государственного Эрмитажа, которые не увидели в нем ничего, что препятствовало бы «признанию его античным». И в экспериментально-трассологическую лабораторию Института истории материальной культуры, где после тщательного осмотра было выдано официальное заключение о том, что «изготовленные личины не современное» и что «подделка исключается».

Во время раскопок одной из илуратских катакомб на стенках также были обнаружены остатки штукатурки. Возникла идея сравнить химический состав заведомо древней известки, взятой с глубины около 1,5 м и известки с грани рельефа. В Центральной лаборатории судебной экспертизы спектрографическим исследованием двух сравниваемых образцов было установлено, что они имеют абсолютно «одинаковый качественный элементный химический состав, но разное количественное содержание элементов». Так как известка является многокомпонентной сме-

сю, то в каждой пробе могло оказаться разное количество тех или иных элементов (больше извести или песка). Но то, что обе пробы содержали одни и те же химические компоненты, с большой степенью вероятности доказывало, что они имеют один и тот же источник и изготовлены в одно и то же время. Катакомба с оштукатуренными стенками датировалась II–III веками н. э. Следовательно, тогда же могла быть изготовлена и плита с рельефом.

Для чего? Двадцать лет спустя появилась возможность ответить и на этот вопрос. Совсем недалеко от того места, где ее нашли, был открыт огромный двухкамерный склеп с полуциркульными сводами, вход в который мог быть украшен найденным барельефом. Предположение это кажется убедительным и потому, что над входом в

одну из илуратских катакомб прямо на скальном козырьке свода также был вырублен небольшой барельеф с изображением мужского лица с широко расставленными узкими (но не раскосыми) глазами, небольшим носом и ртом, широкой бородой².

Стилистически илуратский барельеф близок к изображениям Афины, Пана и Силены, вырезанным на стене одного из склепов боспорского города Нимфея примерно в то же время – в III веке н. э.³ Приданный греческим божествам, имеющим свои традиционные атрибуты, варварский вид – выдающиеся скулы, сужающиеся к подбородку лицо – явно отражал какие-то специфические черты обитавших здесь в первые века нашей эры людей. Тип этот близок к человеку, изображенному на илуратском барельефе.

Известный антрополог В. П. Алексеев, ознакомившись с барельефом по фотографии, при всей сложности и условности таких определений (плохая сохранность, возможность стилизации) отметил у изображенного человека «европеоидные признаки скорее скифо-сарматского комплекса, чем хазарского или татарского», что подтверждает наше предположение.

Две очень разные вещи, случайно найденные почти одновременно на одном и том же памятнике, – шедевр античной корoplastики и незаурядное произведение варварского изобразительного искусства. Теперь, почти через две тысячи лет, экспозиция Государственного музея истории религии воочию явила нам два лика античного Боспора – греческий и варварский.

¹ Хршановский В. А. Барельеф из некрополя Илурата // Реконструкция древних верований: источники, метод, цель: Сб. науч. тр. СПб., 1991. С. 122–124.

² Там же. С. 128.

³ Ростовцев М. И. Античная декоративная живопись на юге России. СПб., 1913. С. 395–396. Табл. ХСVI. 1–3.

Статуэтки из собрания Г. Шлимана

З. В. Ханутина

ИЗучая архивные документы, связанные с историей коллекции терракот ГМИР, нередко удивляешься, какими длинными и запутанными дорогами «приходят» в музей отдельные экспонаты. Как настоящим путешественникам, им удалось побывать в разных странах и городах.

Интересна судьба двух статуэток, являющихся самыми древними в собрании. Первая из них – женская фигурка с большими глазами на клювообразном лице и треугольными выступами вместо рук, высотой 16 см, выполненная в технике свободной лепки из плотной оранжевой глины и расписанная бурым лаком. Головной убор, напоминающий калаф, и длинное одеяние украшены геометрическим орнаментом.

Вторая – изображение животного, скорее всего ослика или мула (высота 7,5 см; длина 11 см).

Обе фигурки происходят из Беотии, датируются VI веком до н. э. Их нарочито примитивный облик напоминает статуэтки неолита. Беотийская корoplastика того периода достигла в большинстве своих изделий гораздо более совершенной техники, но определенная группа мастеров таким образом подчеркивала свою приверженность многовековой традиции и ритуалу.

Довольно много подобных статуэток хранится в различных музеях Европы и России, но две фигурки из собрания ГМИР имеют весьма необычную историческую судьбу.

Путь наших «пилигримов» по России начинается в 1886 году, когда в дар Музею Центрального училища технического рисования барона А. Л. Штиглица поступило собрание, включающее 180 предметов «из раскопок в Гиссарлыке»,

присланное известным археологом Генрихом Шлиманом своему доброму знакомому – зятю барона Штиглица А. А. Половцову, сенатору (с 1883 года – государственному секретарю), председателю Русского исторического общества, страстному коллекционеру предметов искусства. Именно ему принадлежала инициатива создания училища и музея, реализованная на средства барона – крупного финансиста и промышленника.

Впервые Генрих Шлиман побывал в Петербурге в январе 1846 года в качестве представителя голландской фирмы «Б. Шрёдер и К°». В 1854 году Шлиман стал купцом 1-й гильдии. Оборот его капитала достиг к середине 1850-х годов 15 миллионов талеров, тогда как основной капитал составлял 1 миллион талеров и приносил 33 тысячи годовой ренты.

Когда Г. Шлиман оставил Россию в 1864 году, он располагал более чем 10 миллионами марок, или примерно 3 миллионами талеров. В рублях это составляло 2,7 миллиона.

Именно эти деньги, как справедливо считал и сам Г. Шлиман, дали ему возможность финансировать раскопки, начатые в Гиссарлыке в 1870 году и продолжавшиеся с небольшими перерывами до самой смерти археолога в 1890 году.

После очень успешных раскопок в Гиссарлыке в 1871–1873 годах («Клад Приама») Г. Шлиман начал поиски достойного претендента на обладание его сокровищами.

Он предложил свое собрание разным странам – Греции, Италии, Великобритании, Франции, оценив его в 80 тысяч франков. «Всякий раз что-то ему не подходило. То предлагалось слишком мало денег (но это не было главным), то было мало почета, то чем-то он был разгневан на страну. Но в течение всего этого времени втайне, в тиши велся глубокий зондаж относительно возможности передать троянские древности русскому государству»³.

Об этом он писал в 1875 году археологу Н. К. Богушевскому и повторял в 1876 году в письме к русскому банкиру барону Гинцбургу: «Но после того, как я двад-

Генрих Шлиман

цать лет своей жизни провел в Петербурге, все мои симпатии принадлежат России, и поскольку я искренне желаю, чтобы мое собрание попало туда, я прошу от русского правительства только 50 тысяч франков и был бы даже согласен спустить цену до 40 000... Во всяком случае, я обещаю Вам, что для России я оставляю преимущество перед всеми прочими странами, ибо там я добыл мое состояние, кроме того, я хотел бы провести раскопки в глубине России...»⁴

В 1883 году с просьбой разрешить ему раскопки в Закавказье (он мечтал найти в Колхиде следы аргонатов и Золотого руна) Г. Шлиман обратился через члена Русского археологического общества И. В. Помяловского в Императорскую Археологическую комиссию.

Ее председатель И. А. Васильчиков в рапорте министру двора от 18 января 1883 года доложил о предложении Г. Шлимана, считая его весьма выгодным для России, так как Шлиман обязался все на-

ходки сдать в Императорский Эрмитаж и раскопки предполагал проводить исключительно за свой счет. Но министр двора ответил, что господин Шлиман не может въехать в Россию без «высочайшего на то соизволения и великодушного помилования», которые пожалованы так и не были⁶.

Не дожидаясь, пока решится вопрос о возможности проведения раскопок в Колхиде, но все-таки надеясь на благоприятный результат, Шлиман сделал России ценный подарок: в начале 1883 года он послал в Петербург на имя А. А. Половцова пять ящиков с троянскими древностями.

В этих-то ящиках среди прочих древностей и прибыли в Петербург описываемые нами статуэтки.

А. А. Половцов

Первое упоминание о поступившем в музей собрании можно найти в «Памятной книжке для записывания поступающих в музей предметов»⁷. В ней на странице 11 записано: «28 ноября 1886 г. Записаны по особой описи Коллекция античных древностей, пожертвов. Г. Шлиманом 7417–7597».

После этого подробный список коллекции был занесен под № 46 в толстый журнал с названием «Описи вещей, поступивших в музей барона Штиглица 1885–1886 гг.»⁸.

Опись составлена подробно и кропотливо. Кое-где рядом с описанием предмета имеется маленький рисунок пером, служащий, очевидно, для уточнения внешнего вида, иногда разъясняется, на какой глубине обычно встречаются подобные находки, есть и другие уточнения.

Паппада и ослик. Греческие терракоты из собрания Г. Шлимана. Беотия. VI в. до н. э. ГМИР

Здесь под № 14 есть запись: «Ослик из обожженной глины алаго цвета. Из раскопок в Гиссарлыке». А под № 125–130: «Шесть идолов из обожженной глины, расписанные бурым тоном. Из раскопок в Гиссарлыке». Это и есть первое упоминание о наших «пилигримах».

Музей, который приютил их, был для своего времени – последней четверти XIX века – музеем нового типа. В тот период в самых разных странах Западной и Восточной Европы возникают музеи, тесно связанные с художественно-промышленными учебными заведениями. Они получили название Kunstge-werbe-Museum – музей художественных ремесел. Такие учреждения изучали искусство в прикладных целях, поэтому, наряду с копиями, часто являлись хранителями коллекций подлинных высокохудожественных предметов, в том числе и коллекций древностей. Музей Училища технического рисования барона Штиглица в Петербурге стал одним из самых крупных и значительных в России собраний прикладного искусства⁹. К началу XX века в его фондах хранилось более 20 тысяч произведений русского и западноевропейского декоративно-прикладного искусства разных исторических периодов. Собрание постоянно пополнялось за счет многочисленных приобретений на аукционах, у русских и зарубежных антикваров, благодаря дарам частных лиц.

Но пришла революция 1917 года. В музейном деле, как и вообще в стране, начались хаос и неразбериха. То и дело открывались и закрывались различные музеи. Наступил период «великого переселения экспонатов». Кочевали из музея в музей, распавшаяся при этом на фрагменты, интереснейшие частные собрания. Несмотря на мужественную борьбу за существование, сотрудникам не удалось спасти Музей Училища технического рисования. В 1922 году, после закрытия училища, его музей перешел в ведение Академии художеств, а в 1923 году был передан Петроградскому управлению научно-художественными учреждениями и стал филиалом Государственного Эрмитажа.

В тот период большинство коллекций музея влилось в эрмитажные фонды. В их числе оказалось и

собрание Г. Шлимана, которое актом от 12 августа 1924 года было передано в отдел древностей. Там статуэтки получили новые «имена»: статуэтка стоящей женщины геометрического стиля и мул.

В 1931 году Центральный антирелигиозный музей в Москве решил показать историю религии, начиная с первобытного общества. Директор музея А. Николин, получив согласие сектора науки Наркомпроса РСФСР, обратился в Эрмитаж с просьбой о выделении необходимых материалов. Приложенная к письму «Ориентировочная схема построения отделов Центрального антирелигиозного музея» предусматривала наличие в экспозиции восьми отделов: 1) Вводного (выставка по очередной ударной антирелигиозной кампании); 2) Диалектика природы и общества; 3) Религия в первобытно-коммунистическом или доклассовом обществе; 4) Религия в древневосточном обществе; 5) Религия в рабовладельческом античном обществе и т. д.

Отбор материалов для отдела № 5 осуществлял сам заведующий сектором античного общества ЦАМа О. Ф. Вальдгауэр. В подробном письме на имя заведующего научной частью ЦАМа Н. В. Румянцев он перечислял намеченные к передаче экспонаты, в числе которых «оригиналы античного производства: мрамор, бронза, терракоты, расписные вазы»¹¹.

6 октября 1931 года 74 обещанных предмета из фондов Эрмитажа были переданы по акту в ЦАМ. В их числе оказались и две терракоты из коллекции Г. Шлимана. «Статуэтка стоящей женщины геометрического стиля» именуется в списке, приложенном к акту передачи, «идолом примитивным», а фигурка ослика названа почему-то фигуркой собаки¹².

Оказались разбросанными по стране и некоторые другие предметы этой коллекции: 13 сентября 1929 года в Москву, в Государственный музей керамики была отправлена пиксида с крышкой, 26 мая 1931 года в Хабаровский музей отослан лекиф, 19 сентября 1970 года Донецкому художественному музею был передан коринфский арибалл. 30 марта 1951 года часть коллекции была возвращена из Эрмитажа в открывавшийся вновь музей, теперь уже Ленинградского художественно-промышленного училища¹³.

После закрытия ЦАМ (1947) его коллекции были переданы в фонды Ленинградского музея истории религии АН СССР. В составе этих коллекций вернулись в наш город и две статуэтки из собрания Г. Шлимана. В течение многих лет хранились они в запасниках музея. В новой экспозиции музея на Почтамтской улице статуэтки-пелигримы обрели наконец достойное место и заслуженное внимание.

¹ Прохоренко Г., Власова Г. Музей барона Штиглица: Ист. очерк // Музей барона Штиглица. Прошлое и настоящее. СПб., 1994. С. 18.

² Йене А. Г. Шлиман и А. А. Половцов. Путь троянских древностей в Россию // Троя и ее сокровища: Тез. междунар. науч. конф. М.: ГМИИ им. А. С. Пушкина, 1996. С. 1–2.

³ Клейн Л. С. Генрих Шлиман в Петербурге // Троя. Петербург. Шлиман: Каталог выставки. СПб.: Гос. Эрмитаж, 1998. С. 13.

⁴ Там же.

⁵ Неверов О. Я. Древности из собрания Генриха Шлимана // Троя. Петербург. Шлиман: Каталог выставки. С. 68.

⁶ Причинами «политического и гражданского свойства», по которым Шлиману было отказано во въезде в Россию, были, по-видимому, второй брак при не расторгнутом первом, то есть по российским законам Г. Шлиман считался двоеженцем, а также получение американского подданства без оформления выхода из русского (Дашевская О. В. Новое о Генрихе Шлимане // ВДИ. 1968. № 1. С. 194).

⁷ Архив Государственного Эрмитажа. Ф. 1. Оп. IX. Ед. хр. 80.

⁸ Там же. Ед. хр. 9.

⁹ Кошман Л. В., Мамонтова Н. Н. Художественно-промышленные музеи и выставки // Российская музейная энциклопедия: В 2 т. М., 2001. Т. 2. С. 304.

¹⁰ Тарасова И. В., Ченская Г. А. Из истории музейного дела в России: музей церковно-археологический и антирелигиозный // Труды Государственного музея истории религии. СПб.: ГМИР, 2002. Вып. 2. С. 26.

¹¹ Архив Государственного Эрмитажа. Ф. 1. Оп. V. Ед. хр. 1216 (2). 1931 г.

¹² Там же.

¹³ Богданов И. А. Долгая дорога в Трою. Л., 1990. С. 54.

«Буддийский рай» в Музее истории религии

О. С. Хижняк

В восточной коллекции Государственного музея истории религии есть уникальный экспонат – объемное изображение «буддийского рая», чистой земли «Сукхавати» Будды Амитабхи*. Выполненное в основном из дерева и частично из папье-маше и металла, оно поражает своей красотой и гармоничностью, ассоциируясь у зрителя с представлениями о райском саде.

Как выяснила хранитель фонда «Религии Востока» В. Н. Мазуринна, многофигурная композиция была создана в 1904–1905 годах монахами двух старейших буддийских монастырей Бурятии – Гусиноозерского и Гегетувского – по заказу известного собирателя предметов восточного искусства князя Э. Э. Ухтомского. Вместе с его коллекцией скульптуры она была приобретена императором Николаем II и подарена этнографическому отделу Русского музея. В начале 30-х годов XX века композиция поступила в Музей истории религии АН СССР. После реставрации, проведенной О. Б. Будаевым, она была развернута на экспозиции музея, а в послевоенное время частично восстановлена в отделе открытого фондового хранения «Религии Востока». В новом здании музея планируется восстановить этот памятник в его первоначальном виде и дать посетителям возможность познакомиться с ним.

Композиция «Сукхавати» представляет собой один из священных миров буддийского космоса – «Счастливую землю», где владыкой является будда бесконечного света Амитабха. Согласно мифологии, будучи в одном из прошлых рождений бодхисаттвой (тем, кому предстоит стать буддой) Дхармакарой, он дал обет: достигнув состояния будды, создать особую сферу обитания – буддхакшетру, «поле будды», или «чистую землю», чтобы ускорить путь живых существ в нирвану. В сутре махаяны «Сукхавативьюха» (II–

«Буддийский рай». Частичная сборка макета

III вв. н. э.) Чистая земля будды Амитабхи описывается как идеальный, совершенный мир.

Сукхавати представляется прекрасным садом с деревьями, растениями, цветами, горами, прудом, дворцами из золота, серебра и драгоценных камней. В центре на троне восседает будда Амитабха, окруженный свитой из Восьми великих бодхисаттв – его духовных сыновей. В небесах – божества и летящие монахи. В раскрывающихся цветках лотоса появляются те, кто благодаря преданности, почитанию и беспрестанному молитвенному обращению к Амитабхе удостоились рождения в Чистой земле. Все обитатели Сукхавати – бодхисаттвы высшего уровня. Они живут там неизмеримо долго, наслаждаются беспредельным счастьем и достигают нирваны.

Представление о Чистой земле будды Амитабхи дает верующим надежду на счастливую жизнь в потустороннем мире. Однако попасть

в тот идеальный мир непросто. Для этого надо посвятить свою жизнь духовному совершенствованию и прежде всего попытаться освободиться от своих страстей, прийти в состояние внутреннего покоя, невозмутимости, умиротворенности. Необходимо очистить свое сознание от различного рода омрачений – алчности, жадности, чувства собственности, преобразовать эти губительные качества человеческой природы в мудрость сострадания и милосердия ко всем живым существам.

Энергия страсти рассматривается как разрушительная, она сравнивается с бушующим, обжигающим неуправляемым пламенем (отсюда красный цвет будды Амитабхи), способным уничтожить все на своем пути. Она может быть преобразована в теплую энергию сострадания, сравнимую со спокойным горением огня, дающего людям и всем живым существам тепло и свет. На необходимость освобождения от страстей указывают и дру-

* Ее санскритское название *Сукхавати* в странах распространения буддизма было переведено или транскрибировано на национальные языки: (б) *Дебачан* – в Тибете; *Сукавади*, *Деважин* или *Диважин* – в Монголии, Бурятии, Калмыкии, Туве; *Цзинту* – в Китае, *Дзэдо* – в Японии, *Чонтхо* – в Корее.

гие мировые религии, например, христианство. Но даже если человек принимает такую духовную установку (с чем соглашается далеко не каждый), сделать это оказывается крайне трудно, поскольку для обычного мирского человека страсть имеет не только негативные, но и позитивные значения.

Мировые религии противопоставляют состоянию страсти состояние вечного блаженства, высшей, духовной радости; оно обретается в небесных сферах. Одной из таких сфер в буддизме считается обитель будды Амитабхи. Ее название «Сукхавати» переводится как «Сфера блаженства», или «Счастливая земля», что более понятно для простых верующих. Она не имеет материального измерения, это духовное состояние, достигаемое людьми, приближающимися к состоянию нирваны – полного освобождения от круга рождений и смертей.

Состояние высшей, духовной радости и блаженства передается через образ прекрасного сада, где все обитатели могут лицезреть владыку этой земли будду Амитабху и внимать его проповеди. У европейца этот образ неизменно ассоциируется с представлениями о рае. В известном смысле эти ассоциации верны, но есть и принципиальные различия. Главное из них состоит в том, что в буддизме, в отличие от христианства, нет идеи Бога-творца. Будд бесконечно много, про них говорится, что все они достигли просветления собственными усилиями, совершенствуясь на протяжении многих жизней. Многие из них, согласно мифологии, создают свои идеальные сферы для тех, кто стремится к полному освобождению. Если в христианстве рай один, и другого быть не может, то в буддизме таких сфер, как утверждает, множество, и между ними нет какой-либо иерархии. Кроме того, пребывание в сфере блаженства не вечно, это не есть конечная цель пути, но лишь временное пристанище. Отсюда либо уходят в нирвану, либо возвращаются в мир сансары, чтобы помогать другим живым существам на их духовном пути. Указанные различия чрезвычайно важны и связаны с разницей в типологии мышления и культур в целом.

Для понимания образа прекрасного сада попытаемся проник-

нуть в смысл его описания, которое в одной из сутр (священных текстов) дал сам основатель религии Будда Шакьямуни. Он говорил, что Счастливая земля представляет собой сад, где земля усыпана золотым песком и множеством драгоценностей, которые появляются из нее сами собой. В ней растут деревья, украшенные драгоценными сетями, которые при дуновениях ветерка издают приятный звон. Здесь есть пруды, созданные из семи драгоценностей; они наполнены водой, обладающей восемью добродетелями (вода чиста, прохладна, сладка, нежна, ласкова, спокойна; выпив ее можно утолить голод и жажду и вскормить корни блага). Дно прудов повсюду устлано золотым песком. С четырех сторон каждый из прудов окружен дорогами, созданными из золота, серебра, лазурита и хрусталя. Сверху там есть террасы, украшенные золотом, серебром, лазуритом, хрусталем, кораллами, пурпурными жемчужинами и агатами. В прудах там есть лотосы, большие как колесо повозки. Голубые лотосы испускают голубое сияние. Желтые лотосы испускают желтое сияние. Красные – красное сияние. Белые лотосы испускают белое сияние. Эти лотосы нежны, чудесны, ароматны и чисты.

Дав столь красивое описание, Будда Шакьямуни поясняет Шарипутре: «Вот каким образом создана украшенная заслугами и добродетелями Страна Высшей Радости». И здесь мы начинаем понимать, что золото и драгоценности, которыми усыпана Счастливая земля, не материальны, это высшие духовные добродетели просветленных существ. Обитатели Чистой земли обладают исключительными духовными качествами: у них нет идеи собственности (т. к. они отказались от идей «я» и «мое»); они не переживают ни удовольствия, ни страдания (т. к. победили желания); делая что-либо, они не испытывают желания, а если испытывают его, то ничего не предпринимают (это так называемое «незаинтересованное деяние», т. е. бескорыстное), у них нет идеи других и нет идеи себя (поскольку они достигли понимания единства всего со всем), нет страстного стремления, нет разногласий (посколь-

ку нет эгоистических устремлений), нет противостояния и т. д. «Полные равенства, благоговения, мягкости, любви, спокойствия, беспристрастия, будучи сосредоточены на дисциплине (тела, речи и разума), они достигают высшей мудрости». По сути, в перечисленных свойствах названы черты высокодуховной личности, освободившейся от жадности, алчности, агрессии благодаря пониманию своего неразрывного единства с окружающим миром и в результате преодоления собственного эго.

Сукхавати – это предпоследняя ступень на пути духовного освобождения. Созерцание Амитабхи – будды Бесконечного света, и слушание его проповеди облегчает обитателям Сукхавати уход в нирвану. Считается, что бодхисаттвы, посвятившие себя спасению всех живых существ, возвращаются вновь на землю, чтобы проповедовать Учение и вести всех к Просветлению.

Образ Чистой земли многогранен и многозначен. Он обращен в равной мере и к просвещенным адептам, и к простым верующим. Для основной массы верующих образ сада облегчает понимание главной цели буддиста: ведь о нирване говорится, что ее невозможно выразить словами. Образ Сукхавати гораздо доступнее и ярче объясняет цель, к которой надо стремиться, наполняя сердце человека верой, надеждой и любовью. Что же касается истины, то она предстает перед ним не в сложной, недоступной, концептуальной форме, но в дивном, чарующем и манящем образе, обращенном к его сердцу и побуждающем двигаться к ее достижению.

Образрая Сукхавати предстает как чарующая сказка, мечта человечества о Счастливой стране.

В буддийских монастырях Тибета и Монголии мастера создавали объемные модели Счастливой земли, для которых специально строили отдельные небольшие храмы – сумэ. Такие композиции обладают эмоциональной притягательностью для широких масс верующих, наглядно демонстрируя им цель, к которой на определенном этапе может стремиться буддист, а художественные достоинства превращают их в подлинные произведения искусства, имеющие общекультурное значение.

Храм на Молодном Заводе

М. В. Басова

Из церковного подвала несло холодом, бил оттуда кислый винный запах. Там, как видно, хранился картофель.

– Храм спаса на картошке, – негромко сказал пешеход.

И. Ильф, Е. Петров.
«Золотой теленок»

По постановлению президиума Леноблсполкома от 10 мая 1932 года в Ленинграде на Полтавской улице была ликвидирована Романовская церковь. Ее здание, «учитывая крайнюю нуждаемость Союзмолоко в помещении для обработки молочных продуктов», было переделано в молочный завод. Со временем завод расширялся: здание обростало пристройками, надстройками, реконструировалось снаружи и изнутри, ведь население Ленинграда необходимо было обеспечить «молочными продуктами в широком ассортименте <...> с увеличением выпуска молока на 110 тонн в смену в мелкой расфасовке»¹.

Так, казалось, закончилась история одного из петербургских-ленинградских храмов. А начиналось все торжественно, под звон колоколов, в соответствии с традициями сооружения на Руси памятных храмов.

К празднованию 300-летия царствования дома Романовых в Санкт-Петербурге неподалеку от Николаевского вокзала, на территории подворья Федоровского городецкого монастыря, было решено соорудить юбилейный храм.

Инициатором строительства мемориального сооружения выступила в 1908 году известная черносотенно-монархическая организация – Союз русского народа. Инициатива была подхвачена Федоровским городецким монастырем, считавшим себя причастным к событиям, связанным с воцарением династии Романовых. Федоровский мужской монастырь Нижегородской епархии в древнем городе Городце, на левом берегу Волги, был основан в начале XIII века сы-

ном Всеволода Большое Гнездо, великим князем владимирским Юрием Всеволодовичем. В этом монастыре в древности находилась чудотворная икона Федоровской Божьей Матери. Позже образ был перенесен в костромской Ипатьевский монастырь, где 14 марта 1613 года инокиня Марфа благословила им на царство своего сына, боярина Михаила Романова, давшего начало новой царской династии.

Предполагалось, что храм будет иметь такое же историческое значение, как Владимирский собор в Киеве, построенный к 900-летию Крещения Руси, храм Христа Спасителя в Москве, сооруженный в воспоминание «избавления Церкви и державы Российской от нашествия галлов и с ними двенадцати язык», Казанский собор в Петербурге и Храм Воскресения Христова, возведенный на месте гибели императора Александра II.

Планов было много. В мемориальный комплекс, помимо собственно храма, должна была войти площадь с памятником Александру Невскому, музей начала XVII века, стилизованные под старину монастырские постройки.

Строительный комитет, руководивший всеми работами по возведению и декоративному оформлению мемориала, находился под высочайшим покровительством великого князя Михаила Александровича, родного брата императора Николая II.

Храм строился частично на пожертвования, и первое в сумме 100 рублей было сделано незадолго до смерти Иоанном Кронштадтским. С 1909 года по всем городам и весям огромной Российской империи шел сбор средств на постро-

ение памятного храма. Правда, «царелюбивая Россия» не слишком интенсивно жаловала эти средства. Так, 1 октября 1909 года по всей стране было собрано около 60 тысяч рублей, в «Лаврских церквях» – не самых малопосещаемых и бедных – «в течение второй седмицы Великого поста» 1911 года было собрано и отправлено в адрес комитета 56 рублей 60 копеек, в Успенской церкви в селе Новая Жуковка Вольского уезда Саратовской епархии было пожертвовано 20 копеек, а в Старой Жуковке того же Вольского уезда Саратовской епархии – 25 копеек².

Всего на строительные и декоративно-оформительские работы было затрачено около 1 миллиона рублей. И это при том, что весь комплекс из-за начавшихся революционных событий так завершен и не был. Слова Е. И. Кириченко о храме Христа Спасителя, который, как считается, строили также на народные пожертвования, справедливы и для нашего случая: «...храм Христа Спасителя сооружался не только на народные деньги, а в основном на государственные. Переходящие из одной публикации в другую сведения об этом не более чем красивая легенда. Никаких народных денег никогда не хватало на столь грандиозную стройку»³.

В 1910 году Императорское Санкт-Петербургское общество архитекторов объявило конкурс. В состав комиссии судей входили известные в то время архитекторы: Л. Н. Бенуа, Г. Д. Гримм, Вас. А. Косьяков, В. А. Покровский, А. Н. Померанцев.

В конкурсе приняли участие шесть архитекторов. По условиям конкурса храм-памятник должен

быть построен «по образцам храмов времени воцарения дома Романовых». Правда, при этом забыли, что «эпоха воцарения дома Романовых» – это эпоха Смуты, польско-шведской интервенции, разрухи. Столица переживала польскую оккупацию, пострадало множество русских больших и малых городов. Во время разорения погибли многие опытные мастера, а другие разбрелись «неведомо куда». Говорить о каком-то стиле в русском зодчестве можно лишь начиная не ранее середины 30-х годов XVII века, то есть когда Романовы уже более двадцати лет как «воцарились». Так что трудно сказать, какие именно образцы для подражания предлагались конкурсантам. Каждый из них находил собственный выход из предложенных обстоятельств.

Первые три места на конкурсе заняли проекты Н. Васильева, Н. Джорогова и С. Кричинского, опубликованные в 1910 году в журнале «Русский паломник», внимательно следившем за событиями. Проект С. Кричинского занял лишь третье место (из шести). По мнению некоторых исследователей, он был «не только худшим из трех, но и просто откровенно слабым». После получения третьей премии Степан Самойлович Кричинский (1874–1923) сообщил о своей готовности представить проект «в переработанном виде, сообразуясь с теми требованиями, которые... будут высказаны Комитетом»⁴.

Проект был доработан, и 20 мая 1911 года в Царском Селе было получено согласие Николая II на постройку храма-памятника по проекту С. С. Кричинского.

30 мая 1911 года на месте будущего строительства храма был отслужен молебен. Первоначально закладка самого храма предполагалась в июне. Но торжественно заложен он был лишь 5 августа 1911 года. Чин закладки совершал высокопреосвященный Антоний Волынский в присутствии великого князя Михаила Александровича, который под первый камень опустил монету времен царя Михаила Федоровича.

Юбилейный храм – не единственное здание, построенное С. С. Кричинским. Как-то сам он перечислил двадцать четыре пост-

роенных им сооружения, а также множество разных конкурсов, в которых его проекты завоевали первые премии и получили награды. Ему принадлежат и несколько хорошо известных сооружений. Среди них доходный дом бухарского эмира и мечеть в Петербурге, дома для причта при Федоровском соборе в Царском Селе; «гениальным предвидением грядущей эпохи конструктивизма»⁵ называют его дом художника П. Е. Щербова в Гатчине.

Как писал сам архитектор, в качестве образца для проекта храма-памятника им была взята ростовская архитектура конца XVII века, дополненная рядом деталей из известных русских средневековых построек: здесь были и Воротная башня суздальского Спасо-Евфимиева монастыря, и ростовская Иоанно-Богословская церковь, и псковские ворота, и типичные крепостная стена и звонница, новгородские и владими́ро-суздальские закладные кресты, и башня московского Симонова монастыря.

Использование «прямых цитат» из памятников архитектуры эпохи Древней Руси было широко распространенной практикой в начале XX века. Некоторые современные исследователи восторженно относятся к архитектуре храма, некоторые оценивают ее не слишком высоко и видят в ней нечто вторичное: вялое и неуклюжее подражание старине, механическую комбинацию «цитат» из средневековых построек, превративших сооружение в «музей слепков».

Не стоит слишком негативно оценивать творение С. С. Кричинского. Конечно, строили в то время и куда более интересные культовые сооружения. Однако надо отметить, что безликий район, где возводился памятный храм, в результате получил архитектурную доминанту, оживившую и организовавшую пространство. Предполагавшееся приведение в порядок окружающей территории создавало в центре столицы уголок «Древней Руси», что очень соответствовало национально-романтическим устремлениям той поры.

После окончания строительства необходимо было дать достойное оформление интерьерам храма. В состав Строительного коми-

тета по сооружению храма входило несколько специальных комиссий, руководивших разными направлениями его деятельности. Была там комиссия и художественно-историческая, главной задачей которой была разработка идейно-художественной программы декоративного убранства храма. В состав комиссии входили архитекторы Л. Н. Бенуа и А. И. фон Гоген, а также специалисты по древнерусской художественной культуре В. Т. Георгиевский, Н. П. Лихачев, Н. В. Покровский⁶.

Храм был высокий, двухэтажный. Верхняя и нижняя церкви имели по три придела.

В верхнем храме главный престол был посвящен Федоровской иконе Богородице и св. преподобному Михаилу Малейну; правый (южный) престол – св. Николаю Чудотворцу и св. мученице царице Александре; левый (северный) – св. Алексею Митрополиту и св. Михаилу Тверскому. Св. преподобный Михаил Малейн – ангел царя Михаила. Св. Николай Чудотворец и св. царица Александра – небесные патроны последнего русского императора и императрицы. Св. Алексий митрополит Московский – покровитель наследника престола цесаревича Алексея Николаевича, а св. князь Михаил Тверской – брата императора, великого князя Михаила Александровича.

Судя по документам, хранящимся в Центральном государственном историческом архиве, разработка иконографической программы убранства верхнего храма принадлежала члену художественно-исторической комиссии Строительного комитета профессору Н. В. Покровскому.

Главным украшением верхнего храма был роскошный пятирусный резной иконостас, позолоченный «под старое золото». Он был выполнен по рисунку С. С. Кричинского московским мастером И. М. Дикаревым. Сам Кричинский писал о том, что он «при составлении рисунка иконостаса... руководствовался для верхних рядов иконостасом в церкви Грузинской Божией Матери (приходская церковь бояр Романовых), а для нижнего яруса – иконостасами Ярославских храмов»⁷. До наших дней

сохранились лишь фотографии иконостаса.

Иконы для него писали московские иконописцы Г. И. и М. И. Чириковы (иконы деисусного и пророческого рядов и местные иконы в правый придел), М. И. Дикарев (праздничный ряд и местные иконы в левый придел), В. П. Гурьянов (местный ряд главного иконостаса) и, возможно, Н. С. Емельянов (иконы праотеческого ряда главного иконостаса и ангельский чин в двух придельных иконостасах)⁸.

Для многих сегодня фамилии мастеров, создавших уникальные иконы для оформления интерьера храма, ничего не говорят. А ведь это не простые «богомазы». И Чириковы, и Дикаревы, и Гурьянов происходили из старинного иконописного центра – слободы Мстера Владимирской губернии.

Сегодня Мстера – большой поселок во Владимирской области, известный своими промыслами – народной вышивкой и лаковой миниатюрой на папье-маше. Эти промыслы имеют давнюю историю: согласно письменным источникам, «Богоявленская слобода Мстера» (то есть при Богоявленском монастыре) существовала уже в XVII веке. И уже тогда одним из главных занятий местного населения было иконописание.

Иконы писали разные: и дешевые – «расхожие», которые бродячие торговцы сотнями и тысячами разносили по огромной Российской империи и даже православному зарубежью, и дорогие – заказные «стильные», выполненные с высочайшим мастерством и воспроизводившие стили русских средневековых живописных школ.

После отмены крепостного права многие крестьяне смогли покинуть свои деревни и отправились в города искать счастья. По-видимому, среди таких «переселенцев» оказались и мстерские мастера-виртуозы, уже имевшие некоторые связи среди столичных коллекционеров и просто высокопоставленных богатых заказчиков. В Москве они основали иконописные мастерские, куда пригласили наиболее талантливых и добросовестных односельчан. Из этих мстерских выходили иконы очень высокого уровня – иногда отдельные образы, иногда – целые иконо-

стасы и даже храмовые комплексы. Там же реставрировали или, как тогда говорили, «чинили» древние памятники, а также не брезговали и подделывать их. Заслуги иконописцев были оценены: М. И. Дикарев в свое время был поставщиком двора великого князя Сергея Александровича, В. П. Гурьянов – императорского двора (его дочь Зоя была даже царской крестницей), И. М. Дикарев стал придворным поставщиком его императорского величества (правда, не за иконописные, а за иконостасные работы).

Во всей той иконописной артели только Н. С. Емельянов был родом не из Мстеры, а из Калужской губернии. Однако выполненные им иконы по своим профессиональным и художественным достоинствам были ничуть не хуже мстерских. Ведь не зря почти одновременно ему был заказан иконостас для Федоровского (тоже юбилейного) собора в Царском Селе. Незадолго до того он закончил иконостас для храма-памятника в память 100-летия битвы народов в Лейпциге.

Иногда написанные для иконостаса верхнего храма иконы называют «копиями» древних икон. Однако они написаны «в стиле начала XVII века» или «по образцу Строгановского письма XVII века».

Некоторые жертвователи преподносили юбилейному памятному храму не деньги, а иконы, предметы утвари, богослужебные ткани. Иногда высказывались пожелания оплатить изготовление иконы с изображением конкретного святого или предмет убранства храма. По заказу и на средства, собранные среди членов Строительного комитета, М. И. Дикарев написал большой образ «Св. Михаил Мален, предстоящий Богородице». Его старший сын, «иконостащик» И. М. Дикарев, выполнил для той иконы резной киот в стиле XVII века. Самарская земская управа оплатила икону св. Алексия Митрополита, а также изготовление киота и подсвечника к ней. Вся та работа, в том числе и живописная, была выполнена И. М. Дикаревым.

По всему храму установили специальные наклонные столики – аналои, и киоты, выполненные в стиле храма, где были помещены

иконы с изображением святых, соименных членам царской семьи (св. Николая Чудотворца, св. Александра Невского, св. Марии Магдалины), а также с изображением популярных в России святых (св. Сергия Радонежского, св. Георгия Победоносца), наиболее почитаемых праздников (Покрова Богородицы) и богородичных икон (Владимирской, Казанской, Тихвинской, Всех скорбящих радость). На стоящие перед иконостасом аналои выкладывались и иконы-святы: на них были изображены ряды святых и праздников, память которых отмечена в специальных богослужебных книгах – минеях. Многие из тех икон были написаны отцом и сыном – М. И. и М. М. Дикаревыми.

В храме висело большое паникадило, выполненное в виде шапки Мономаха.

15 января 1914 года в присутствии царя был освящен главный придел храма, и мемориальное сооружение получило официальное наименование «Соборный храм иконы Феодоровской Божией Матери и Святого Благоверного Великого Князя Александра Невского в память 300-летия царствования Дома Романовых».

По окончании строительства за работы в храме-памятнике ряд его участников получил награды, звания, благодарности. После освящения верхнего храма «иконостащик Дикарев» и архитектор Кричинский были представлены «лично» государю императору. И. М. Дикарев получил звание придворного поставщика его императорского величества, а С. С. Кричинскому был пожалован орден Св. Владимира 4-й степени. «Высочайшая благодарность» была объявлена и ученым – Н. В. Покровскому, Н. П. Лихачеву, В. Т. Георгиевскому.

После освящения главного престола декоративные работы в храме продолжились. По условию конкурса предполагалось, что нижний храм будет однопридельным «в стиле эпохи Александра Невского». В нем было желательное устройство «усыпальницы для временного положения покойников», часовни с отдельным входом и книжной лавки. Однако впоследствии планы изменились – и нижний храм, получив развитие соот-

ветствующее идейное обоснование, стал восприниматься как не менее важный, чем основной, верхний, храм.

Главный придел нижнего храма предполагалось освятить во имя св. благоверного князя Александра Невского и св. преподобной Марии Магдалины; левый придел – во имя св. праведного Филарета Милостивого; правый придел – во имя св. преподобной Марфы.

Св. Александр Невский и св. Мария Магдалина – небесные патроны императора Александра III и императрицы Марии Федоровны – родителей царствовавшего в юбилейный год царя Николая II, как впоследствии сложилось, последнего из династии Романовых, а св. праведный Филарет и св. преподобная Марфа – небесные патроны родителей первого русского царя династии Романовых Федора Никитича Романова и Ксении Ивановны Шестовой.

Правый и левый приделы нижнего храма были освящены 7 сентября 1913 года. При освящении придела св. преподобной Марфы богослужение совершал епископ Гдовский Вениамин (Василий Казанский). Что касается главного придела, то в документах упоминания о его освящении до революции отсутствуют. Есть сведения о том, что это произошло лишь осенью 1920 года.

Согласно документам, в нижнем храме «выбор образов для иконостаса... равно избрание иконописца и составление условий заказа произведено при просвещенном и всегда благожелательном содействии В. Т. Георгиевского и барона С. П. Корфа. При выборе икон, Царских врат, Северных и Южных дверей имелось в виду дать лучшие и характерные образцы преимущественно древне-греческого и Новгородского письма, находящихся как в церквях, так музеях и частных собраниях... Характер иконостаса, по письму икон XII и XV веков, греческого и древне-новгородского, и по размерам икон, сборный. Заказ дан Московскому иконописцу Чирикову»⁹.

Собственно иконостас в нижнем храме предполагался мраморный, в виде алтарной преграды, как это было во времена Александра Невского. Впоследствии его вы-

полнили из «Коломенского камня». Он был заказан фирме «Оловяшников и сыновья», а изготовляли его в мастерской Захарова в Москве по «детальному рисунку академика Кричинского».

В этом иконостасе был только один, местный ряд икон.

Ведя переговоры с Чириковым, комитет особое внимание обращал на то, чтобы копии икон были точными, чтобы фоны икон были не красочными («грязно-зеленоватыми»), как предполагалось первоначально, а золотыми. Правда, позже было решено оставить золото на фонах только двух икон – Спас Мокрая Брада (в главном приделе) и Спас Ярое Око (в правом приделе), а в остальных заменить «подходящей краской».

В отличие от икон верхнего храма, которые были написаны «в стиле» XVII века, но не являлись копиями конкретных памятников, образа для нижнего иконостаса должны были представлять собой копии с произведений древнерусского искусства. Под понятием «точная копия» в ряде случаев подразумевалось скорее «иконографическое повторение», так как в качестве образцов предлагались прориси, а не конкретные памятники, также одна из икон псковской школы должна была быть написана «новгородским письмом». В качестве образцов были использованы главным образом иконы из Музея Александра III, частных собраний (И. С. Остроухова, А. И. Анисимова).

Осенью и зимой 1917 года в храме еще шли строительные и де-

коративные работы. Убранство нижнего храма завершено так и не было. 1 января 1918 года «вследствие изъятия средств» Строительный комитет окончил свою деятельность. Комитет высказал пожелание, чтобы начатое дело было все же благополучно завершено.

В ноябре 1919 года Совет рабочих и крестьянских депутатов Первого городского района заключил с церковно-приходским советом договор, по которому храм был передан в пользование верующим. С начала 1920-х годов положение стало меняться, были изъяты церковные ценности. В 1932 году храм был закрыт, а его здание передано молочному предприятию. При переезде Федоровской церкви в молочный завод верхний храм, ставший цехом по производству молочных продуктов, был разделен на три этажа железобетонными перекрытиями и дополнен опорами. Затем были возведены дополнительные этажи над западной частью церкви для размещения там дирекции завода. Купола были сняты, а позже убраны и барабаны. Вокруг здания появились многочисленные постройки хозяйственного назначения.

В настоящее время храм передан в ведение церкви. В нем активно ведутся восстановительные работы. Есть планы воплотить в жизнь неосуществленные проекты начала XX века – «обустроить» окружающую территорию, организовать музей, сделать храм не только центром церковной, но и культурной жизни.

¹ Цит. по: Судьба храма – судьба России. Храм Феодоровской иконы Божией Матери / Сост. А. Сорокин, А. Зимин. СПб., 2006. С. 100.

² Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 799. Оп. 6. Д. 15. Л. 51, 76 и 77 (24 марта 1911 г.).

³ Кириченко Е. И. Храм Христа Спасителя в Москве. История проектирования и создания собора. Страницы жизни и гибели. 1813–1931. М., 1992. С. 270.

⁴ Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). Ф. 826. Оп. 1. Д. 1. Л. 117–117 об. (3 июня 1910 г.).

⁵ Саблин И. Д. Степан Кричинский // Зодчие Санкт-Петербурга. XIX – начало XX в. СПб., 1998. С. 836–837.

⁶ РГИА. Ф. 560. Оп. 26. Д. 919. Л. 8 (1911 г.).

⁷ Кричинский С. С. Храм в память 300-летия дома Романовых // Зодчий. 1914. № 11. С. 122–123.

⁸ Местный ряд – ЦГИА СПб. Ф. 826. Оп. 1. Д. 45. Л. 7–7 об. (8 декабря 1912 г.); праздники – ЦГИА СПб. Ф. 826. Оп. 1. Д. 49 а. Л. 1–1 об. (1912 г.); Деисус и пророки – ЦГИА СПб. Ф. 826. Оп. 1. Д. 45. Л. 2–2 об. (7 сентября 1912 г.); праотцы и Ангелы – ЦГИА СПб. Ф. 714. Оп. 2. Д. 2. Л. 6 (1918 г.).

⁹ ЦГИА СПб. Ф. 714. Оп. 2. Д. 2 (1 августа – 16 сентября 1918 г.).

Из истории русского военного духовенства

В. А. Безродин

Первое упоминание об участии русского православного духовенства в сражении встречается в летописных рассказах о Куликовской битве 1380 года. В Казанском походе с Иваном Грозным участвовал протоиерей Благовещенского собора Андрей с собором священнослужителей.

Упоминание о полковых священниках встречается в первом военном уставе, изданном в царствование Алексея Михайловича в 1647 году, – «Учение и хитрость ратного строя пехотных людей». Это перевод с незначительными переделками военного устава Карла V. В главе, определяющей жалованье воинским чинам, значится полковой священник.

В Разрядных книгах 1679 года упоминались случаи назначения священников в полки в царствование Федора Алексеевича. Царь предписывал Патриаршему приказу назначить священников и «отписать в разряд к дьякам о священнике, дьяконе и количестве церковной утвари, отправленных в полк». И все же в тот период говорить о несении службы полковыми священниками еще рано – не постоянны были боевые отряды, и священники по их расформировании возвращались в свои приходы.

Первая попытка законодательно внедрить религиозную службу на кораблях флота была предпринята в апреле 1710 года, когда Петр I утвердил «Инструкцию, или Артикулы военные, российскому флоту», которая действовала вплоть до издания Морского устава в 1720 году. В 1715 году он утвердил штатное положение о численности экипажей галерного флота. Согласно росписи на каждой галере полагалось иметь иностранцев и русских, которыми комплектовались определенные должности. Из числа русских в числе прочих были «поп и подьячий».

В апреле 1717 года Петр I издал высочайшее повеление, которое явилось поворотным моментом в создании института флотского духовенства: в российском флоте содержать на кораблях и других военных судах 39 священников.

Рубеж конца XVIII – начала XIX века ознаменовал собой время, когда в светских, церковных и военных кругах стали вслух говорить о военном духовенстве как сословно оформившемся. Павел I, уделявший особое внимание переустройству русской армии, обратил свой взгляд на военное духовенство. Высочайшими повелениями от 4, 9, 22 и 28 апреля и 9 мая 1800 года была учреждена особая, с непосредственным подчинением Св. синоду и с непререваемым правом состоять членом Синода должность обер-священника армии и флота, которой придавались полномочия по самостоятельному управлению всем гвардейским, армейским и флотским духовенством.

23 апреля 1800 года Военная коллегия известила члена Святейшего правительствующего синода протоиерея и кавалера П. Я. Озерецковского о назначении его обер-священником армии и флота и разослала в войска циркуляры о том, чтобы «все обер-полевые священники по всем своим частям относились к обер-священнику и кавалеру протоиерею. Ему же препоручено иметь начальство даже и по юридическим обязанностям и о прочем»¹.

Во исполнение высочайшего повеления Святейший синод со своей стороны предписал всем епархиальным архиереям по требованию обер-священника П. Я. Озерецковского направлять иеромонахов или священников, испытанных «в честном и добропорядочном поведении», для службы в войсках.

П. Я. Озерецковский 1 июня 1800 года получил разрешение на устройство армейской духовной семинарии, «дабы дети армейского и флотского духовенства, обучающиеся в семинарии, ни в какое другое состояние не поступали, как только в армию на священнические места, и чтобы все они обучались в одной семинарии под одним присмотром»². Помещение для нее было отведено в здании Тверского подворья на Васильевском острове в Санкт-Петербурге. В штат семинарии в 1800 году входили: ректор – учитель богословия и философии Александр Лобкин, префект-инспектор – коллежский регистратор Василий Дмитриев и три учителя. В трех классах – богословском, философском и историческом – учились 25 воспитанников. При семинарии было создано училище, в котором обучались 84 воспитанника, с отделениями: высшим – грамматическим, нижним – русским. Кроме риторики, философии, богословия и языков в семинарии преподавались история, география, математика. Несколько часов в неделю отводилось изучению военного устава и артикулов, а также медицине. В распоряжение вновь созданного учебного заведения была отдана Радзивилловская библиотека (богословская и философская) Императорской Академии наук.

Александр I рядом своих высочайших указов и соответствовавших синодальных постановлений предписывал, чтобы обер-священник впредь без представления Св. синоду никаких перемен по отношению к подведомственному ему духовенству сверх предписанных инструкциями не делал, а также не предпринимал никаких распоряжений относительно армейской семинарии.

Наиболее заметным явлением в построении системы управления

военным духовенством в начале XIX века явилось учреждение в войсках особых вспомогательных должностей – полевых и корпусных обер-священников и главных полевых священников.

Первое назначение полевых обер-священников для действующей армии состоялось в 1812 году согласно учреждению 17 января 1812 года положения об управлении действующей армией. В последующей истории управления военным духовенством по требованию обстоятельств того времени были учреждены звания корпусных и дивизионных благочинных, назначаемых главными священниками и подчиненных в свою очередь корпусным обер-священникам. В 1814 году высочайшим указом об управлении военного департамента был утвержден штат гвардейского корпуса, который состоял из 14 чинов, в числе которых был и протоиерей А. Торопогрицкий в качестве корпусного священника. С 1 января 1816 года А. Торопогрицкий стал именоваться «во уважение отличной службы и подъятых трудов в кампанию 1812–1814 гг.» обер-священником главного его императорского величества штаба с поручением управления его священнослужителей всех гвардейских полков. При этом самому А. Торопогрицкому указано было состоять под непосредственным ведомством Св. синода с назначением его в малую церковь Зимнего дворца. Таким образом, произошло образование отдельного, независимого от обер-священника армии и флота, управления духовенством гвардейского ведомства, надолго сохранившего свою полную самостоятельность.

В 1827 году в ведение обер-священников перешли неподвижные госпитальные, крепостные, батальонные и тому подобные церкви. В связи с таким значительным увеличением числа подведомственного духовенства в 1829 году было повышено жалование обер-священникам и полевым священникам.

В 1836 году в ведение обер-священника Главного штаба перешло также и придворное духовенство, что также подтверждает отсутствие различий в задачах военного и епархиального духовенства.

При этом обер-священник получил сан протопресвитера. В 1844 году при объединении корпусов отдельного гвардейского с гренадерским высочайшим указом от 10 ноября духовенство гренадерского корпуса, состоявшего из 16 полков, объединенных в 4 дивизии, перешло из ведения обер-священника армии и флотов к обер-священнику Главного штаба, переименованному в обер-священника гвардейского и гренадерского корпусов.

Указом 17 января 1853 года обоим обер-священникам – армии и флотов и гвардии и гренадер – были предоставлены права вести расследование по проступкам священнослужителей их ведомств в соответствии с правилами о суде в Уставе духовных консисторий.

В 1858 году указом от 27 сентября обер-священники (как армейских штабов, так и полевых армий) были переименованы в главных священников. После выделения из епархиального ведения усложнилась структура управления институтом военного духовенства. Она стала приобретать черты приспособления к условиям армейской службы. Еще в 1812 году в соответствии с Учреждением для управления большой действующей армией в состав штабов отдельных корпусов была введена должность корпусного священника. Уставом 1846 года она признана постоянной. Однако эта должность занималась всего три раза, и только в одном случае она оказалась действительно необходимой – при штабе Кавказского корпуса. При переименовании его в 1858 году в армию корпусной священник получил наименование обер-священника Кавказской армии.

Тем же Учреждением 1812 года для действующей армии в состав Главного штаба была введена постоянная должность полевого обер-священника. По делам духовного ведомства он состоял в непосредственном подчинении у обер-священника армии и флота, а по военным – под начальством дежурного генерала. Полевой обер-священник имел в своем подчинении дивизионных благочинных и через них осуществлял наблюдение за полковыми священниками. Должность благочин-

ного была учреждена еще при Павле I, но общая инструкция составлена только в 1828 году. Компетенции благочинных изменялись в соответствии с обстоятельствами и до 1890 года так и не были определены окончательно³.

Таким образом, к началу 1880-х годов институт военного духовенства представлял структуру, состоявшую из двух управлений главных священников – гвардии и гренадер, армии и флотов – и схожего с ними управления главного священника Кавказской армии. Не было четко выстроенной иерархии, не была отлажена система благочиннического надзора. Структура управления институтом военного духовенства в основных чертах соответствовала структуре епархиального управления: архиерей – главный священник, vikарий – полевой главный священник, благочинный – дивизионный благочинный. Основными видами деятельности института оставались богослуженная и пастырская.

Военное духовенство заботилось о воспитании в войсках духа веры, благочестия и воинской дисциплины, терпения, мужества и самопожертвования. Основной задачей было воспитание любви к Богу, верности православию, сделать воина человеком, проникнутым христианским настроением, исполняющим свои обязанности не из-за страха угроз и наказания, а по глубокому убеждению в святости своего воинского долга: «Главная задача военных пастырей, проповедуя слово Божие перед военными людьми, наставлять их в неизменных обязанностях воина, в благочестии, беспредельной верности государю, повиновении начальству и усердии к службе...»⁴

Основные направления и формы деятельности военного священника можно условно разделить на богослуженные и внебогослуженные. Богослуженная деятельность включала в себя проведение литургий, молебнов, чтение проповедей, исповедь военнослужащих. В назначенный командиром час они были обязаны совершать богослужения в войсковых церквях в воскресные, праздничные и «высокопраздничные» дни, поучать воинов «истинам православной веры и благочестия», вести беседы и чте-

ния, утешать больных в лазаретах. В их обязанность входило также ограждать личный состав подразделений «от вредных учений», исправление «нравственных недостатков», предотвращение «отступления от православной веры».

Внебогослужебная деятельность военных священников составляла сбор и обобщение информации благочинным о моральном состоянии войск. Об этом они периодически информировали протопресвитера военного и морского духовенства и Св. синод, а последние – царя. Так информация о «душевном состоянии» войск достигала царя, минуя военного министра. В подразделениях проводились различные беседы, в том числе антиалкогольные. О том значении, которое придавалось внебогослужебной работе, свидетельствует тот факт, что еще в 1885 года, согласно особому приказу главного священника армии флота, проведение бесед полковым священником стало обязательным элементом его служебной и пастырской практики.

С 1890 года двумя выпусками в месяц начал выходить первый периодический журнал для военного духовенства «Вестник военного духовенства», а затем – «Вестник военного и морского духовенства».

В военное время полковые священники проявили немало доблести, поддерживая дух войск во время сражений. Многие из них в критические моменты боя с крестом в руке шли впереди солдат, собственным примером увлекая их на

противника. Стоит отметить, что награды в России давались в соответствии с чинами, поэтому полковые священники, которые приравнивались по чину примерно к армейским капитанам, обычно получали ордена Святой Анны 3-й и 2-й степеней и Святого Владимира 4-й степени. Благочинные дивизий, корпусов и армий могли рассчитывать и на Святого Владимира 3-й степени. На кресты этих орденов, полученные за отличия в боях, добавлялись скрещенные мечи. Орден Святого Георгия не входил в систему старшинства российских орденов, а случаи награждения им военных священников были единичными и только за беспримерные личные подвиги. Военные священники могли поощряться и специальными духовными наградами: за боевые отличия их производили в протоиереи, представляли к скуфье и камилавке, награждали тремя видами золотых наперсных крестов: на Георгиевской ленте, из Кабинета его императорского величества и от Священного синода.

Войны XX века – Русско-японская и Первая мировая – дали множество примеров героизма военных пастырей. По неполным данным, в годы Первой мировой войны военные священники были удостоены 14 орденов Святого Георгия 4-й степени, 85 орденов Святого Владимира 3-й степени с мечами, 203 орденов Святого Владимира 4-й степени с мечами, 304 орденов Святой Анны 2-й степени с мечами и 239 орденов Святой

Анны 3-й степени с мечами, а также 227 золотых наперсных крестов на Георгиевской ленте.

Окончательно институт военного духовенства был расформирован декретом советской власти от 16 января 1918 года за № 39, отделившим армию от Церкви.

В вооруженных формированиях белых армий оставались военные священники. Кроме того, в составе колчаковской армии существовали дружины Святого Креста. Вопрос об истории дружин Святого Креста сейчас недостаточно хорошо изучен, но на основе мемуарной литературы можно предположить, что они возникали как добровольческие формирования на волне антибольшевистской борьбы. Исходя из «Положения о дружинах Святого Креста» войти в их состав мог любой человек, даже не христианского исповедания, желающий бороться с большевиками. В условиях Гражданской войны, постоянного кадрового голода, хронической ненадежности ряда подразделений для стабилизации фронта появилась идея крестового похода против большевиков, которая, по мысли авторов, должна была сплотить население Сибири вокруг антибольшевистских сил и привлечь добровольцев в армию.

В экспозиции Государственного музея истории религии выставлен значок, который ряд исследователей приписывает дружинам Святого Креста. Однако вопрос о принадлежности этого знака пока остается открытым.

¹ Невзоров Н. Управление духовенством военного ведомства в России. СПб., 1875. С. 37.

² Очерки по истории управления военным и морским духовенством // Вестн. воен. духовенства. 1898. № 11. С. 54; Барсов Т. Об управлении русским военным духовенством. СПб., 1879. С. 21–45; Ласкеев Ф. Историческая записка об управлении военным и морским духовенством за минувшее столетие (1800–1900 гг.). СПб., 1900. С. 31–35; Невзоров Н. Указ. соч. С. 34–41.

³ Шавельский Г. И. Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота. Нью-Йорк, 1954.

⁴ Российский государственный военный архив. Ф. 25893. Оп. 1. Д. 7. Л. 113.

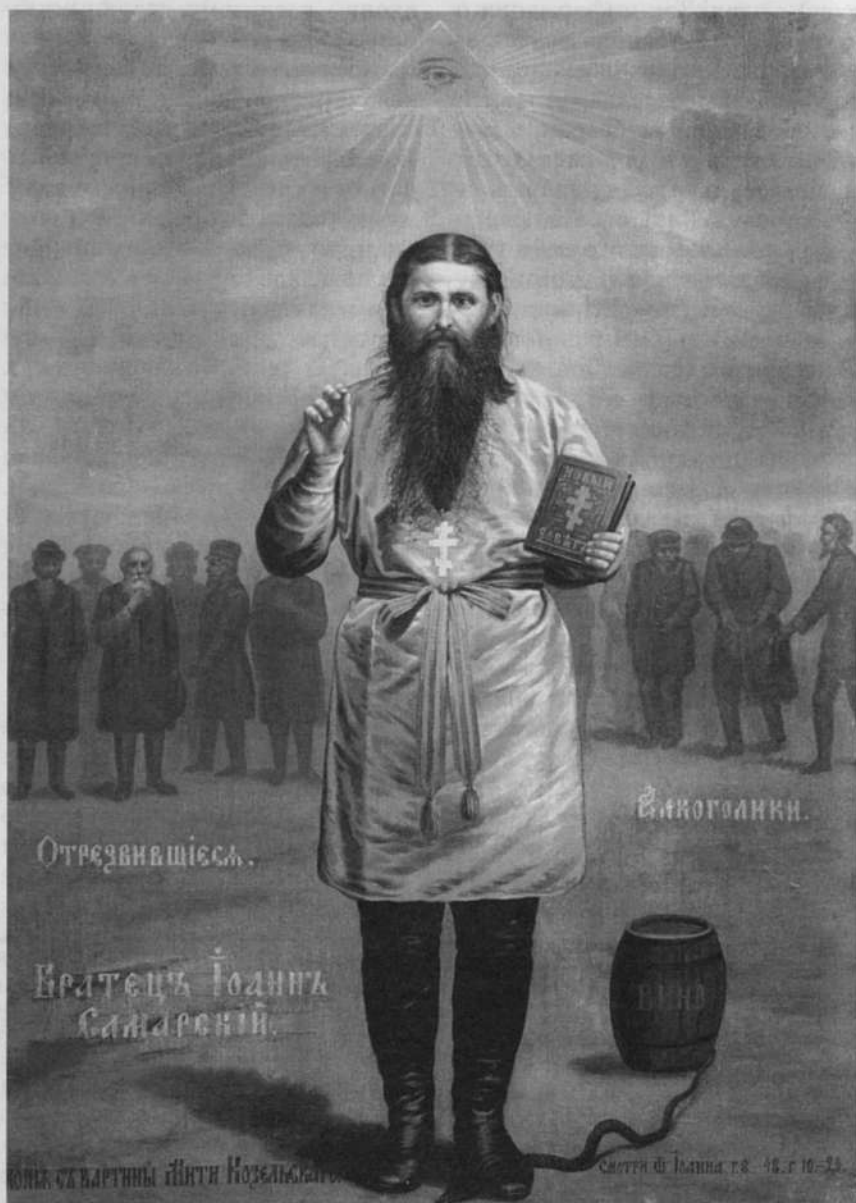
Трезвеннические движения на берегах Невы (конец XIX — начало XX века)

К. К. Чекоданова

На берегах Невы начинались многие общественные движения, среди которых было и трезвенничество. Оно приобрело массовые формы после введения в 1894 году по инициативе министра финансов С. Ю. Витте винной монополии на продажу напитков¹. Параллельно с ее введением проходила организация государственных учреждений — попечительств о народной трезвости, которые составляли необходимое дополнение к «питейной реформе». Они должны были надзирать за торговлей спиртным, организовывать досуг городского населения и распространять идеи здорового образа жизни. При их участии открывались чайные, библиотеки, вечерние и воскресные образовательные классы, народные дома.

Парадоксальность ситуации была очевидна. Государство, с одной стороны, было заинтересовано в борьбе с пьянством, с другой — в увеличении продаж алкоголя. Финансовый интерес победил — питейные сборы вскоре стали составлять одну из основных доходных статей российского бюджета. Появление различных форм объединений трезвенников, в первую очередь в столице, стало ответом общества государству, наращивавшему объемы производства и продажи водки и других алкогольных напитков.

Петербургское трезвенничество было многоликим, как и общество, его породившее. Трезвенническое движение, имея общую цель — преодоление пьянства, болезни, поражающей в первую очередь институт семьи, разбивалось на отдельные потоки в зависимости от той группы населения, которая его поддерживала.

Братец Иоанн Самарский
(И. А. Чуриков). Неизвестный художник.
Копия с картины Мити Козельского. Холст, масло. ГМИР

В Музее истории религии хранятся материалы, рассказывающие о некоторых направлениях петербургского трезвенничества, среди

которых опекавшееся церковью православное Александро-Невское общество трезвости и находившееся вне церкви религиозное дви-

жение трезвенников-чуриковцев. В их составе – различные издания, брошюры и журналы, обличающие пьянство.

Долгое время в музее находились личные вещи Ивана Чурикова, основателя общины трезвенников. В 1991 году музей возвратил их его последователям.

Иван Алексеевич Чуриков, проповедник трезвости, воздержания и вегетарианства, обладавший, как и многие народные пророки, даром внушения, боролся с пьянством, опираясь на внутренние ресурсы человека, желавшего победить зло и освободиться от своего пристрастия к алкоголю. Движение чуриковцев, рассматриваемое как проявление народной религиозности, обсуждалось в среде петербургской интеллигенции. Так, активный участник Религиозно-философского общества Д. В. Философов, бывавший на их собраниях, считал, что «братцы» (так они называли себя сами) выражают суть народного христианства, заключающегося в стремлении к обожествлению человека².

Первоначально в церковных кругах благосклонно отнеслись к проповеднику трезвости, взявшему толковать евангельские тексты. В 1900 году петербургский митрополит Антоний (Вадковский) встречался с И. А. Чуриковым. После встречи Святейший синод разрешил ему регистрацию общества в количестве 120 человек.

Пьянство в народном восприятии не было болезнью или социальной язвой, оно мыслилось как следствие помрачения божественного начала в человеке. Чуриковцы свой отказ от пьянства переживали как момент духовного возрождения. В трудах по психологии религиозный опыт, подобный тому, который переживался чуриковцами, многократно описан. Основные его вехи: первоначальное падение, встреча с учителем, искреннее раскаяние, обретение веры, путь к новой жизни. Основателя движения И. А. Чурикова довольно скоро в народе стали воспринимать как живого бога, могущего творить чудеса и давать исцеление. Его беседы становились все более массовыми. В тех местах, где они проводились, собирались огромные толпы людей, желавших по-

слушать учителя. Во время бесед многие плакали навзрыд, сокрушаясь о своих грехах³. Начавшееся в Петербурге движение довольно быстро распространилось и в других регионах.

Иван Чуриков родился 15 января 1861 года в крестьянской семье в деревне Передовой Поселок Александро-Гайской волости Новоузенского уезда Самарской губернии. В 1889 году после ряда несчастий, обрушившихся на семью, он изменил свою жизнь, наложил на себя обеты и отправился странничать. Летом 1893 года появился в Кронштадте и примкнул к последователям о. Иоанна Кронштадтского, проповедовавшего среди местной бедноты против пьянства. Вскоре И. А. Чуриков перебрался в Петербург, где начал проводить регулярные беседы. Весть о нем быстро распространилась среди жителей Петроградской стороны, где Чуриков жил на Средней Колтовской ул., д. 13/14.

Вскоре после регистрации общины Церковь изменила отношение к И. А. Чурикову, чья популярность среди жителей окраин Петербурга неуклонно росла. В результате он был выслан из столицы и на некоторое время заключен в Суздальский Спасо-Евфимьев монастырь. Вернулся И. А. Чуриков опять на Колтовскую. Его приверженцы, которых было уже немало, ждали его возвращения с нетерпением. На Петровском острове был снят дом с залом, вмещавшим около 2000 человек. Он стал служить местом регулярных собраний трезвенников. В 1905 году в Вырице трезвенники приобрели большой участок земли. В следующем году на левом берегу Оредежа они выстроили большой двухэтажный дом для И. А. Чурикова и прислуживавших ему «сестриц», среди которых была Груня, сопровождавшая его во время ссылок. На первом этаже Чуриков проводил беседы. Колония в Вырице разрасталась, хозяйство богатело за счет добровольного труда благодарных своему учителю чуриковцев. В поселке трезвенники оставили о себе добрую память. Они построили мост через Оредеж, проложили водопровод, содержали пожарную команду. В 1911–1912 годах неподалеку от железно-

дорожной станции Обухово трезвенники построили еще один дом с большим залом. Тот дом, позже прозванный Чуриками, стал местом массового паломничества. Люди шли к братцу Иоанну со своими немудреными бедами, излагая их суть на записочках. Ответы они получали через «сестриц». В основном И. А. Чуриков призывал просителей к посту и молитве.

И. А. Чуриков, проповедуя свое учение, толковал христианство так, как он его понимал. Конфликт между ним и православной церковью был неизбежен. В 1910–1911 годах беседы Чурикова посещал И. М. Трегубов, участник Религиозно-философских собраний. Он начал стенографировать беседы брата Иоанна и позже их издал⁴. Анализируя свои впечатления, И. М. Трегубов говорил о завораживающей власти голоса И. А. Чурикова. Будучи записанными, его речи часто казались невразумительными. После публикации «Бесед» в православной печати появились разоблачающие И. А. Чурикова статьи. Дескать, учил И. А. Чуриков по-сектантски и вел слушателей своих к отторжению от Церкви⁵. Началось следствие, закончившееся судом, на котором было рассмотрено дело о самозванстве и сектантстве Ивана Чурикова. Представители церкви назвали его лжепророком и осудили его учение, по которому выходило, что жизнь – не средство к достижению иной жизни, как учит церковь, а сама по себе цель, и поэтому имеет ценность. И. А. Чуриков учил, что Христос – не спаситель мира, искупитель грехов человеческих, а учитель праведной и благочестивой жизни, вести которую может каждый. С церковной точки зрения, это страшное заблуждение. По учению И. А. Чурикова выходило, что он никак не меньше, чем Иисус, потому что тоже спасает от греха человеческие души. Петербургский миссионерский совет отлучил брата Иоанна от Святого Причастия и от других таинств и назначил наблюдение за ним двух членов совета. И. А. Чуриков пытался доказать церковным иерархам, что он верный сын Церкви, но при этом он не отказывался от веры в свою избранность и особую миссию. Братцы и сестры, почитая его как спасителя, поддерживали в нем эту веру.

После революции, в 1918 году, община в Вырице была зарегистрирована в Царскосельском земельном отделе как трудовая сельскохозяйственная коммуна. В 1927 году в общине трезвенников начались первые аресты. Чуриков был арестован и приговорен Особым совещанием при коллегии ОГПУ к трем годам лишения свободы. В 1933 году жизнь народного пророка и учителя, почти неграмотного, но умевшего находить слова, которые возвращали людей к жизни, закончилась на пересыльном пункте из одного лагеря в другой.

Конечно, не только Иван Чуриков пытался помочь отчаявшимся и опустившимся людям. Многие православные священники ставляли свою паству, укрепляли верующих людей в их стремлении к трезвой и чистой христианской жизни. В 1912 году в Петербурге насчитывалось 13 православных обществ трезвости, существовавших как добровольные объединения при приходских храмах. Первым из них было Александро-Невское общество трезвости. Оно было основано в 1898 году священником церкви Воскресения Христова о. Александром Васильевичем Рождественским, который бессменно руководил им до своей смерти в 1905 году⁶. Его сменил о. Петр Алексеевич Миртов. Центром этого общества трезвости был комплекс зданий на рабочей окраине города, в районе, который назывался Варшавкой. Там на переданном городской думой участке земли в 1894 году была освящена деревянная церковь. На смежном участке, отданном в собственность обществу Министерством путей сообщения, в 1896–1897 годах был построен каменный дом для библиотеки и школы на 150 учащихся. Вскоре деревянная церковь не могла вместить всех прихожан, приходивших слушать проповеди о. Александра. В 1904 году была заложена новая каменная церковь Воскресения Христова (проект архитекторов Г. Д. Гримма, Г. Г. фон Голи, А. Л. Гунна). Храм строился на средства Общества распространения религиозно-нравственного просвещения в духе православия и на добровольные пожертвования. Часть денег была по повелению министра финансов С. Ю. Витте выдана из государ-

ственной казны. Члены Общества трезвости собрали на строительство 51 тысячу рублей. На деньги жертвователей был отлит тысячепудовый колокол, названный о. Александром в честь основателя Общества трезвости Рождественского. 14 декабря 1908 года церковь Воскресения Христова освятил митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Антоний. Особенно многолюдно в церкви было 19 декабря, в день св. Вонифатия, считавшегося избавителем от запоя.

Население города быстро росло, увеличиваясь за счет приезжих, в основном выходцев из деревни, поступающих в услужение или искавших заработок на фабриках и заводах. Тот, кто попадал в сложные ситуации, не мог приспособиться к городской жизни, часто оказывался на ее дне, пополняя армию босяков, воров, пьяниц, проституток, населявших многие кварталы в Петербурге, которые являли удручающие картины человеческого падения и вырождения.

Александро-Невское общество не было единственным, но оно было самым результативным, успешнее всего работало с городской беднотой. Деятельность общества складывалась из ряда направлений⁷. Первым и основным была проповедь, обязательно звучавшая в храме в воскресные и праздничные дни. Проповедь могла быть облечена в форму бесед и церковных поучений, обращенных к тем, кто намеревался дать обеты трезвости и стать членом общества. Средством, укрепляющим дух христиан, члены общества считали участие в общенародном пении, крестных ходах и паломничествах. Три раза в год совершались большие крестные ходы в Александро-Невскую лавру, в Сергиевскую пустынь, к Казанскому собору. Особое место в жизни общества занимали чтения, сопровождаемые толкованиями, после которых раздавались бесплатные брошюры. В 1913 году общество отмечало свое 15-летие. За это время им было издано 527 различных книг и брошюр для народа, зарегистрировано 970 140 трезвенных обещаний, произнесено 25 140 проповедей и бесед⁸.

От тех, кто вступал в общество трезвости, требовалось полное воздержание от вина, произнесение

обета трезвости, предполагающего вступление на путь благочестия и добронравия. Вставшие на этот путь были готовы к избавлению от недуга собственными усилиями. Трезвенные обещания произносились в присутствии священников. Имена тех, кто их дал, записывались в книгу трезвости. Нарушившие обеты из общества изгонялись. Члены общества должны были материально его поддерживать. Они вносили в казну ежемесячно по 10 копеек. Члены общества следили за порядком в храмах, посещали давших обет трезвости на квартирах. В крестных ходах несли кресты, хоругви, образа. В случае несчастья члены общества могли рассчитывать на материальную помощь.

Свидетельством популярности общества стал первый праздник трезвости, который прошел в Петербурге в сентябре 1912 года. В том же году Николай II, высоко оценив заслуги общества, пожертвовал ему императорскую яхту «Марев» для устройства на ней церкви и противоалкогольного музея.

Однако дело отрезвления народа шло медленно. Попечительства о народной трезвости с возложенной на них миссией не справились. Постепенно они стали закрываться. Становилось все более очевидным, что трактиры и распивочные куда притягательнее для бедноты, чем библиотеки и чайные, которые должны были их заменить.

8 декабря 1909 года в Санкт-Петербурге в Дворянском собрании открылся Первый Всероссийский съезд по борьбе с народным пьянством, сопровождавшийся антиалкогольной выставкой в Народном доме на Петроградской стороне. Среди участников съезда были представители политических партий, различных конфессий, а также врачи, учителя. В некоторых докладах отчетливо прозвучали обвинения правительства в спаивании народа и требования отменить государственную монополию на торговлю алкоголем. Присутствовавшее на съезде православное духовенство выражало сожаление, что участие Церкви в его работе незаметно. Не было ни приветствия Синода, ни торжественного молебна. На съезде возникли разногласия, которые привели к тому,

что священники его покинули. Причиной стал отказ съезда принять резолюцию о религиозно-нравственных основах школьного образования. Многие участники съезда считали, что пьянство имело социальные корни, следовательно, избавление от него не могло происходить только на основании нравственно-религиозного возрождения личности. Церковь занимала в этом вопросе иную позицию.

Обозначившиеся среди поборников трезвости разногласия вызвали необходимость созыва следующего съезда. Его организаторами

стали священники П. А. Миртов, руководитель Александровско-Невского общества трезвости, и Н. А. Любимов, председатель Московского епархиального общества борьбы с народным пьянством. Активное участие в подготовке и работе съезда принял также М. Д. Чельшев, депутат 3-й Государственной думы⁹. Всероссийский съезд практических деятелей по борьбе с пьянством прошел в Москве с 6 по 12 августа 1912 года. Он принципиально отличался от предыдущего, на котором голос Церкви почти не был слышен. Особо был отмечен доклад П. А. Мир-

това о необходимости совершенного отказа от алкоголя пастырем церкви. На съезде было принято решение о преобразовании Александровско-Невского общества трезвости, которое смогло распространить свое влияние на всю страну, во всероссийское братство.

В настоящее время в Санкт-Петербурге восстановлены и активно действуют православные общества трезвости, зарегистрированы две общины трезвенников-чуриковцев. Но до осуществления призыва «Трезвость – норма жизни» по-прежнему далеко.

¹ Фридман М. Н. Винная монополия. Пг., 1916. Т. 2. С. 519–530, 610–617. Такала И. Р. Веселие Руси: История алкогол. пробл. в России. СПб., 2002. С. 106–170.

² Философов Д. В. Неугасимая лампада: Ст. по церков. и религиоз. вопр. М., 1912. С. 63–83.

³ Пругавин А. С. «Братцы» и трезвенники Из области религиозных исканий. М., 1912.

⁴ Беседы «Братца Иоанна» Чурикова от 2 мая 1910 года по 1 июня 1911 года. СПб., 1911.

⁵ Вениамин. Подмена христианства. СПб., 1911.

⁶ Антонов А. А., Кобак А. В. Святые Санкт-Петербурга. СПб., 1994. Т. 1. С. 171–173.

⁷ Воскресенская церковь Общества распространения просвещения в духе православной церкви. СПб., 1903; Памятка Воскресенской церкви Общества распространения религиозно-нравственного просвещения в духе православной церкви. СПб., 1896; Отчет о деятельности Общества распространения религиозно-нравственного просвещения в духе православной церкви за 1903 г. СПб., 1904; Отчет о деятельности Общества распространения религиозно-нравственного просвещения в духе православной церкви за 1912. СПб., 1913.

⁸ Из истории борьбы церкви с народной бедой – пьянством // Ист. летопись. 1914. № 3. С. 349–352.

⁹ Любимов Н. А. Дневник участника Первого Всероссийского съезда по борьбе с народным пьянством. Прил. к журн. «В борьбе за трезвость». М., 1911. № 2; Сборник речей о трезвенническом движении, произнесенных в собраниях Союза 17-го Октября в Москве и Петербурге. М., 1913. С. 92–98, 111–125.

Под сводами масонского храма

М. В. Птиченко

За более чем трехсотлетнюю историю существования масонства завеса над многими загадками приоткрыта, многое изучено, опубликованы различные источники. Однако ореол таинственности, окутывающий историю ордена и его братьев, остается, а случайные находки нередко только умножают вопросы.

Где собирались русские масоны, где проводили они свои «работы», обряды посвящений?

История масонства в России сложна: с первых же дней своего существования орден вызывал подозрения со стороны правительства, развитие и становление его неоднократно насильственно прерывалось. Поэтому нет ничего удивительного в том, что русские масоны, в отличие от западных, не

И. П. Елагин

возводили величественных зданий масонских храмов. Они обычно приспособляли для своих собраний отдельные комнаты в домах некоторых из братьев, которые украшались соответствующим образом. В них проводились не только посвящения, но и заседания, банкеты, торжественно отмечались орденские праздники в честь св. Иоанна Крестителя – покровителя всех масонов.

Для особых случаев могли принимать подобающие значимости события помещения. «В 1813 году летом была устроена очень дорого стоящая, торжественная великая траурная ложа в честь и память освободителя нашего отечества, высокопросвещенного брата, сиятельного князя М. И. Голенищева-Кутузова Смоленского... и с пышно-

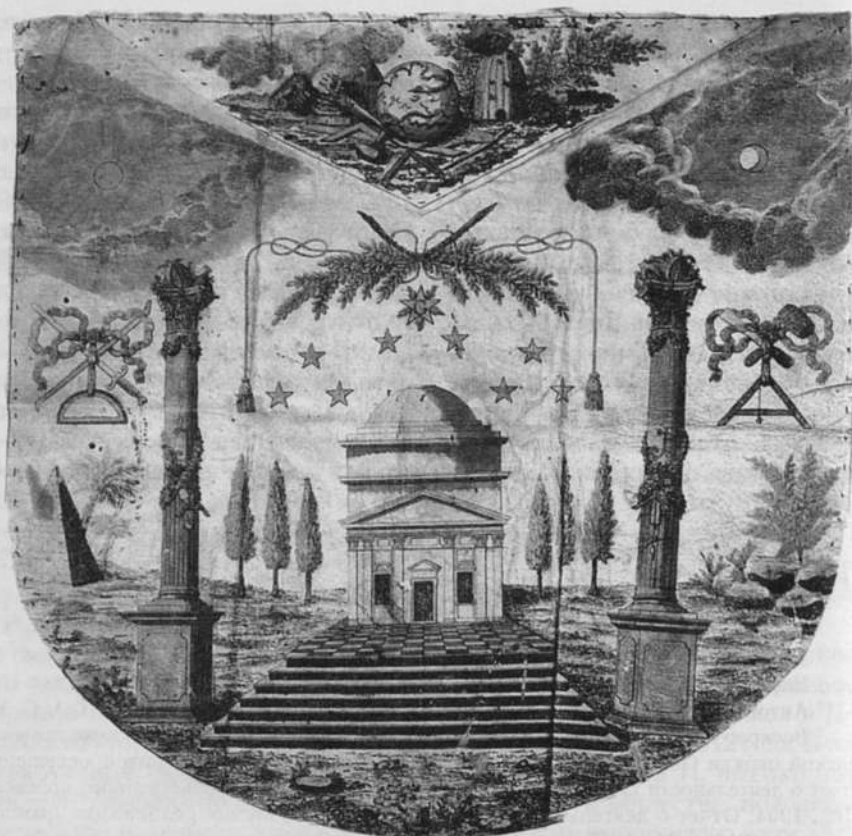
тью отпразднована как великая национальная ложа в большой зале и прочих комнатах музыкального общества. На торжестве этом присутствовали все ложи и несколько сот братьев»¹.

В первые годы своего становления, в царствование Елизаветы Петровны, русские масоны, по воспоминаниям современников, «так опасались за себя и свое хорошее дело, что собирались только изредка и совершенно втихомолку, и не в обыкновенном помещении, а иногда даже на чердаке отдаленного большого дома»². Именно к тому времени относится вступление в масонское братство Ивана Перфильевича Елагина (1725–1796), сыгравшего большую роль в истории русского масонства.

И. П. Елагин, поступивший в ложи, по его собственному признанию, «с самых юных лет», в 1750 году, прошел путь сомнений и исканий, характерный не только для отдельного вольного каменщика, но и для масонства в России в целом. Вспоминая свои первые ложи, он писал: «Ни я, ни начальники лож иного таинства не знают, как разве со степенным видом в открытой ложе шутить, и при торжественной вечере за трапезою несогласным воплем непонятные реветь песни и на счет ближнего хорошим упиваться вином, да начатое Минерве служение окончится празднеством Бакху»³. Это время существования масонства в России И. П. Елагин позднее назовет «игрушкой для праздных умов», модным увлечением.

Одна из первых русских лож в России была учреждена И. П. Елагиным в 1768 году и получила от Великой ложи в Лондоне конституционную грамоту на семь степеней, а 26 февраля 1772 года в Лондоне Дюком де Бофором Елагину был подписан диплом на звание провинциального великого мастера России. Елагину подчинялись не менее 14 лож⁴.

Собственно ложи И. П. Елагина, Великая провинциальная и ложа Муз, в 1770-х годах собирались в доме Елагина⁵, расположенном по Большой Морской улице, д. 38. Там же собирались столовые ложи, устраивались банкеты в дни орденских праздников. На собрания Великой провинциальной

Запон. Франция. Начало XIX в. Гравюра на лайке, акварель. ГМИР

ложи, которые проходили каждую четверть года, съезжались все мастера лож. А ложа Муз «работала» по субботам через неделю.

Что же касается масонского храма, устроенного в Елагином доме на острове, то, по преданию, он существовал еще при прежнем владельце острова А. П. Мельгунове, который также был активным масоном. Однако, продолжая обустройство острова, И. П. Елагин сделал более всех своих предшественников; он обнес его земляным валом, «по которому и провел дороги, в болотистых рощах выкопал пруды, канавы. У перевоза с Каменного острова построил из камня набережную, на которой поставил 12 медных пушек для «увеселения», воздвиг многие памятники в честь своих друзей-масонов»⁶. В числе прочих был и памятник Н. Панину, размещенный в беседке «о четырех столбах». Существует предание, что цесаревич Павел «был келейно принят в масоны сенатором И. П. Елагиным в собственном его доме в присутствии графа Панина»⁷.

Архитектор, по проекту которого в 1785 году стали возводить каменный дом И. П. Елагина, не-

известен. Есть предположения, что это мог быть Джакомо Кваренги. С И. П. Елагиным его связывали дружеские отношения и принадлежность к масонскому братству. Возле дома размещались деревянные здания кухни и оранжереи. На восточном мысе острова находился павильон. «Еще при И. Елагине, в конце XVIII в. здесь стоял павильон, перестроенный Росси. В «Описи острова купленного от графа Орлова под названием Елагинского» о нем говорится следующим образом: «Беседка на Неву реку полукруглая с 12 колоннами каменная крыта железом и щекотурная длиной 7 сажень без малого и шириною 4 сажени. Комнат 3. Дверей столярных с петлями 3, камин 1. Окон с рамами и стеклами 6. Полы дощатые»⁸. На основе приведенной архивной выписки Т. А. Ершова считает, что здание и раньше имело форму небольшого храма и что Росси, как и во дворце, изменил планировку помещений, но сохранил при этом общий объем.

Уже отмечалось, что масонские храмы в России не возводились, а лишь использовались уже существующие здания, в которых были оборудованы комнаты. Тем

не менее остается вопрос: отдавали ли вольные каменщики предпочтение тем или иным архитектурным формам?

Масонский храм – понятие умозрительное, это чувственно воспринимаемое, зримое выражение того внутреннего храма, над строительством которого трудились братья. Образом такого идеала служил Соломонов храм. Легенда о строительстве его лежит в основе масонского ритуала и символики. И если ложа символически обозначалась масонами как прямоугольник или иногда треугольник, то храм, в том виде, в каком он предстает перед нами на заплатах (фартуках), лентах и прочих атрибутах ритуала, как правило, имеет форму ротонды с куполом или же ротонды с портиком.

В. И. Сахаров обратил внимание на описание идеальных храмов в утопических романах писателей-масонов: всегда круглые, близкие любимому масонскому символу – улью с пчелами, изображения их часто встречаются на заплатах, в рукописях и пр. В утопическом романе масона М. Щербатова храм описывался следующим образом: «...Среди соделанной небольшой площади узрив я круглое здание, отличное своим величием от всех прочих... Сие есть храм Божий... Он был построен из дикого камня, имея в середине яко окружение столбами в два ряда поставленными, на коих утверждались куполы. По середине, на возвышенном месте и на богатом пьедестале, стояло солнце, или лучше сказать, круг, имея середку серебряную, лучи же златые»⁹.

Итак, идеальный масонский храм имеет в плане круг. Нередко в рукописях можно видеть не только прямоугольник, имеющий значение ложи, но еще и круг с точкой посередине. Так обычно обозначают масонский орден и понятие Бога, где точка – единственное возможное отображение невыразимого Бога, а круг – ограничения, наложенные на невыразимое ради постижения нашим конечным разумом. Архитектурное выражение круга – ротонда.

Эти элементы можно видеть на сохранившихся изображениях дома И. П. Елагина до перестройки, где восточный фасад выступа-

ет полукругом к набережной. Над колоннадой, на верхнем этаже дома располагалась домовая церковь во имя св. Николая Чудотворца, имевшая необычную круглую форму. Дом ориентирован строго с запада на восток, от дома расходились лучами три прямые аллеи, центральная из них вела на запад, к заливу. Расположение павильона также символично: восточный мыс острова можно назвать местом встречи четырех стихий – Земли, Воды, Воздуха и Огня (Солнца), которые олицетворяли животворящие силы природы. Т. А. Ершова полагает, что этот маленький храм мог быть посвящен культуре воды.

Конец 60–70-х годов XVIII века для И. П. Елагина был временем разочарований в масонстве. В 1784 году работы масонских лож, которыми руководил И. П. Елагин, были приостановлены по собственному побуждению провинциального гроссмейстера и с согласия членов лож, но без приказания со стороны высшего правительства. Работы были возобновлены лишь в 1786 году. «В 1786 году, – писал Иван Перфильевич в своих записках, – разномысленные братья стали меня просить о соединении их». По собственному признанию И. П. Елагина, он был в это время «на острове своем, яко Иоанн в пустыни». Именно к тому времени относится страсть И. П. Елагина к переводам и сочинениям собственных трактатов о масонстве. Многие из его сочинений так и остались в виде рукописей, хранящихся в архивах, и отдельных планов будущих трудов по истории и символике масонства. Так, в одной из них И. П. Елагин пытался облечь мистические и каббалистические понятия в доступную для читателя форму – «скаски». В период исканий И. П. Елагин обратился к изучению мистико-герметической литературы. Наставниками его стали И. Рейхель и С. Эли, которые и определили тот круг чтения, которому посвятил себя Елагин. «Рейхель заставил Елагина «читать такие книги, которые прежде, яко безтолковья», были им «презираемы». Эли помог Елагину окончательно «проразуметь» предания египетския, писания творцов *Des erreus et la verité, Tableaux naturels*, Веллинга, Роберта Флук-

тиба [Фладда], Елиас артиста в его истине и заблуждениях и прочих таинственными называемых»¹⁰.

Было бы по меньшей мере странно, если бы И. П. Елагин, страстно увлеченный алхимическими науками, не использовал случай, чтобы выучиться у Калиостро. Есть свидетельства, что Калиостро в бытность свою в Петербурге в 1779–1780 годах жил в доме Елагина. Существуют разные мнения: одни считают, что он жил в доме на Б. Морской и только приезжал на остров, другие полагают, что Калиостро жил на Елагином острове и, возможно, там же проводил свои алхимические опыты.

Джузеппе Бальзамо граф де Калиостро (1743–1795), по собственным словам, прошел в Египте полное посвящение в «тайнство подлинного Великого Востока» и был способен изготавливать золото и серебро и возвращать молодость, обещал физическое совершенство тому, кто последует рекомендациям его герметической медицины. Также он утверждал, что может вызывать призраков давно умерших людей и что после двух тысяч лет своей жизни речь его стала вдохновлена мудростью, дарованной ему веками истории. Какими бы вымышленными и фантастическими ни казались эти сведения, он в свое время имел грандиозный успех. Среди его горячих поклонников были Шиллер и Гете. Гете во время своего путешествия на Сицилию потратил много сил и времени, собирая информацию о «Джузеппе Бальзамо» на его предполагаемой родине.

Известно, что Калиостро был посвящен в масоны в Лондоне в некоей неустановленной ложе и при неясных обстоятельствах, хотя и был вхож в некоторые действующие английские ложи, где, правда, и он сам, и его мистические откровения открыто поднимались на смех. Калиостро приехал в Петербург в 1779 году и стал показывать чудеса столичной публике, увлекавшейся в те годы мистицизмом. Он уверял, что может доставать ртуть из ноги подагрика, делать золотую тинктуру и философский камень. Бывал он в домах масонов, где демонстрировал свои познания в области тайных наук; по преданию, «великий маг» прово-

дил свои опыты на даче у А. С. Строганова. У Калиостро вышло небольшое недоразумение: он непременно хотел ингредиенты для делания золота заказать в Польше, однако это исполнено не было. Калиостро объяснял свои требования тем, что для познания природы, по его словам, не употребляются печки с «проклятым» стихийным огнем. Без природы нельзя найти мудрости, но без химии – да; все работы с углями несообразны с природою. Говорят, когда Калиостро наделал долгов в столице, он скрывался в погребе у И. П. Елагина и затем именно оттуда был вывезен со своей женой в кибитке и доставлен в Митаву.

И. П. Елагин попытался осветить свои познания в одном труде, названном «Учение древнего любомудрия и богомудрия, или наука свободных каменщиков из разных творцов светских, духовных и мистических собранная в пяти частях предложенная И.Е., великим Российския Провинци-

альная Ложи мастером». Согласно плану автора, первая книга содержала историческое обозрение масонства от Адама, Ноя, Авраама до рыцарских орденов Средневековья и различных «систем и училищ» нового времени; вторая книга должна была рассматривать Талмуд, каббалистику, учение о Зефиротах и именах Божиих; третья книга содержала по плану объяснение первых четырех степеней масонства; четвертая – разъяснение пятой, шестой и седьмой степени; пятая – должна была содержать «доказательство, что есть Бог», тайну творения, Воплощения Слова и падение человека. В заключение планировалось «показание» о Суде, Воскресении и Новом Иерусалиме¹¹. Таким образом, получилось сочинение из семи книг, что соответствовало семи степеням, в которых работали Елагинские ложи. Первые страницы своего труда Елагин начал читать избранным братьям второго союза на заседаниях «Капиту-

ла или великого училища во граде св. Петра на Востоке Российском» в 1786 году¹².

Судьба вела Елагина-масона извилистыми путями, потому как, по собственному его признанию, «я еще ребенок, шатающийся между заблуждений и истины и ищущий просвещения себе». В его исканиях и заблуждениях отразилась история русского масонства второй половины XVIII века. Многие, подобно ему, вступали в ложи развлечения ради и считали масонство пустяками. Масонство того времени было во многом наивно и трогательно в своем стремлении проникнуть в таинства мистики. В борьбе различных систем, градусов посвящений, в противостоянии лидеров и масонских союзов, правительственных гонениях – все то время не прекращалась работа по духовному строительству Соломонова храма, над возведением которого трудился каждый вольный каменщик и которую вел до последнего вздоха владелец Елагина острова.

¹ К истории масонства в России // Русская старина. 1882. Т. 35. С. 550.

² Цит. по: Вернадский Г. В. Русское масонство в царствование Екатерины II. СПб., 2001. С. 34.

³ Записка о масонстве И. П. Елагина // Русский архив. 1864. Кн. 1. С. 100.

⁴ Вернадский Г. В. Указ. соч. С. 44–53.

⁵ А. И. Серков считает, что собрания проходили на Елагинском острове, однако остров был куплен И. П. Елагиным лишь в 1777 году, в то время как активная деятельность указанных лож приходится на начало 1770-х годов.

⁶ Пыляев М. И. Забытое прошлое окрестностей Петербурга. СПб., 1994. С. 15.

⁷ Масонство в его прошлом и настоящем. М., 1915. Т. 2. С. 142.

⁸ Цит. по: Ершова Т. А. Служебные корпуса и парковые павильоны Елагиноостровского ансамбля // Елагин остров. Императорский дворец. История и архитектура. СПб., 1999. С. 162.

⁹ Сахаров В. И. Иероглифы вольных каменщиков. Масонство и русская литература XVIII – начала XIX века. М., 2000. С. 204–205.

¹⁰ Вернадский Г. В. Указ. соч. С. 186.

¹¹ Там же. С. 96–97.

¹² Там же. С. 187.

О двух петербургских пасторах

Н. В. Ревуенкова

В столице Российской империи в XIX веке было в три раза больше протестантов, чем в среднем по России. Приезжавшие сначала по вызову российских властей, а затем и по традиции немцы и голландцы, швейцарцы и французы жили на невских берегах поколениями. Они не чувствовали себя чужаками вплоть до начала Первой мировой войны, сохраняя веками свои национальные обычаи и веру, которые поддерживались в рамках религиозной общины под наставничеством пастора.

В Петербурге, открытом для многих исповеданий, положение протестантского пастора привлекало иностранца не только солидным казенным содержанием, но широким полем деятельности и благосклонным вниманием императорского двора. Император Александр I во время войн с Наполеоном встречался в Пруссии и Силезии, Париже и Лондоне с лидерами различных протестантских конфессий, сам был автором акта об учреждении Священного союза, который подчеркнул верность всех государей единому Богу и солидарность верующих трех основных христианских течений.

В октябре 1810 года в Петербург по приглашению немецкой реформатской общины приехал швейцарец Иоганн фон Муральте, чтобы занять вакантную должность пастора. Реформаты – приверженцы церкви, возникших в ходе Реформации XVI в. на основе цвинглианства и кальвинизма, с религиозно-политическим центром в Швейцарии. Они следуют основным вероучительным принципам протестантизма: общение с Богом на родном языке, главенство проповеди в богослужении, почитание двух христианских таинств, независимость национальной церкви от Рима и т. д. Реформаты более последовательно, чем лютеране, избавлялись от католических

Медальон в память об Иоганне фон Муральте. Неизвестный скульптор XIX в. Металл. ГМИР. Фото Т. И. Вишняковой

традиций: в убранстве церковных зданий допускались только те культовые предметы, которые были разрешены в Библии, в церковной структуре была полностью отменена иерархия, общины верующих управлялись советом из выборных светских лиц, приглашали пасторов на служение, обладая полной самостоятельностью, по мере необходимости общины собирались на синоды. Первый руководитель Реформатской церкви Жан Кальвин подписал «Аугсбургское вероисповедание», которое положило начало догматике лютеранской церкви, но очень долго отношения между лютеранами и реформатами были весьма напряженными. В городах Швейцарии и Голландии, а также в некоторых районах Германии реформатская церковь занимала официальное положение, но в лютеранских землях Германии немцы реформатского вероисповедания оказывались на положении религиозных меньшинств.

В Петербурге вероисповедания реформатов придерживались иностранцы, приезжавшие на службу из Голландии, Швейцарии и Германии. Пока их количество было невелико, все петербургские

протестанты – лютеране, реформаты, англикане – состояли в так называемой адмиральской церкви. Вице-адмирал Корнелий Иванович Крюйс, принадлежавший к голландской реформатской церкви, построил на своем подворье и на свои средства комплекс из молитвенного помещения, жилища пастора и школы. Церковь была сложена в форме креста из бревен, ее окна украшали семейные гербы морских офицеров, во время воскресных служб на ней поднимали адмиральский флаг. От «адмиральской» церкви постепенно отделялись общины верующих одной национальности. Французскую реформатскую общину составляли вначале преимущественно швейцарцы. В укреплении контактов с Женевой – историческим центром реформатской церкви – важную роль сыграло семейство Франца Лефорта, брат которого был членом правительства Женевы, а племянник стал дипломатом на российской службе. Образовавшаяся в 1723 году в рамках «адмиральской» церкви французская реформатская община обратилась в консисторию Женевы с просьбой прислать французского пастора. Служение пастора Робера Дунана началось с крещения ребенка из семьи флотского хирурга Жана Гови с участием Петра I. С тех пор кресло царя выставлялось в молитвенном зале, по крайней мере до 1865 года. Впрочем, верующие именовали себя членами французской и немецкой реформатской колонии Санкт-Петербурга начиная с 1746 года и пасторов приглашали из немцев реформатского вероисповедания¹.

Важным этапом в укреплении положения франко-немецкой церкви была перестройка молитвенного здания на Большой Конюшенной, 25, в 1773 году по проекту Ю. М. Фельтена. Во главе церковного совета находился тогда Жак

Фуссадье, лейб-медик Екатерины II, членом совета был математик Леонард Эйлер, а перестроенный храм освятили во имя св. Павла, небесного покровителя наследника российского престола.

С увеличением количества немцев реформатского вероисповедания в Петербурге и пригородах во франко-немецком сообществе возникли конфликты. Указом Екатерины II от 1778 года практически регламентировалась совместная деятельность французской и немецкой общин реформатской церкви с двумя пасторами в одном здании. Численность немецкой реформатской общины в 1810 году была 1000 человек и выросла за четыре десятилетия пасторского служения И. фон Муральта до 1800 человек.

Иоганн фон Муральт (1780–1850) происходил из старинного немецко-итальянского рода; его предки, принимавшие участие в Реформации, переселились в Швейцарию, где в замке близ г. Бишофцелля в кантоне Тургау прошло его детство. Образование Муральт получал в Цюрихском университете, который был средоточием богословской мысли реформатской церкви, а также в университете Галле, центре обновленческого движения пиэтизма (от лат. *pietas* – благочестие) внутри лютеранской церкви. В Галле была очень сильна педагогическая мысль, поскольку пиэтисты считали воспитание и образование детей главным способом обновить христианство и обеспечить его влияние на общество.

Основным интересам И. фон Муральта в студенческие годы было изучение религиозной философии и педагогики. Находясь в 1800–1802 годах в Париже, он слушал лекции знаменитого лютеранского мыслителя Фридриха Шлейермахера, который предлагал изменить подходы к философской трактовке религии, исключить из нее догматику и культивировать религию исключительно как личное чувство зависимости христианина от Бога. И. фон Муральт познакомился с системами французских педагогов и был приглашен воспитателем к сыновьям г-жи де Сталь. В 1803–1810 годах он работал помощником учителя в основанных

выдающимся швейцарским педагогом И. Г. Песталоцци детских учреждениях в Бургдорфе, Мюнхенбухзее, Ивердоне.

Он стремился создать собственную школу и за этим отправился в Россию. В Петербурге открылись такие широкие перспективы, что он остался здесь навсегда. Вначале, как педагог, он был потрясен беспечной и беззаботной жизнью, к которой привыкли юноши из дворянских семей. И. фон Муральт быстро сблизился с влиятельными кругами столицы и предложил проект светского учебного заведения, в котором можно было бы воспитывать молодежь из привилегированных семей для государственной деятельности. Проект рассмотрел и одобрил Александр I. Учрежденный в 1812 году Пансион Муральта действовал в Петербурге до 1837 года, успешно решая проблему образования, нравственного воспитания и профессиональной подготовки знатной столичной молодежи. Светские дисциплины в пансионе преподавали лучшие специалисты, а новые методы религиозного обучения И. фон Муральту удалось отстоять, опираясь на собственный авторитет в высших кругах столичного общества. Пастор безбоязненно вступал в полемику с всемогущим главой полицейского ведомства Х. Бенкендорфом, а один из его прихожан – Е. Ф. Канкрин (1774–1845), известный российский экономист, министр финансов, стал другом и единомышленником И. фон Муральта². Пансион Муральта выпустил 578 воспитанников, занимавших впоследствии высокие должности в различных областях государственного управления³. Незаурядный талант Муральта-проповедника ценили при дворе, и по указанию Александра I ему было поручено возглавить празднование двухсотлетнего юбилея Реформации, который отметили совместными богослужениями лютеранские и реформатские пасторы Петербурга в октябре 1817 года. В своих проповедях И. фон Муральт защищал принципы межконфессионального сотрудничества. Эти принципы поддерживал и находившийся в 1820–1824 годах в Петербурге немецкий проповедник Иоганн Госснер.

По инициативе пастора три реформатских прихода Петербурга объединили усилия в школьном деле. Школа евангелически-реформатских церквей была открыта в 1818 году, первоначально для 30 учеников в двух классах с четырьмя учителями. В школьном совете были представлены три пастора и старшины трех общин. Для школы в 1827 году было построено специальное здание (Мойка, 38). Впоследствии его пришлось надстроить на два этажа. Из начальной общеобразовательной городской школы она превратилась в гимназию с восьмилетним обучением, где велась основательная подготовка по древним языкам и естественным наукам. Бедные ученики по решению церковного и школьного советов с 1831 года освобождались от оплаты за обучение. С 1836 года при школе был организован приют для нуждавшихся учеников. Е. Ф. Канкрин добился финансовой поддержки школы государством. Добровольные взносы поступали от членов лютеранской общины св. Петра, и в частности от директора Царскосельского лицея Е. А. Энгельгардта (1775–1862) и выпускников лицея.

Религиозно-просветительская деятельность И. фон Муральта получила общественное признание: в 1826 году его наградили дипломом Петербургского университета, в 1829 году – орденом Св. Владимира 4-й степени, в 1838 году – орденом Св. Анны 2-й степени.

С 1814 года в столице Российской империи действовал Союз помощи нуждающимся швейцарцам, и И. фон Муральту часто приходилось выступать посредником по защите интересов соотечественников перед лицом российских властей. По вопросам социальной помощи пастор вступал в контакты с другими швейцарскими священниками в России, вел переписку с сотнями корреспондентов в Швейцарии, Англии, Швеции, Дании. По отзывам современников, личные дарования пастора И. фон Муральта и талант организатора служили лучшим подтверждением его убеждения о важности миссии священника для духовного руководства обществом.

Своим преемником Иоганн фон Муральт надеялся увидеть

племянника Эдуарда, который в 1834 году вслед за дядей приехал в Петербург и служил хранителем богословских рукописей в Императорской Публичной библиотеке, а затем и в Императорском Эрмитаже. Однако пасторская карьера Э. фон Муральта после смерти дяди в 1850 году не сложилась. Прихожане выразили недовольство его проповедями, потребовали отставки, и Э. фон Муральт вернулся на родину, став известным историком, филологом, почетным доктором богословского факультета в университете Цюриха⁴. Вскоре совет немецкой реформатской церкви пригласил в Петербург другого пастора – Г. Дальтона.

Герман Дальтон (1833–1913) родился во Франкфурте-на-Майне, образование получил в университетах Марбурга, Берлина и Гейдельберга. Его жизненный путь и творчество определили идеи либерального христианства, преобладавшего в университетской науке протестантской Германии XIX века. Либеральные теологи относили к важнейшим факторам религии общую культуру, историю и моральное состояние общества, а не церковные структуры и догматы. Они развивали историко-критический метод в изучении Библии, содержанием христианства считали этическое учение Христа. Г. Дальтон формировался как ученый в непосредственном общении с выдающимися мыслителями XIX века – Альбрехтом Ритцлем и Вильгельмом Дильтеем. Его университетский наставник Карл Нитч, читавший курс в Дерптском университете и выступавший с публичными лекциями в Петербурге, разрабатывал новые принципы практической теологии. Для либеральных теологов был характерен подход к лютеранскому и реформатскому вероисповеданию с точки зрения единства их происхождения из целостной, так называемой евангелической идеологии обеих церквей. Этот подход совпадал с официальной традицией российского самодержавия, которое регламентировало положение лютеранской и реформатской церквей в стране единым уставом.

Когда Г. Дальтон отправился в Петербург, его вдохновляла перспектива служения миллионам

Памятный адрес пастору Герману Дальтону с видами протестантских храмов Петербурга.
Худ. Г. Гаттов. Санкт-Петербург.
1889 г. Бумага, акварель. ГМИР. Фото Т. И. Вишняковой

протестантов России, в которой тогда, по его сведениям⁵, было пять миллионов верующих, принадлежавших к лютеранской, реформатской и англиканской церквям.

Немецкая реформатская община смогла собрать средства на собственный храм к 1862 году, и Г. Дальтон возглавил комитет по его постройке. Возведенный по проекту Г. Э. Босса в 1865 году (Б. Морская, 58), он отличался новаторским исполнением. Декор здания архитектор сознательно пытался согласовать с духом реформатского учения, весьма сдержанного по отношению к пластическим искусствам. В здании церкви располагалось и жилище семьи пастора. Женой пастора стала

петербурженка Сара Бранд, из купеческой семьи, которая с XVIII века обосновалась в Петербурге. К молодому пастору приехала мать. Впоследствии Г. Дальтон писал о том, что, прожив половину жизни в России, он сроднился с ее народом.

Пастор курировал школу для детей реформатского вероисповедания, созданную И. фон Муральтом. В 1864 году школа получила статус гимназии, и ее выпускники могли поступать в высшие учебные заведения наравне с выпускниками лютеранских Петришуле и Анненшуле. Кроме того, Г. Дальтон стал одним из инициаторов учреждения в Петербурге воскресных школ, и в частности летней школы

для детей лютеранского и реформатского вероисповедания в Парголово. Для духовного просвещения юношей и девушек, которые готовились к конфирмации, он написал книгу «Иммануэль». В ней излагалось толкование основного вероучительного документа реформатской церкви «Гейдельбергского катехизиса». Она состояла из доверительных бесед о сложных вопросах бытия, составленных с позиций либеральной теологии.

В отличие от своего предшественника И. фон Муральта, который не занимался литературным творчеством, Г. Дальтон был писателем. Он писал религиозно-философские книги и исторические исследования, публицистические очерки и художественные рассказы, воспоминания. К образованным российским читателям была обращена первая книга Г. Дальтона, изданная в Петербурге в 1864 году, – «Натаниель». Она предлагала новое для того времени жизнеописание Иисуса и утверждала идею индивидуального совершенствования внутренней жизни христианина. Автор солидаризировался с воззрениями Давида Штрауса и Эрнеста Ренана по поводу историчности основателя христианства. Свои проповеди Г. Дальтон не только произносил с церковной кафедры, но и распространял в иллюстрированных брошюрах. В них актуальные проблемы общественной жизни 1860–1880-х годов комментировались с точки зрения государственных интересов России, обращалось внимание церковнослужителей на необходимость совершенствовать сферу народного воспитания, образования и социальной помощи.

Активно участвуя в сплочении пасторского корпуса столицы, Г. Дальтон осуществил многие межконфессиональные благотворительные проекты, работал для «Евангелического библейского общества для Библиотеки евангельских общин» и ряда просветительных союзов.

Увлечение культурой Петербурга вдохновило Г. Дальтона на книгу исторических рассказов о его жителях – «Петербургские зарисовки», которая была издана уже по окончании пасторского служения в 1901 году. В мемуарах Г. Дальтона

видные ученые и специалисты протестантской диаспоры – К. Бэр, Ф. Врангель, Ф. Видеман – представлены как неотъемлемая часть петербургской интеллигенции, связанной общими интересами своего времени и своего второго отечества.

Значение Г. Дальтона как ученого определяется тем, что он исследовал процесс развития реформаторских движений в Западной Европе. Его интересовали такие темы, как влияние Данте на христианскую мысль накануне Реформации, развитие евангельских настроений в Польше, Испании, Пруссии. Серию книг он посвятил проблеме социально-психологического портрета личности религиозного реформатора. Польский реформатор XVI века Ян Ласко, немецкий теолог XVII–XVIII веков Даниель Яблонский, проповедник Иоганн Госснер, высланный в 1824 году из Петербурга, – герои его книг. В публицистических очерках «Каникулы проповедника» (1886), написанных по материалам поездок по Европе, он обратил внимание на рост внецерковных, так называемых ривайвелистских движений в ряде стран. В истории России писатель искал и находил подтверждение своим взглядам о первостепенной роли церкви в поддержании моральных устоев общества, семьи и совершенствовании школы. Он написал историю реформатской церкви в России (1865), собрал и опубликовал основные источники по истории протестантских общин в России (1887–1905), монографии об И. фон Муральте (1876), об истории российского протестантского Библейского общества (1881). В этих книгах он последовательно демонстрировал сотрудничество российских самодержцев с протестантскими церквями начиная с XVI века.

Одним из первых европейских писателей Г. Дальтон заметил и оценил могучий подъем обновленческого движения среди православных

верующих в России. В то время как православные иерархи и правительство усиливали гонения на штундистов, евангельских христиан, баптистов, петербургский пастор регулярно помещал в западной печати свои материалы о новых русских проповедниках и жертвах евангельского движения последней трети XIX века. В «Открытом послании обер-прокурору правительствующего Синода от Германа Дальтона»⁴ говорилось, что К. П. Победоносцев навязывает стране «ложное церковное рвение», не учитывая сложной культурно-исторической обстановки в империи. В завязавшейся печатной полемике оппонент Г. Дальтона протоиерей Иоанн Пospelов категорически осуждал как ересь не только крепнущее баптистское движение, но и вероучительные основы протестантизма⁷. Г. Дальтон же писал о том, что протестанты всегда верно служили России, сочетали политическую лояльность с защитой принципа закономерности обновления христианства.

И. фон Муральт посвятил пасторскому служению сорок лет своей жизни, и школа, основанная по его инициативе на средства верующих немецкой реформатской церкви, продолжает существовать и поныне. Г. Дальтону в память о тридцатилетии его пасторского служения 11 апреля 1889 года был преподнесен памятный адрес, где отмечены основные этапы его религиозно-просветительской деятельности на благо города и всей России. Текст адреса украшен гравюрой, которую выполнил художник-любитель Г. Гаттов с изображениями фасадов протестантских церквей Петербурга, расположенных в единой гирлянде узора. Эта композиция подчеркивала главный результат неутомимой энергии пастора Г. Дальтона в глазах его современников: укрепление солидарности и сотрудничества между всеми протестантскими общинами Петербурга.

¹ Dalton H. Geschichte der Reformirten Kirche in Russland. Gonha, 1865. S. 121.

² Dalton H. Johannes von Muralt. Wiesbaden, 1876. S. 70.

³ Réminiscence de la pension du pasneur Jean de Muralt de 1825–1831. СПб., 1874.

⁴ Schneider H. Schweizer Theologen im Zarenreich (1700–1917). Zurich, 1994. S. 35.

⁵ Dalton H. Lebenserinnerungen. Berlin, 1906–1908. Bd. I. S. 13.

⁶ Открытое послание обер-прокурору Правительствующего Синода от Германа Дальтона. Лейпциг, 1890.

⁷ Ответ господину пастору Герману Дальтону протоиерея Иоанна Пospelова. Харьков, 1891.

Юхо Сааринен: финский пастор в Петербурге

А. А. Кириленко

Юхо Сааринен был назначен главным пастором финского прихода Св. Марии в Санкт-Петербурге 16 марта 1900 года. 1 июля 1911 года он был избран новым настоятелем прихода после смерти предыдущего, Адольфа Хаккарайнена. С 1908 по 1910 год Ю. Сааринен возглавлял также Западно-Ингерманландское пробство.

До назначения в Петербург Ю. Сааринен занимал место пастора в различных приходах Финляндии (1871: Мянтюхарью; 1871–1873: Рускеала; 1873–1875: Рантасалми) и настоятеля в ингерманландских приходах (1875–1877: Лиссиля; 1877–1894: Шпаньково; 1894–1899: Лемболово).

Ю. Сааринен был освобожден от должности настоятеля прихода Св. Марии 5 мая 1918 года и последние два года своей жизни провел в Финляндии.

О пасторе, посвятившем 18 лет профессиональной деятельности приходу Святой Марии – важному центру религиозной и культурной жизни петербургских финнов, в русскоязычных источниках содержится предельно краткая информация общего характера. Чаще всего он упоминается как отец известного финского архитектора Элиэля Сааринена. Наиболее полную справку удалось найти в работе М. В. Шкаровского¹; из зарубежных авторов в этом ряду нужно выделить Г. Лютера². Основным источником сведений о Ю. Сааринене здесь послужил труд П. Й. Войпио³. Исследователь (внук пастора) попытался составить биографию Ю. Сааринена на основе его воспоминаний, архивных материалов, церковных книг и переписки Ю. Сааринена с близкими родственниками. Мемуары Ю. Сааринена заканчиваются последним годом учебы в университете Гельсингфорса (1870). Их дальнейшее написание прервала его смерть в 1920

Юхо Сааринен

году. При описании петербургского периода жизни Ю. Сааринена Войпио основывается чаще всего на письмах, вводит выдержки из них в свой текст.

Карьера Ю. Сааринена в Петербурге пришлась на сложное время как для всей Российской империи, так и для входившего в ее состав

на правах автономии Великого княжества Финляндского. В финской историографии период с 1899 по 1917 год получил название «годы угнетения». Присоединенная к России в 1809 году в результате русско-шведской войны Финляндия была, по сути, государством в государстве: имела свои органы

управления (сейм, сенат), свое чиновничество, систему правосудия, армию, денежную единицу, почтовые марки, отделялась от империи официальной границей; большинство населения исповедовало лютеранство и не владело русским языком⁴. Автономный статус княжества в значительной степени способствовал формированию национального самосознания финнов на протяжении XIX столетия. Манифестом 15 февраля 1899 года было положено начало русификационной политике в управлении автономным княжеством: ужесточилась цензура, русский язык утверждался как официальный в государственных учреждениях и основной изучаемый в школе; упразднялась собственная финляндская армия. В 1912 году был принят закон о равноправии, гарантировавший русским равные с финнами права на территории Финляндии, в частности, возможность занимать государственные должности. Меры по русификации автономной территории воспринимались финляндцами как незаконные и с самого начала вызвали всеобщий протест, так как ущемляли интересы практически всех слоев населения. Новая политика затронула и лютеранское духовенство Финляндии. Уже с 1899 года настоятелям приходов, в том числе на территории Ингерманландии, было предъявлено требование вести церковные книги на русском языке; учитывая то, что последние русским языком владели плохо, это требование было трудновыполнимым. В то же время многие финские пасторы и настоятели на территории Финляндии и в Петербургской губернии без объяснения причин снимались со своих должностей; на их места назначались русскоязычные священнослужители. Именно таким образом пришлось расстаться с приходом в Лемболово Ю. Сааринену. После нескольких месяцев неопределенности его, имевшего большой послужной список и хорошую репутацию, избрали главным пастором прихода Святой Марии.

Профессиональная биография Ю. Сааринена типична для финского пастора периода автономии. В 1870 году он окончил теологический факультет Александровс-

кого университета в Гельсингфорсе, был посвящен в пасторы, успешно работал в различных приходах Великого княжества Финляндского. Ю. Сааринен стал служить в приходах Петербургской губернии, где очень быстро получил должность настоятеля по причине недостатка финноязычных священнослужителей.

Ю. Сааринен родился в семье торпаря (торпари в Швеции и Финляндии в XVII – первой половине XX века – арендаторы земли, сдававшейся в долгосрочную или пожизненную аренду на условиях отработки). Свое призвание – духовное служение – он осознал еще в детском возрасте. Проблемы и потребности прихожан были близки и понятны пастору, выходящему из крестьянской среды, относившемуся к своей работе как к исполнению призвания. На протяжении его служения во всех приходах Великого княжества Финляндского и Петербургской губернии между ним и членами общины устанавливались теплые отношения взаимопонимания и взаимопомощи. Участие Ю. Сааринена в делах соотечественников стало неотъемлемой характеристикой его деятельности, сохранившейся и ярко проявившейся в период его пребывания в Петербурге.

В процессе обучения в школе, университете и во время работы Ю. Сааринену приходилось адаптироваться к самой разной языковой среде. До служения в приходах Петербургской губернии это был финский язык, имевший, кстати, в разных регионах свои заметные особенности; в Петербургской губернии для установления контакта с русскоязычным населением оказалось необходимо овладеть основами русского языка. Основным языком Генеральной консистории – высшего органа управления евангелическо-лютеранской церкви России – был в то время немецкий. Это было связано с преобладанием в консистории немцев⁵. П. Й. Войпио неоднократно обращает внимание на хорошие способности Ю. Сааринена к изучению языков. Судя по письмам Сельмы, жены Ю. Сааринена, как русский, так и немецкий языки нужны были ему в Петербурге исключительно для установления

отношений с властью, благоприятных для развития прихода.

Значительную часть времени занимало его общение с финским лютеранским духовенством приходов Петербурга и губернии, с прихожанами и соотечественниками, постоянно проживавшими там по каким-либо делам. Дом Ю. Сааринена был местом, где проходил съезд пасторов, в нем останавливались родственники финнов, попавших в Петербург по чрезвычайным причинам (лечение в больнице, тюремное заключение). В начале «периода угнетения» в нем бывали финские пасторы, которых непосредственно коснулся процесс русификации. Вот некоторые фрагменты писем Сельмы, иллюстрирующие эту сторону его деятельности:

«Проповедник Ханнула... явился из Хиетамяки сильно потрясенным после того, как на собрании общины явился местный пристав, составил протокол и объявил собрание незаконным...» (март 1901 г.); «У нас остановился пастор Юлёнен, его жена лежит в больнице на Васильевском острове» (ноябрь 1901 г.); «На прошлой неделе был синод. Вечером в среду у нас собралось 25 финских пасторов. Пробст Сиитонен принес с собой скрипку и играл вместе с Эйнараром [сыном Ю.Сааринена] несколько часов» (апрель 1914 г.).

Находясь в Петербурге, Ю. Сааринен стремился быть в курсе дел ингерманландских приходов, в том числе тех, в которых раньше служил. В феврале 1902 года он присутствовал на праздновании 50-летия кантора и церковного сторожа прихода Шпаньково, в марте 1903 года – на 70-летию секретаря и эконома финского прихода Св. Марии и шведского прихода Св. Екатерины.

Основной круг взаимодействия Ю. Сааринена составляли его соотечественники; контакты с русскими и представителями национальных меньшинств города сводились к необходимому минимуму. Финны Петербурга характеризовались слабой степенью ассимиляции и составляли обособленную в культурном отношении этническую группу. Сохранение этнической идентичности стало возможно во многом благодаря существованию фин-

ноязычного лютеранского прихода, где финны могли отделить себя от русских и в языковом, и в религиозном отношении⁶. Политика русификации начала XX века стала дополнительным фактором сплочения финнов. Непосредственное влияние этой политики на главные события жизни Ю. Сааринена позволяет предположить, что именно она сыграла решающую роль в определении пастором своего круга общения. Характеризуя работу Ю. Сааринена, можно сказать, что она способствовала как сохранению и укреплению этнической идентичности петербургских финнов, так и их культурному обособлению.

Ю. Сааринен с большим интересом относился к проповедям пасторов из Германии, приехавших в Петербург. В марте 1901 года он побывал на проповеди пастора Г. Дальтона в немецкой церкви Св. Петра, в октябре в той же церкви десять дней подряд он слушал проповеди пастора Шрека; там же в феврале 1913 года четыре раза был на проповеди пастора Ле Сьера.

В начале 1898 года в Министерстве внутренних дел был подписан приказ о переводе с немецкого на финский язык новой версии служебника для лютеранских приходов Российской империи⁷. Перевод был поручен настоятелю прихода Св. Марии в Санкт-Петербурге А. Хаккарайнену. В издании служебника активно участвовал Ю. Сааринен. К 1900 году, когда

Сааринен только вступил в должность, перевод был почти готов. Весной того же года рукопись была сдана в издательство в г. Куопио. Сын Ю. Сааринена Ханнес, живший там же, исполнил роль посредника между пастором и издателем. Выпуск служебника тиражом в 500 экземпляров ожидался только в январе 1901 года. Ю. Сааринен, понимая, что при таких условиях богослужение на ближайшее Рождество пройдет по старому служебнику, заказал предварительное издание 20 книг; к декабрю 1900 года они были готовы. Рождественская служба была проведена в соответствии с обновленным служебником. По свидетельству П. Й. Войпио, тот служебник применяется сегодня в большинстве финноязычных приходов Петербурга и Ленинградской области.

Заинтересованность пастора в своей работе в сочетании с его личными качествами не могла не вызвать уважения членов общины и священнослужителей и способствовала избранию его настоятелем 1 июля 1911 года. Заслуги Ю. Сааринена были оценены не только общиной: в том же 1911 году он был награжден орденом Св. Анны 3-й степени. П. Й. Войпио приводит высказывание пастора, передающее его реакцию на получение ордена: «Мне дали пряник на Пасху – Анну 3-й степени, в которой я вовсе не нуждаюсь!».

Сочувствие к судьбе соотечественников проявилось в дей-

ствиях Саариненов при событиях 1913 года. В январе 1913 года в петербургскую тюрьму «Кресты» были заключены все, кроме одного, члены надворного суда Выборга, выступившие против закона о равноправии. В течение нескольких месяцев пребывания чиновников в тюрьме Сааринены принимали у себя их родственников, приезжавших на встречу с заключенными. Несколько раз настоятель провел богослужения в «Крестах» для финских узников и даже беседовал с некоторыми из них.

Для сравнения: предшественник Ю. Сааринена – А. Хаккарайнен в 1899 году не предоставил церковь членам делегации, приехавшей в Петербург с большой петицией, адресованной императору. Политическая позиция Ю. Сааринена состояла, с одной стороны, в избегании участия во всякого рода оппозициях, в том числе выражавших интересы Финляндии, и, с другой стороны, во всемерной, в рамках закона, поддержке оппозиционно настроенных соотечественников. Как основные направления деятельности Ю. Сааринена, так и его убеждения, по-видимому, определялись типичными чертами культурного взаимодействия, свойственными петербургским финнам на протяжении всей их истории, и одновременно новым политическим курсом России, нацеленным на ликвидацию финских привилегий.

¹ Шкаровский М. В., Черепенина Н. Ю. История Евангелическо-Лютеранской Церкви на Северо-Западе России (1917–1945). СПб., 2004. С. 322.

² Luther G. Herdaminne för Ingermanland. Helsingfors, 2005. S. 428.

³ Voipio P. J. Katovuosista kumousvuosiin. Rovasti Juho Saarisén vaiheita. Helsinki, 2000.

⁴ Цеттерберг С. Финляндия после 1917 года. Хельсинки, 1995. С. 9.

⁵ Энгман М. Финляндцы в Петербурге. СПб., 2005. С. 197.

⁶ Об этом подробно см.: Курило О. В. Лютеране в России, XVI–XX вв. М., 2002; Юхнева Н. В. Полиэтнический Санкт-Петербург // *Studia Slavica Finlandensia*. Helsinki, 1996. Т. XIII.

⁷ Владимирив А. Лютеранская идентичность в России и Ингрии // *Церковь Ингрии*. 2004. № 3 (51). Окт.

Библейское общество в Петербурге XIX века

В. А. Бачинин

На рубеже XVIII–XIX веков в Европе начали возникать библейские общества. Это была одна из форм организованной религиозно-гражданской жизни, позволяющая христианам объединять свои усилия и направлять их на переводческую, издательскую и просветительскую деятельность по массовому распространению Библии. Первое такое общество появилось в Англии. Усилиями Британского библейского общества, возникшего в 1804 году, в последующие десятилетия было издано и распространено по многим странам более 160 млн экземпляров Библии.

Представитель Британского общества пастор Дж. Петерсон прибыл в Петербург с предложением создать Библейское общество в России. Его инициативу поддержал главный управляющий духовными делами иностранных исповеданий князь А. Н. Голицын. Император Александр I благосклонно отнесся к этой идее, и в январе 1813 года в доме Голицына состоялось открытие Российского библейского общества.

На первом собрании общества были избраны: президентом – Александр Николаевич Голицын, вице-президентами – граф В. П. Кочубей, министр народного просвещения граф А. К. Разумовский, министр внутренних дел О. П. Козодавлев, сенаторы М. И. Донауров и К. И. Габлиц, обер-гофмейстер Р. А. Кошелев; директорами – князь П. С. Мещерский, князь К. К. Ливен (будущий министр просвещения), барон Б. И. Фитингоф, пастор англиканской церкви Питт, И. И. Фус, Н. Д. Жуковский, С. С. Джунковский, А. А. Ленивец, С. С. Уваров, секретарями – В. М. Попов и А. И. Тургенев, казначеем – Я. И. Шмит. Выбранное руководство занялось изысканием средств для выполнения поставленных задач.

Александр I изъявил желание стать членом Библейского обще-

Александр I.
Гравюра. 1802 г.

ства и пожертвовал на его нужды 25 тысяч рублей. Впоследствии он вносил по 10 тысяч рублей ежегодно. Кроме этого, царь предоставил помещения для типографии, книгохранилища, книжной лавки, а

А. Н. Голицын.
Литография. 1822 г.

также квартиру для пастора Дж. Петерсона. В общество вступили великие князья Николай Павлович и Михаил Павлович, а также несколько русских генералов, пожелавших снабжать своих солдат Библиями.

Начиная с сентября 1814 года в соответствии с высочайшим повелением Санкт-Петербургское Библейское общество стало называться Российским библейским обществом. В него вошли представители всех трех христианских конфессий – католические священнослужители, протестантские пасторы, православные иерархи. В том же 1814 году вице-президентами общества стали митрополит Киевский Серапион (Александровский) и митрополит Новгородский и Санкт-Петербургский Амвросий (Подобедов), католический митрополит Сестрженцевич-Богуш, архиепископ Черниговский Михаил (Десницкий), архиепископ Тверской Серафим, архиепископ Екатеринославский Иов (Потемкин) и архиепископ Грузино-Кавказский Досифей, архиепископ русских армян Иоаннес. Директорами общества были избраны архимандрит Филарет (ставший в 1816 году вице-президентом) и придворный пресвитер Н. В. Музовский, аббат Манген, лютеранский пастор Рейнбот.

Впоследствии в состав главного комитета входили: вице-президенты – митрополит Грузинский Варлаам, епископ Ярославский Симеон (Крылов), епископ Тверской Иона (Павинский), униатский митрополит Иосафат Булгак (в 1818 г.), З. Я. Карнев (в 1815 г.), М. М. Сперанский (в 1821 г.), граф М. А. Милорадович (в 1821 г.); директора – протоиерей Г. П. Павский (в 1815 г.), архимандриты Григорий (Постников) (в 1816 г.) и Поликарп (Гойтанников) (в 1816 г.), католический патер Госпер (в 1820 г.) и Д. П. Рунич (в 1819 г.).

Митрополит Филарет

Целью общества стало издание и распространение Библии среди верующих всех исповеданий, «без всяких толкований, примечаний и рассуждений». Современники и свидетели этого события писали: «Простые и бедные люди, солдаты, казаки, неимущие вдовы, мещане, крестьяне и колонисты, ремесленники и служители возжелали получить Слово спасения, сознавая, что они могут иметь в нем живот вечный. Люди... воспламенились читать ее [Библию]. Кто всем им сказал, что такая чрезвычайная польза получается от чтения Библии? Кто иной, как не Отец наш Небесный» (Об успехах библейских обществ в 1814 году. СПб., 1815. С. 4).

Для того чтобы об открытии Библейского общества узнало как можно больше людей, была издана брошюра «О Библейских обществах и учреждении такового в Санкт-Петербурге» (СПб., 1813). Вышедшая на русском, польском и немецком языках тиражом в несколько тысяч экземпляров, она явилась своеобразным манифестом, объявлявшим о появлении в России важного религиозно-гражданского движения, имевшего своей целью библейское просвещение народов России.

В первый же год существования Библейского общества было открыто шесть его отделений в различных городах России – московское, дерптское, курляндское,

рижское, ревельское и ярославское. После этого в уездных городах, местечках и приходах начали учреждаться сотоварищества, содействовавшие открытым отделениям Библейского общества. Православная церковь собирала щедрые пожертвования в пользу общества. Только в 1813 году поступило единовременное вспоможение на сумму в 60 тысяч рублей, и в дальнейшем ежегодно поступало около 17 тысяч рублей.

Были напечатаны книги Нового Завета на армянском и калмыцком языках. Отдельные библейские тексты были изданы выпуклым шрифтом и предназначались для слепых.

Постепенно образовалось 289 отделений Библейского общества в разных уголках России. Князь А. Н. Голицын особо отмечал заслуги Петерсона: «Все сие важное и многотрудное дело, – писал он, – с самого учреждения комитета лежало на почтительном сотруднике нашем пасторе Петерсоне, без каких-либо прямых с его стороны к тому обязательств. Его неограниченное усердие к делу библейскому и христианская ревность к распространению книг Слова Божия между ближними служили ему сильнейшим побуждением к деятельности. Бескорыстие и скромность побуждали его производить сие дело... Из любви к Богу, для служения человеку в деле для них полезном и спасительном подвизался пастор Дж. Петерсон».

Александр I повелел президенту Библейского общества передать Синоду его желание «доставить и россиянам способ читать Слово Божие на природном своем российском языке, яко вразумительнейшем для них славянском наречии, на коем книги Священного Писания у нас издаются». Специальной комиссии Синода было поручено подобрать из состава Петербургской духовной академии лиц, наиболее способных к этому важному делу. В результате перевод Евангелия от Матфея осуществил видный языковед, профессор Духовной академии Г. П. Павский. Евангелие от Марка перевел ректор Духовной семинарии архимандрит Поликарп. Перевод Евангелия от Луки был сделан архимандритом Моисеем. Евангелие от

Иоанна перевел ректор Духовной академии архимандрит Филарет (Дроздов), будущий митрополит.

В 1818 году вышло первое издание Четвероевангелия с параллельным славяно-русским текстом. В 1819 году Четвероевангелие с присоединенными к нему Деяниями Апостолов и десятью Посланиями было издано еще дважды. В отчете Библейского общества за 1818 год говорилось: «Евангелие на российском языке, которое многие ожидали с нетерпением, принято с чрезвычайным удовлетворением и умножило еще более желание читать Слово Божие. По всему видно... что мысль об издании Священного Писания на российском языке есть внушение Того, Которым и Писание само даровано человеку... Поистине можно сказать, что дело перевода сего есть величайшее благодеяние для российского народа, издревле наклонного к благочестию и всегда жаждущего просвещения духовного».

После того как вышел в свет полный Новый Завет, был осуществлен перевод на русский язык книги Псалтирь. В 1925 году были напечатаны Пятикнижие Моисеево, а также книги Иисуса Навина, Судей Израилевых и Руфь. Было издано в общей сложности около миллиона экземпляров различных книг Священного Писания на 26 языках народов Российской империи.

За первые десять лет своего существования Библейское общество распространило:

- книги Священного Писания, напечатанные в России по текстам уже существовавших переводов на 14 языках и наречиях – славянском, армянском, древнегреческом, новогреческом, грузинском, латышском, молдавском, немецком, персидском, польском, финском, французском, эстонском;

- переводы книг Библии, осуществленные усилиями самого Общества на 12 языков, в том числе на русский, калмыцкий, карельский, мордовский, монгольский, турецкий, татарский, чувашский и др.;

- библейские книги, либо купленные за границей, либо полученные в дар, на 15 языках – английском, арабском, голландском, датском, еврейском, еврейско-немецком, еврейско-польском, испанском, итальянском, китайском, лап-

ландском, латинском, португальском, санскритском, шведском.

К началу 1823 года общее число языков, на которых распространялись библейские книги, достигло 41, а общее количество изданных экземпляров – 704 831. О динамике роста масштабов деятельности Российского библейского общества в период с 1813 по 1822 год свидетельствует таблица.

Высокая активность просветительской деятельности Российского библейского общества принесла ему широкую известность в христианском мире. Желание сотрудничать с ним выразили аналогичные общества целого ряда европейских стран – шведское, датское, польское, американское, франкфуртское, кенигсбергское, гамбургское и др.

Несмотря на то, что Библейское общество действовало весьма успешно на ниве христианского просвещения русского народа, у него было немало противников, в том числе очень влиятельных, таких, как, например, генерал А. А. Аракчеев, президент Российской академии адмирал А. С. Шишков. Их не устраивало то, что переводческая, издательская и распространительская деятельность осуществлялась не Церковью, не Синодом, а межконфессиональным Библейским обществом, членами которого были не только православные, но и католики, лютеране, светские лица. Шишков в связи с этим писал: «Не странно ли... в Библейских обществах наши митрополиты и архиереи, заседающие в противность апостольских постановлений вместе с лютеранами, католиками, кальвинистами, квакерами, – словом, со всеми иноверцами?»

Шишков выступал против перевода Библии на современный русский язык, так как считал, что такого языка нет. Есть лишь славянский язык в двух разновидностях – возвышенной (церковной) и вульгарной. Переводить Священное Писание на вульгарный диалект славянского языка, каковым он считал современный русский язык, – это его принижение и почти богохульство.

Одно из роковых заблуждений, пленниками которого оказались многие представители светской и церковной власти в России,

Год	Напечатано	Распространено
1813	5295	3700
1814	12 583	4773
1815	10 620	11 351
1816	21 319	19 384
1817	35 661	28 991
1818	57 277	51 098
1819	72 848	68 464
1820	80 362	77 837
1821	83 858	46 792
1822	176 313	115 214

А. С. Шишков. 1822 г.

состояло в предубеждении, будто широкое распространение Библии и возможность ее свободного толкования ведут к распространению вольномыслия и инаковерия. Так, Шишков считал, что если Библия будет в каждом доме, то темные простолюдины начнут использовать ее листы на обертки, а за непочтительным отношением к святыне последует распространение ересей и появление большого числа вольнодумцев и атеистов.

Противником распространения русского перевода Библии был и такой выдающийся государственный деятель, как М. М. Сперанский. Примечательно, что когда его дочь обратилась к нему с жалобой на трудность церковнославянского текста, тот посоветовал ей читать Библию на английском языке.

Происки противников Библейского общества привели к тому, что его глава князь Голицын вынужден был в 1824 году подать в

отставку. Недруги добивались закрытия Библейского общества, обвиняя его в попытках подменить православие «всеобщим христианством» и в издании протестантской литературы.

Новый президент общества митрополит Серафим отправил царю доклад, в котором писал: «Повели ныне же прекратить действия Библейских комитетов и закрыть их по всей империи». Царю подобная мера представлялась излишней. Однако внешнее давление на него продолжалось, и в результате он отдал распоряжение «задержать впредь до разрешения» уже напечатанную Библию на русском языке. Деятельность общества, которое к концу царствования Александра I имело уже более 280 отделений, комитетов и сотоварищества, оказалась фактически парализована.

После смерти Александра I на престол взошел Николай I. И почти сразу же, 12 апреля 1826 года, был издан указ о закрытии Библейского общества. Другим царским указом от 15 июля 1826 года вся его собственность – деньги, дома, типографское оборудование, книги – была передана в ведение Синода. Распространение Нового Завета без параллельного славянского текста было запрещено. Уже переведенные книги Ветхого Завета не были допущены в продажу, а отдельные издания Пятикнижия Моисеева были уничтожены.

В России отсутствовало гражданское общество, представители которого могли бы твердо и веско заявить властям, что Библейское общество способствует благой цели и что его ликвидация нанесет огромный вред делу духовного

просвещения народа. Это обстоятельство и привело к тому, что общество было уничтожено одним росчерком властного пера.

В Энциклопедии Брокгауза и Ефрона эта коллизия характеризуется путем сопоставления судеб Британского и Российского Библейских обществ и особенностей государственно-гражданских отношений в Великобритании и России: «Библейские общества возникли в стране (имеется в виду Англия. – В. Б.) с высоким политическим развитием, общественной свободой и сильно развитой общественной самодеятельностью. Когда основывалось Британское общество, оно прямо обратилось к самой публике и привлекло к себе ту часть ее, которая ему сочувствовала; у него явились добровольные и тем самым прочные и надежные сотрудники и приверженцы, которые дали ему средства и стали его опорой. В Англии нашлись и лица, которые враждебно взглянули на начинания Библейского общества; они тогда же заявили свою оппозицию, и общество с самого начала знало, с кем и из-за чего ему следует считаться. Но затем обе противные стороны стояли в пределах и под покровительством закона: правительство не думало вмешиваться и брать чью-либо сторону – время должно было разъяснить отношения и действительно их разъяснило, и Общество спокойно существовало и развивалось, оно существует и развивается и по сию пору. У нас дело становилось совершенно иначе. У нас Общество подобного рода могло существовать только при официальной санкции, и в настоящем случае эта санкция требовалась тем больше, что вмешательство частных и светских лиц в вопросы религиозные было делом неслыханным... Поэтому на первых порах Общество действует крайне осторожно, даже робко. Но случилось, что власть не только разрешила существование Общества, но вскоре и сама близко заинтересовалась им; это обеспечило ему блестящий успех. Успех был, однако, до значительной степени фиктивный, потому что именно интерес власти к делу Общества привел к тому, что в нем наряду с людьми искренними и убежденными появилась масса лицемеров,

которые при других обстоятельствах едва ли стали бы много думать о Библии и христианской любви. Первые приверженцы библейского дела нашлись между первостепенными сановниками; они, естественно, стали действовать так, как привыкли действовать в своей официальной сфере. Общество должно было рассчитывать на участие публики, и, чтобы объяснить этой публике цель Общества и пригласить ее к пожертвованиям, комитет нашел самым удобным действовать на нее через “начальствующих особ, светских и духовных”. Приглашение, полученное “начальствующими особами” в провинциях, подписано было главноуправляющим иностранных исповеданий, лицом сильным, пользовавшимся доверием императора, далее, “начальствующим особам” было известно из писем, газет или из самых сообщений, что в комитете Общества находится также министр внутренних дел, министр народного просвещения, другие важные лица, обер-гофмейстер, сенаторы, а вскоре и первостепенные духовные лица, и этого было достаточно, чтобы комитет Библейского общества с первых минут стал в их глазах особым ведомством, очень сильным по лицам, его составляющим, и особенно по милостивому расположению и непосредственному участию самого императора, которое с особенной заботливостью выставлялось отчетами Общества. Воззвание к библейскому делу принимало вид административного циркуляра. Понятно, что циркуляр был исполнен и распоряжению дан должный ход. Что “начальствующие особы” считали воззвание почти обязательным, особенно в последующие годы, видно из того, как открывались провинциальные отделения, которые в несколько лет покрыли густой сетью всю Россию. Везде они открываются одним и тем же порядком, состояли из одних и тех же лиц: губернские власти, местный архиерей, гражданский губернатор или вице-губернатор, ректор семинарии, предводитель дворянства, соборный протоиерей, губернский прокурор, директор училищ, почтмейстер – непременно выбирали друг друга в комитет, и каждый по своему ведомству де-

дал надлежащие распоряжения. Нечего и говорить, что их приглашения к библейскому делу принимались подчиненными с таким усердием, какого только можно было желать. Во всех внезапно обнаружилась ревность к Слову Божию и стремление просвещать “сидящих в сени смертной” – как все стали теперь выражаться. Губернаторы начали говорить речи в собраниях своих губернских комитетов – совершенно похожие на проповеди, с текстами и славяно-церковным слогом; городничие и градские головы, капитан-исправники и стантовые пристава с успехом распространяли Священное Писание и доносили о том по начальству в благочестивых письмах, переполненных текстами. Таким образом, дело личного убеждения и добровольного выбора становилось исполнением приказа – и таких случаев было, конечно, множество. Такой порядок мог господствовать тем более, что пример подавали самые высшие инстанции: по епархиям вследствие высших распоряжений обязательно рассылались книги, для армии делались закупки по особым приказаниям. Пропаганда деятелей Б. общества распространилась, наконец, на учебные заведения и на детей. В особенности это имело место с 1818–19 г., когда стал заявлять свою ревность к библейскому делу Магницкий. Известно, до каких невозможных крайностей довел он свое библейское усердие в подчиненных ему Казанском университете и округе. В Казанском университете Магницкий, не покупая почти никаких книг для его библиотеки, приобрел, однако, на 10000 р. Библий и Новых Заветов; каждый студент обязан был иметь эти издания. Наконец, стали учреждаться формальные детские Библейские общества. Первым образчиком подобного общества было “Детское библейское сотоварищество”, учредившееся в Одессе из воспитанников Ришельевского лицея и торжественно открытое 27 декабря 1818 г. А в начале 1821 г. попечитель Харьковского университета З. Я. Карнеев, масон Новиковской школы, устроил между студентами и учениками вверенного ему университета “сотоварищество”, занятия которого были очень по-

хожи на начальные розенкрейцерские работы старого времени. Нет надобности говорить, что в Британском обществе не было ничего подобного этой официальной пропаганде и что она вполне была продуктом наших нравов. Британское общество было и осталось делом частных лиц, действовавших на тех же правах, какие были доступны всем, между прочим, и их противникам. Но у нас, когда власть стала относиться к Обществу иначе, тотчас же упал и весь авторитет, какой был этим путем приобретен, и само Общество стало как бы вне закона. Тогда получилась другая крайность: произошло то явление, что те самые вещи, которые в течение многих лет публично называемы были действием Божественной Десницы, знаком особенной милости Провидения, благословением для всего русского народа – стали вдруг называться крайним вредом и подкапыванием под церковь и государство».

Однако полностью остановить начатое дело власти не смогли. Нашлись подвижники, профессор Павский, архимандрит Макарий и др., которые продолжили работу над переводом Библии. Потребовалось еще более десяти лет, чтобы полностью завершить начатый труд.

Прошло более тридцати лет после злополучного распоряжения Николая I о закрытии Библейского общества. В мае 1858 года, когда в воздухе витал дух больших грядущих перемен, император Александр II издал указ о возобновлении работы над изданием русской Библии. Теперь за это взялся Святейший синод. Были привлечены лучшие российские научные силы. Учитывался опыт многих прежних переводов – древне-греческого (Септуагинты), латинского (Вульгаты), а также переводные тексты на сирийском, халдейском, арабском и др. языках.

С 1867 года начали выходить отдельные книги Библии в новом переводе. Спустя почти десять лет, в 1876 году, увидел свет полный текст Библии на русском языке. Он получил название «синодального перевода», поскольку на титульном листе отдельного внушительного тома, вмещавшего всю Библию, было напечатано: «Издается по благословении Святейшего Синода».

Этот перевод, появившийся в эпоху расцвета русской литературы, во времена И. С. Тургенева, Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого, отличался высокими литературными достоинствами, которые по сей день сохраняют свое значение.

После появления Библии на русском языке следующей задачей стало донесение ее до простого народа, до самых отдаленных уголков огромной империи. Поскольку в те времена не существовало разветвленных библиотечных и книготорговых систем, эта задача оказалась очень трудной. На помощь пришло созданное еще в 1863 г. в Петербурге «Общество для распространения Священного Писания в России». Его сотрудники называли себя старинным словом «книгоноши».

Для распространения книг Священного Писания не подходили обычные книготорговцы, а требовались люди глубоко верующие, отличающиеся благочестием, смиренностью и самоотверженностью. Этих качеств требовал их труд с постоянными разъездами, дорожными тяготами и неудобствами.

Среди книгонош были личности, поистине замечательные. Так, шестидесятилетний О. Б. Форхаммер распространил за десять лет, с 1863 по 1873 год, 58 тысяч экземпляров книг Священного Писания. В одном из своих отчетов он писал: «В высшей степени утешительно видеть, что Новый Завет на русском языке самый лучший, самый успешный между ними миссионер».

Известная книгоноша Синклитикия Петровна Филиппова имела прозвище «старушка с книгами». Будучи в преклонном возрасте (ей было далеко за семьдесят), она распространила 17 тысяч книг Священного Писания. С книжной кошелкой она ходила по улицам и рынкам, посещала церкви, заводы, трактиры Петербурга.

Во второй половине XIX века в Петербурге стали возникать другие религиозно-просветительские общества. Так, в 1872 году с высочайшего позволения Александра II было учреждено «Общество друзей духовного просвещения». В 1876 году В. А. Пашков и М. М. Корф основали «Общество поощрения духовно-нравственного чтения». Оно стало издавать переводные бро-

шюры евангельского содержания. Вышли в свет до двухсот наименований брошюр, в том числе такие, как «Мытарь и фарисей», «Сегодня или никогда!», «Истинная радость», «Что вы думаете о Христе?», «Примирился ли ты с Богом?», «Два слова о Библии». Они распространялись по всей России.

Были переизданы известные книги Дж. Буньяна «Путешествие пилигрима» и «Духовная война», которые в свое время произвели сильное впечатление на А. С. Пушкина, и который в своем стихотворении «Странник» поэтически изложил содержание первой главы «Путешествия пилигрима». Издавались духовные сочинения православных писателей – Тихона Воронежского, митрополита Михаила и др.

В апреле 1877 года император Александр II издал указ, в котором высоко оценивался труд всех, кто участвовал в переводе книг Священного Писания на русский язык и в их издании. Государь также высказывал надежду, что Слово Божье будет способствовать укреплению народа в вере и благочестии, будущему процветанию империи и ее народа.

В 1882 году по инициативе Пашкова и на его средства была издана русская Библия в каноническом составе. За восемь лет существования общества тираж изданных им книг и брошюр достиг нескольких миллионов. Всю деятельность по их изданию и распространению Пашков финансировал из своих личных средств. Эта христианская литература пользовалась огромной популярностью. В самых разных уголках России можно было встретить книгонош, предлагающих всем желающим Новый Завет и брошюры религиозного содержания.

Этот указ открывал широкие перспективы перед деятельностью библейских обществ и кружков, перед разными формами библейского, евангельского просвещения. Казалось, что не за горами христианский ренессанс, истинное религиозно-духовное возрождение России. Однако последующие события политической жизни разрушили эти надежды и надолго приостановили христианско-просветительскую деятельность как в Петербурге, так и во всей стране.

Старообрядчество в Санкт-Петербурге по данным храмостроительства

К. А. Костромин

В середине XVII века произошла русская национально-религиозная трагедия. Результатом реформ патриарха Никона, казалось бы совершенно безобидных, стало появление огромного числа церковных диссидентов, если понимать под этим понятие людей, не подчиняющихся официальным властям. Это оппозиционное движение в синодальной историографии получило наименование «старообрядчество», переименованное самими старообрядцами в «староверие»¹. Раскол до сих пор не утратил в силу непримиримости позиций обеих сторон вряд ли когда-нибудь будет разрешен.

В этом очерке нет возможности говорить основательно об отличительных сторонах старообрядческого движения, однако некоторых деталей истории необходимо будет коснуться при рассказе о старообрядчестве в Санкт-Петербурге.

Старообрядчество никогда не было сильно в столице, и тому есть немало причин. С одной стороны, сам город был основан только через 50 лет после трагических событий. Те люди, которые по приказу Петра I заселили нововыстроенную столицу, старообрядцами быть не могли. В первую очередь это была вывезенная из Москвы знать, которая в результате политических перипетий второй половины XVII века была вынуждена принять реформы. Не подчинившиеся боярские роды из страха перед репрессиями покинули Москву еще до рождения Петра. Ремесленники, которые строили первые особняки и крепость на Неве, состояли под наблюдением старообрядцы в их число не допускались. Вообще нужно заметить, что Петр, проводивший нетрадицион-

ную для России политику, в старообрядческом вопросе полностью продолжал политику царевны Софьи, что, впрочем, не мешало ему поддерживать хорошие отношения с таким лидером беспоповства, как Семен Денисович, одним из организаторов Выговского общежительства².

С другой стороны, Петербург и его окрестности никогда не являлись центрами старообрядчества. Здесь не пролегали дороги, не было крупных поселений, но и заброшенными эти места, столь близкие к Новгороду и Пскову, назвать нельзя. Этим причинами объясняется и тот факт, что старообрядцев в Санкт-Петербургской губернии было меньше, чем во многих других губерниях, даже в глубинке. Этот район, в силу его относительной незаселенности, но в то же время легкой доступности для царских карательных отрядов, не был привлекательным для поселения бежавших из Москвы и центральной России старообрядцев. И тем не менее старообрядцы все-таки проникли сюда, хотя жилось им довольно тяжело. Конечно, в пригородах их насчитывалось больше.

Кто же занес старообрядчество на Петербургскую землю? Прежде всего нужно назвать коренное крестьянское население, так называемых ингерманландцев. Как известно, территории Приневья изначально находились в подчинении у вольного Великого Новгорода. Демократические основы новгородской республики не были искоренены здесь даже после покорения Новгорода при Иване III и разгроме Новгорода при Иване IV. Кроме того, местное население, проживавшее на глубокой периферии, привыкло к определенной са-

мостоятельности, к молитве «без попа». Попытки провести реформу среди местного населения привели к его отторжению от Церкви, а привычка молиться без священника легко привела к распространению здесь беспоповства. До сих пор беспоповцев в Ленинградской области намного больше, чем поповцев.

Вторым источником распространения старообрядчества в столице стало купеческое сословие. Наиболее консервативное и дорожившее традициями, это сословие стало одним из главных распространителей старообрядчества по территории России с конца XVIII века, когда начался расцвет торгового предпринимательства. В силу того, что купечество тяготело к традиционности, те его представители, которые были старообрядцами, поддерживали идею восстановления церковной иерархии (с начала XVIII века иерархия у старообрядцев окончательно прекратилась из-за отсутствия епископата и смерти священников дониконновского поставления). Поэтому именно они финансировали поиск иерархии, который завершился в 1846 году присоединением к старообрядчеству митрополита Боснийского Амвросия, восстановившего архиерейскую иерархию у старообрядцев (так называемая Белокриницкая иерархия), а до ее появления многие из купцов поддерживали беглопоповское согласие (старообрядцы, соглашавшиеся до появления постоянной иерархии довольствоваться священниками, переходившими в старообрядчество из господствующей церкви) или были федосеевцами (в XVIII–XIX веках одно из самых многочисленных беспоповских старообрядческих согласий)³.

При Петре I заселение города было строго регламентировано и контролировалось со стороны государства, поэтому в первой четверти XVIII века старообрядцев в городе не могло быть много. Однако после смерти первого императора столица фактически вернулась в Москву, а Петербург начал превращаться в провинциальный центр, прежние значение которому было возвращено только племянницей Петра Анной Иоанновной в 1732 году⁴. Видимо, именно в это время в городе появились старообрядцы, хотя первое упоминание о них в официальных документах относится к 1723 году⁵. По крайней мере известно, что в 1752 году, когда «раскольникам» было разрешено создать кладбище в столице, они сразу воспользовались этой возможностью. Так, через 8 лет на Малой Охте (тогда это был довольно близкий, но труднодоступный пригород) появилось совместное федосеевско-поморское кладбище, на котором федосеевцами была построена небольшая деревянная часовня⁶. Там же, вокруг кладбища, и стали селиться беспоповцы, и этот район надолго стал традиционно беспоповским.

При Екатерине II положение старообрядцев улучшилось – Екатерина смотрела на них, в первую очередь, как на порядочных верноподданных, а потому на лояльность к своей власти она отвечала благосклонностью⁷. В ее правление в столице появилось сразу несколько старообрядческих центров: с 1762 года федосеевцы стали собираться в доме купца И. Ф. Долгова за рекой Фонтанкой близ Симеоновского моста; филипповская моленная была устроена в 1867 году купцом Ф. Ф. Косцовым при въезде в город у Семеновского моста; в 1877 году федосеевцы получили землю для устройства кладбища в районе реки Волковки, где тем же Косцовым была устроена мужская богадельня, которую в 1807 году дополнила и женская; в 1792 году на уже упоминавшемся Малоохтинском кладбище поморцами была построена каменная моленная⁸. Однако нужно сразу оговорить, что граница города в 1760–1770-х годах проходила по реке Фонтанке, во всяком случае, постройки за Фонтанкой считались

далекой окраиной, то есть все эти центры располагались практически за городом⁹.

Политика императора Павла в отношении старообрядцев повторяла политику матери. Указом от 12 марта 1798 года старообрядцам было разрешено строить церкви во всех епархиях. Этот указ коснулся и Санкт-Петербурга – рядом с уже имевшейся богадельней на Волковом поле был выделен участок для кладбища, на котором федосеевцы построили часовню¹⁰. Однако на этом крупные успехи старообрядцев в столице закончились. Ибо с именем Павла связано введение единоверия.

Официальная дата введения единоверия – 27 октября 1800 года. К единоверию, призванному примирить старообрядцев с господствующей церковью, староверы отнеслись с заслуженным недоверием. Сама синодальная церковь смотрела на единоверие как на уступку, которую потом, после объединения, можно будет постепенно ликвидировать. Впрочем, подобное отношение к единоверцам как к «недоправославным» сохраняется до сих пор. Павел вынудил заняться учреждением единоверия митрополита Московского Платона (Левшина), который был против подобных уступок. Как среди православных и католиков преобладает скептическое отношение к унии, так и староверы и православные смотрят на единоверие как на маргинальное движение с подозрительной «неправославной» позицией. Тем не менее единоверие было придумано именно для возвращения старообрядцев «под омофор» Синодальной церкви¹¹.

Результатом введения единоверия стало то, что Синодальная церковь получила реальную возможность (и реальный механизм) давления и борьбы со старообрядчеством, одобренных государственной властью. И эта борьба не замедлила проявиться. Уже в 1801 году кладбище на Волковом поле, всего три года назад выделенное для федосеевцев, было конфисковано в пользу единоверцев, которые к 27 января 1801 года превратили бывшую федосеевскую часовню в храм. Этот участок и дальше столь же бурно развивался: уже в 1809 году возникла потребность в

еще одном храме, который был построен и освящен к 1818 году, позднее храм трижды расширялся. Кроме того, была выстроена богадельня со своим собственным домовым храмом.

Однако введение единоверия все-таки началось без насилия: первая единоверческая (хотя и домовая) церковь была освящена еще в 1798 году иеромонахом Варлаамом на деньги купца И. И. Милова, отчего храм впоследствии получил прозвание Миловского. Это был первый храм в черте города, в котором практиковался старый обряд. Тот же Миллов построил в 1803 году еще один единоверческий храм на купленной им у православного Георгиевского кладбища земле¹².

Однако на этом успехи введения единоверия в столице временно закончились. Это видно на примере храма на Волковом кладбище – 9 лет прошло между закладкой и освящением храма. Единственный храм, построенный за это время для единоверцев, хотя и стоял посреди города, однако был построен в трудных условиях: единоверцы, лишившиеся во времена царствования Александра I прежней поддержки (Александр I вполне терпимо относился к старообрядчеству), раскололись. Именно для отколовшейся общины и нужен был храм. Строился он с трудом на средства, собираемые самими немногочисленными единоверцами, возглавляемыми купцом К. З. Чурсиновым, с 1820 по 1838 год, хотя первый престол был наснеп освящен еще в 1827 году¹³. Именно этот храм сохранился до сих пор, в нем сейчас располагается Музей Арктики и Антарктики, на это здание претендует главная петербургская община единоверцев.

Положение же старообрядцев в первой половине XIX века не изменилось. Взамен участка на Волковом кладбище, конфискованного в 1801 году, выходец из Москвы купец Ф. Громов в 1825 году подарил им землю в пригороде – на берегу Лиговского канала за Московским шоссе. Там вскоре была построена богадельня, а спустя 19 лет и храм. Впоследствии улица, проложенная рядом с кладбищем на Лиговском канале, получила наименование Старообрядческой. Гро-

мовское кладбище стало религиозным центром для старообрядцев поповского согласия. В 1811 и 1834 годах поморцам и федосеевцам удалось построить на кладбище в Малой Охте по богадельне и каменной моленной¹⁴. И снова приходится констатировать, что все старообрядческие храмы находились за чертой города, и хотя формально в 1830-х годах Охтинская часть была выделена в самостоятельный район города, он был настолько далек и труднодоступен, что мало отличался от пригорода¹⁵.

Новый этап истории старообрядчества в столице связан с событиями середины XIX века. В 1846 году довольно внезапно старообрядцы обрели иерархию. Почти отчаявшиеся эмиссары федосеевцев иноки Павел и Алимпий, возвращаясь из поездки по православному Востоку в поисках архиерея для старообрядцев, познакомились с находящимся на покое и проживавшим в Константинополе митрополитом Боснийским Амвросием. После ряда собеседований он дал свое согласие на присоединение к старообрядчеству и, переехав на жительство в Австрию, рукоположил двух епископов. Это стало известно в России, и в декабре 1847 года Николай I потребовал от австрийского правительства арестовать митрополита и его окружение. Австрийские власти ограничились лишь тем, что отправили митрополита Амвросия в ссылку. Первые епископы, пытавшиеся проникнуть в Россию, были арестованы¹⁶.

В 1848–1849 годах практически все европейские страны были охвачены революционным движением, вызванным очередным социально-экономическим кризисом. Эти революции, особенно свержение монархии Луи Филиппа во Франции и установление так называемой «второй республики», сильно напугали Николая I. Император сразу свернул всю программу преобразований, хотя она и не была обширной. К стати, взгляд исторической науки на личность Николая I последние 70 лет отличался изрядной предвзятостью. Николай I не был чужд идеям реформирования страны. Взять хотя бы реформу государственной деревни, проведенную в 1839–1841

годах П. Д. Киселевым. Николай I требовал, во-первых, тщательной проработки и осторожных действий и, во-вторых, признания со стороны секретных комитетов. За 1825–1848 годы императором было создано 9 секретных комитетов, то есть по одному каждые два с половиной года, но за последние 7 лет царствования – ни одного. Революция 1848 года продемонстрировала Николаю, что никакие преобразования не спасут страну от волнений, скорее наоборот – нестабильность общества во время проведения реформ приведет к появлению революционных настроений в России¹⁷.

Итак, последние два факта привели к изменению политики относительно старообрядцев – власти перешли к атаке на старообрядчество, видя в нем несогласие с государственной политикой относительно Церкви и, как следствие, возможность революционных настроений. Проводниками царской политики стали епархиальные архиереи, основную роль среди которых сыграл митрополит Московский Филарет (Дроздов).

Правительство начало «прижимать» старообрядцев. В 1847 году у федосеевцев было отобрадено здание мужской богадельни, находившейся на Волковом кладбище, из-за подозрения местной общины в связях с митрополитом Амвросием. В результате старовеерам пришлось, скопив денег, в 1871–1872 годах расширить и надстроить здание женской богадельни, в которой устроили домовую моленную. В 1848 году власти закрыли только что отстроенную каменную моленную филипповцев на Фонтанке, в результате чего до 1883 года они вынуждены были молиться тайно. В 1852 году все помещения поморцев и федосеевцев на Малоохтинском кладбище были отобраны в пользу господствующей церкви. Только через 13 лет им удалось отстроить рядом с кладбищем новую небольшую богадельню. В июле 1854 года была опечатана моленная поморцев около Симеоновского моста, часть имущества которой все-таки оказалась в руках староверов, возобновивших моленную лишь в 1863 году в одном из флигелей опечатанного здания¹⁸.

Эти репрессии, выразившиеся в первую очередь в закрытии храмов и моленных, имели и еще две стороны. Во-первых, в 1855 году вышел указ, запрещавший старообрядцам записываться в купеческое сословие. Этой мерой власти попытались нанести удар по экономической составляющей – поступлениям средств в старообрядческие общества¹⁹. Во-вторых, активизировались единоверцы. Грандиозное строительство развернулось в районе Большеохтинского единоверческого кладбища. В 1848–1853 годах были построены богадельня и храм, старая часовня в 1854 году перестроена в теплую однопрестольную церковь. Еще один храм там же был построен в 1867–1868 годах. Улица, пролежавшая мимо этого кладбища, была названа Единоверческой. Кроме этого, большой храм сменил небольшую домовую Миловскую церковь на Захарьевской улице, в самом центре города около Литейного проспекта²⁰.

Все эти успехи единоверия связаны с притеснением старообрядцев и призваны были отвлечь староверов от обретенной иерархии. Отчасти это удалось, ибо из пяти старообрядческих центров только один храм – на Старообрядческой улице – стал принадлежать белокриницкой иерархии, остальные остались беспоповскими. Однако даже у этого единственного поповского храма начались проблемы. Около середины 50-х годов XIX века в храме появился священник, а уже через пять–семь лет в общине произошел раскол. Этот раскол 1862 года сильно ослабил нарождающуюся старообрядческую церковь и был связан с принятием Округного послания, подписанного митрополитом Амвросием. Раскол произошел практически во всех белокриницких общинах и не миновал столицу. Так называемая окружническая община, то есть община, принявшая Округное послание, осталась в храме на Громовском кладбище на Старообрядческой улице, а «неокружнической» общине пришлось искать себе другое место. Члены общины скитались по квартирам до 1907 года, когда им удалось зарегистрировать общину²¹.

Во второй половине XIX века в обществе начал пробуждаться

интерес к старообрядчеству и его истории. Взгляд на раскол становился все менее субъективным. Подобные тенденции практически обошли стороной столицу Российской империи. Очевидно, цензура здесь была более строгой, чем где бы то ни было. Так или иначе, Санкт-Петербург не почувствовал этой общероссийской религиозной «оттепели»²².

За всю вторую половину XIX века трудно проследить рост старообрядческих общин. Если он имел место, то проходил в рамках уже имевшихся общин, что невозможно зафиксировать. Иногда Министерство внутренних дел пыталось вести статистику, однако даже тогда была очевидна ее полнейшая необъективность²³. За всю вторую половину XIX века в Петербурге появилась лишь одна община – женский федосеевский скит с богадельней. Попытки реализовать завещание умершего в 1882 году купца П. И. Чубыкина не удавались до 1905 года. Он завещал построить богадельню, передав ее в ведение белокрыницкой иерархии²⁴.

Изменения в отношениях к старообрядчеству проявились в Манифесте 26 февраля 1903 года. В нем говорилось, что православная Церковь в России является «первенствующей и господствующей», но всем подданным инославных и иноверных исповеданий предоставляется право свободно

отправлять их веру и богослужения по их обрядам. Высочайший указ от 17 апреля 1905 года «Об укреплении начал веротерпимости» идет дальше: отпадение от православия в другую веру больше не преследуется по закону, «раскольники» переименовываются в старообрядцев, разрешается строить храмы, распечатываются все запечатанные старообрядческие храмы. Этот указ стал поводом для установления старообрядцами особого церковного праздника, ибо в тот день после 50 лет запечатания были распечатаны алтари храмов на Рогожском кладбище в Москве. Итог подведен в знаменитом Манифесте 17 октября 1905 года «Об усовершенствовании государственного порядка», в котором всему населению даровались «незыблемые основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов»²⁵.

Старообрядцы почувствовали свободу. Можно привести статистику: если за предыдущие 60 лет в городе появился только один старообрядческий поповский храм, то за следующие 10 лет (1905–1915) таковых возведено пять, причем один принадлежал общине «неокружников», а еще один – беглопоповцам, постоянная иерархия у которых появилась только в 1920 году. Беспоповских храмов построено меньше – всего четыре, тем не менее интенсивность их

строительства была, несомненно, выше, чем это было ранее. Для сравнения единоверцы, уже имевшие в своем распоряжении семь храмов, смогли построить только еще один.

Внезапно наступившие революции немного подорвали потенциал старообрядцев, однако первые годы советская власть придерживалась в своей религиозной политике принципа «разделяй и властвуй», а потому поддерживала различные противоборствующие патриаршей церкви течения, в том числе и старообрядцев. Староверы не ответили взаимностью, неприязнь к марксизму и социализму проявилась еще до революции. Примером может служить статья «Социализм и старообрядчество», опубликованная в журнале белокрыницкой иерархии «Голос Церкви» в 1918 году. Вот ее вывод: «Путь социализма – путь через разрушение религии, Церкви... вне Бога и вне Христа. С кем же старообрядцы? Каково должно быть их отношение к социалистическим партиям? Ответ здесь может быть только отрицательный... Поэтому мы решительно против социалистов типа Маркса. Вообще должно сказать: по существу своему, по духу и укладу нашей жизни не может удовлетворить нас ни одна из существующих партий»²⁶.

Свобода, предоставленная старообрядцам в первые годы советской власти, дала свои скромные

Моленная Казанской иконы Богоматери (Рыбацкое)

Моленная Знамения Пресвятой Богородицы

Моленная на Коломенской

плоды: в начале 1920-х годов белокрыницкой стала община одного из единоверческих храмов, а чуть раньше белокрыницкая община сменила общину одной из федосеевских моленных. Вскоре старообрядческие храмы стали закрывать, и к началу 1930-х годов все они были закрыты. Последний старообрядческий архиерей Петербургской епархии епископ Геронтий (Лакомкин) был в 1933 году репрессирован²⁷. Казалось, старообрядчество прекратилось на Петербургской земле.

Каково же состояние старообрядчества сейчас и каковы причины этого? Для ответа на этот вопрос нужно дать общую характеристику старообрядчества в Ленинграде, или, вернее, в Ленинградской области, в советское время. Так как в самом городе действующих храмов не осталось, то последним старообрядцам пришлось либо встречаться на квартирах, либо ездить в областные общины, где еще оставались в живых наставники или верующие старушки, могущие править церковную службу. Кроме того, за годы репрессий 1920–1930-х годов, войны и блокады, дальнейших выселений и арестов население Ленинграда сменилось на 80% новыми людьми из других областей страны, преимущественно из глубинки. Местных староверов оставалось все меньше. Нужно отметить, что именно тогда стало заметно, что поповцев среди местных старообрядцев было совсем мало, хотя даже в 60–70-е годы в

Моленная на Тверской

городе жил старообрядческий священник Илья, чудом выживший в концлагере в Германии и после него. У областных старообрядцев было довольно много книг, что облегчало возможность молиться. Однако полная разобщенность староверов привела их к кризису и полному вырождению. С 1960-х годов, после хрущевской «оттепели», стал назреть кризис религиозности. Кроме того, именно на это время приходится коренная ломка деревенского быта, в особенности быта областей при мегаполисах. Старообрядчество начало умирать.

Тем не менее, как это ни странно, в городе в советское время появился новый центр старообрядче-

ства, причем принесший немало пользы и привлекший изрядное количество интеллигенции. Имеется в виду Институт русской литературы (ИРЛИ, Пушкинский Дом). Благодаря налаженной работе отдела древнерусской литературы, которым долгие годы руководил академик Д. С. Лихачев, и созданию в 1960-х годах В. И. Малышевым прекрасного Древлехранилища все больше ученых буквально влюблялись в изучаемое ими старообрядчество.

Сейчас, несмотря на предоставленную свободу, староверы-беспоповцы не могут встать на ноги, по крайней мере в Петербурге и Ленинградской области. Когда-то их было очень много, но теперь население окрестных дере-

вень в основном помнит только, что они – староверы, что креститься надо не «щепотью», а двуперстно (хотя сами молитвы уже давно позабыты) и что нельзя ходить в «эти никониянские», «мирские» храмы. Порой в этой «бывшей» старообрядческой среде можно услышать и совершенно нелепые представления. Например, утверждение о том, что «эти цветные одежды у попов в никониянских храмах от скоморохов. От Христа до раскола попы в такие одежды не рядились. Все было строго – служили только в черных рясах». Сейчас в области действует лишь одна моленная в селе Лампово. Когда-то это был крупный центр. Сейчас община на грани вымира-

ния. Нет наставника. Дети последних престарелых прихожанок если и верят, то предпочитают ходить в православные храмы. Да и сами пожилые староверы нередко носят крестить внуков в православные храмы.

В самом городе обстановка кажется немного более жизнерадостной. Беспоповцы имеют две моленные. Одна, Казанской иконы Божией Матери, – на крохотном кладбище в одном из новых районов Петербурга – в Рыбацком. Этот храм старый, однако до закрытия принадлежал Патриаршей церкви. Рядом с ним выстроено большое здание старообрядческого центра со своей внутренней моленной Знамения Пресвятой Богородицы, в котором в 2007 году состоялся собор Древлеправославной Поморской церкви. Другая моленная закрыта для посторонних, хотя и находится в центре города – на Коломенской улице. Однако, по отзывам прихожан, общины довольно малочисленны, не превышают 50 человек. В декабре 2004 года поморской общине было передано также здание старообрядческой моленной на Тверской улице, построенной поморцами в 1907 году. 10 декабря в ней состоялся торжественный молебен, после чего началась государственная реконструкция здания²⁸. Сами старообрядцы оценивают количество постоянных прихожан (причем всех согласий вместе взятых) в Санкт-Петербурге в 800 человек.

Поповцы пытаются возродиться, однако сталкиваются с той же

Покровская церковь в Обухово

проблемой – отсутствием прихожан. Их положение труднее: у них не было здесь надежной базы. Тем не менее еще в 1985 году они получили в пользование также бывший православный храм (ныне Покровский) на окраине Петербурга – в Обухово. Благодаря активной деятельности недавнего председателя Русской православной старообрядческой церкви митрополита Адриана (Четвергова), приехавшего в Петербург с пастырским визитом в июле 2005 года, поповцы получили еще один храм, в центре города (в Транспортном переулке), причем исконно старообрядческий.

Часовня Единоверцев на ул. Марата

Сами старообрядцы-поповцы оценивают свой потенциал как растущий. Однако вряд ли можно с этим согласиться. В городе действуют три общины, две из которых пока не имеют своего храма. Переданный Лиговской общине храм нуждается в серьезной реконструкции и ремонте. Община Громовского кладбища, что на Ташкентской (бывшей Старообрядческой) улице, собирается строить новый храм, но не имеет на это средств. В октябре 2004 года в Москве епископ Амвросий (Герцог) был назначен на вновь образованную Санкт-Петербургскую и Тверскую кафедру. 6 января епис-

Храм в Транспортном переулке

коп Амвросий отслужил в Петербурге первую литургию, но уже к концу года кафедра была снова упразднена, а епископ, немец по национальности, уехал на родину. Количество прихожан со временем только сокращается.

Единоверие также пытается возродиться в современном Петербурге, однако единоверцев преследуют почти постоянные трудности. Храм Николая Чудотворца на улице Марата, в самом центре города, здание которого занимает Музей Арктики и Антарктики, не хотят возвращать единоверческой общине, ютящейся рядом в крохотной часовне. Ее настоятель иерей Петр Чубаров чудом умудрился соорудить в ней алтарь. Кроме этой общины есть еще одна, но она находится в Павлово-на-Неве, куда трудно доб-

Крест, поставленный на Громовском кладбище на месте старообрядческого храма Успения Пресвятой Богородицы (1844–1922)

раться, несмотря на кажущуюся близость к городу. Самых единоверцев крайне мало, что показало празднование такой юбилейной даты, как 200 лет учреждения единоверия – присутствовали 7 священников и около 30 верующих.

В целом перспективу существования старообрядчества в Санкт-Петербурге нельзя оценить положительно. Современные поповцы рассчитывают привлечь паству из беспоповских старообрядцев, переставших ходить в свои моленные, однако это едва ли удастся, хотя само общество в Северной столице настроено к старообрядчеству намного более дружелюбно, чем в Москве. Так или иначе, пока старообрядчество живо, оно хранит для России остатки богатой русской средневековой культуры, и будет жаль, если оно умрет.

- ¹ См. подробнее: Зеньковский С. А. Русское старообрядчество. Духовные течения XVII века. М.: Церковь, 1995; Крамер А. В. Причины, начало и последствия раскола русской церкви в середине XVII века. СПб.: Роза мира, 2005.
- ² Виноград российский. М.: Интерпракс, 1992. С. 10. Старообрядчество. Лица, события, предметы и символы: Опыт энцикл. словаря / Под ред. С. Г. Вургафта и И. А. Ушакова. М.: Церковь, 1996. – С. 87.
- ³ Крамер А. В. Указ. соч. С. 205.
- ⁴ Богуславский Г. Петербург, 125 недель истории. Очерк 27. Возвращение столицы // С.-Петерб. курьер. 2001. 12–18 июля. № 27. С. 10.
- ⁵ Кожурин К. Я. 100-летие соборного храма Знамения в Петербурге // Календарь Древлеправославной Поморской Церкви на 2007 год. М., Издание единого Совета ДПЦ, 2007. – С. 86.
- ⁶ Антонов В. В., Кобак А. В. Святые Санкт-Петербурга: Ист.-церков. энциклопедия: В 3 т. – СПб.: Изд-во Чернышова, 1996. Т. 3. С. 210.
- ⁷ Мельников Ф. Е. Краткая история Древлеправославной (Старообрядческой) Церкви // Собрание сочинений. Барнаул: БГПУ, 1999. Т. 1. С. 175.
- ⁸ Антонов В. В., Кобак А. В. Указ. соч. С. 208, 209, 213.
- ⁹ Авсеенко В. Г. История города Санкт-Петербурга в лицах и картинках. 1703–1903: Ист. очерк. СПб.: Сотис, Пересвет, 1993. С. 110.
- ¹⁰ Антонов В. В., Кобак А. В. Указ. соч. С. 199.
- ¹¹ Мельников Ф. Е. Указ. соч. С. 151–153.
- ¹² Антонов В. В., Кобак А. В. Указ. соч. С. 195, 197, 199–200.
- ¹³ Там же. С. 198.
- ¹⁴ Там же. С. 205. Старообрядчество. Лица, события, предметы и символы. С. 79–81.
- ¹⁵ Даринский А. В., Старцев В. И. История Санкт-Петербурга: XVIII–XIX вв. СПб.: Глагол, 1999. С. 112–113.
- ¹⁶ Мельников Ф. Е. В защиту старообрядческой иерархии. Блуждающее богословие. Об именованном перстосложении / Собрание сочинений. Барнаул: АКООХ-И, 2002. Т. 4. Мельников Ф. Е. Конец сомнениям в законности старообрядческой иерархии: Исслед. о крещении и святительском достоинстве митрополита Амвросия. О старообрядческом священстве до митрополита Амвросия / Собрание сочинений. Барнаул: АКООХ-И, 2003. Т. 5.
- ¹⁷ Виппер Р. Ю. История нового времени. М.: ЧеРо, 1999. С. 445–473. Китанина Т. М. Российское общество: сословная и экономическая политика правительства. 1800–1917 гг.: Программа лекц. курса. СПб.: СПбГУ, 2003. С. 4.
- ¹⁸ Антонов В. В., Кобак А. В. Указ. соч. С. 208–211, 213.
- ¹⁹ Мельников Ф. Е. Краткая история Древлеправославной (Старообрядческой) Церкви. С. 177.
- ²⁰ Антонов В. В., Кобак А. В. Указ. соч. С. 195–197.
- ²¹ Мельников Ф. Е. Краткая история Древлеправославной (Старообрядческой) Церкви. С. 352–359; Антонов В. В., Кобак А. В. Указ. соч. С. 206.
- ²² Молзинский В. В. Очерки русской дореволюционной историографии старообрядчества. СПб.: СПбГУКИ, 2001.
- ²³ Ершова О. П. Старообрядчество и власть. М.: Уникум-Центр, 1999. С. 72–75.
- ²⁴ Антонов В. В., Кобак А. В. Указ. соч. С. 203, 211.
- ²⁵ Церковь: Старообряд. церков.-обществ. журн. (Москва). 2005. Вып. 7. С. 5–21.
- ²⁶ Социализм и старообрядчество // Родина. 1990. № 9. С. 76–77.
- ²⁷ Старообрядчество. Лица, события, предметы и символы. С. 74–75.
- ²⁸ Кожурин К. Я. 100-летие соборного храма Знамения в Петербурге... С. 89.

Авва Киприан

Памяти Н. К. Юрковского

Л. А. Юрковская

Лицо, глядящее на нас с фотографии конца 50-х годов прошлого века, аскетично, красиво и трагично. Это архимандрит Киприан Керн, служивший православию во Франции. Аввой (отцом) называли его русские друзья в Париже.

А в детстве звали его Костя, родился он в 1899 году в Туле и был младшим из пятерых детей Эдуарда Эдуардовича Керна – лесоведа, дендролога, доктора сельскохозяйственных наук, с 1899 по 1905 год занимавшего пост директора Лесного института в Петербурге. Вся семья жила в директорском доме, который сгорел во время Второй мировой войны. Предки Э. Э. Керна попали в Россию из Саксонии, а более далекие бежали туда из Англии во времена Реформации. Отец Э. Э. Керна преподавал ботанику в Московском университете. Интересен он еще и тем, что был племянником Ермолая Федоровича Керна – мужа прославленной Пушкиным Анны Петровны Керн. Мать – Матильда Адамовна Вейзе, родом из Лифляндии, умерла при родах второго сына в 1856 году, двух пасынков воспитывала Клара Васильевна Каупе.

Итак, со стороны отца у Кости корни англо-саксонские, а вот матушка его Глафира Дамиановна, урожденная Тимофеевская, из рода тульских купцов, владельцев марки знаменитой «Тимофеевской» водки. Согласно семейной легенде, одна из прабабок Глафиры Дамиановны была родом из Волхова, после смерти мужа поставила детей на ноги одна, а доход имела от торговли пирогами на Волховском мосту.

Э. Э. Керн после окончания Петровской сельскохозяйственной академии в Москве в 80-е годы работал лесничим в Тульской губернии, там и свела его судьба с Г. Д. Тимофеевской. В приданое она получила имение в селе Сежа Тульского уезда, при впадении

о. Киприан.
Последние годы жизни

Глафира Дамиановна Керн

речки Сежи в Упу в 8 верстах от Тулы, и вот туда-то каждое лето семья отправлялась с чадами, домочадцами, слугами, гувернантками. Как вспоминала Анна, одна из дочерей, дети с удовольствием занимались сельскими работами, отец по всем правилам лесной науки обустроивал свое имение, а

также помогал Льву Николаевичу Толстому в Ясной Поляне. Анна Эдуардовна вспоминала, как однажды она ездилась с отцом к Толстому, но графа дома не оказалось. За 10 лет до смерти Анна переехала с семьей сына в Выборгский район, в дом, расположенный в двух шагах от Лесотехнической академии, возвратившись в край детства. Умерла она в 1984 году.

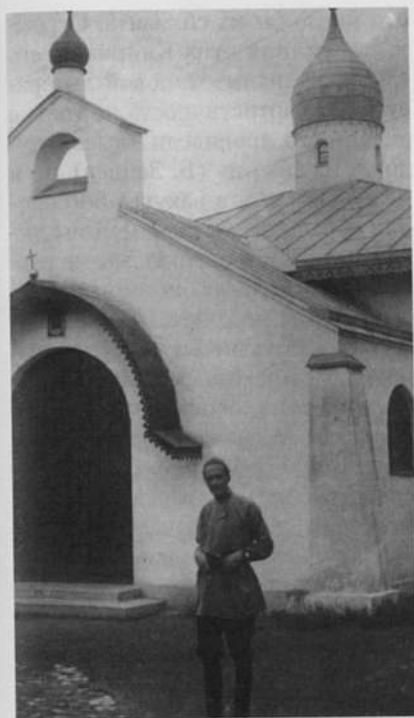
В 1909 году состоялся лесной съезд, организовал который Эдуард Эдуардович; были изготовлены памятные стеклянные пирамидки с соответствующей надписью, одна из них и поныне хранится в семье.

Эдуард Эдуардович – человек деятельный и как все немцы трудолюбивый, по делам службы много разъезжал по России и за границей. Для постановки и развития лесного дела в России он сделал чрезвычайно много. Работал он до последних дней жизни. Глафира Дамиановна жила интересами мужа, и все свои помыслы и дела направляла на семью. Была она человеком образованным, глубоко чувствующим и верующим. Не-

Эдуард Эдуардович Керн в зале совета профессоров Лесного института

о. Киприан. Лето 1925 г.

мецкая, английская, русская кровь смешалась в их детях – талантливых, трудолюбивых и почтительных к родителям. Сохранившаяся переписка свидетельствует о нежных и глубоких отношениях между всеми членами семьи.

Дети были одарены немалыми талантами. Миша – средний сын – увлекался живописью (в семье сохранились его работы маслом), археологией, а также фотографией. На одной фотографии надпись: «Первая Мишина фотография». На ней запечатлен младший сын Костя с мамой в доме директора Лесного института в Петербурге. Аня увлекалась археологией, но стала архитектором: она окончила Петербургскую академию художеств, принимала участие в проектировании Дома Советов в Москве. Катя – старшая дочь – была главной помощницей матери в воспитании младших, весьма ответственным и очень сердечным человеком. Костя – самый талантливый, самый веселый (по словам Кати), «в отличие от нас остальных – застегнутых на все пуговицы», писал стихи, очень много читал. Учился он в Александровском лицее в Петербурге, после окончания которого поступил в Московский университет сразу на III курс.

Счастливая жизнь семьи прервалась в 1917 году. Миша был на

фронтах Первой мировой войны, командовал отрядом гидротехнических работ на Кавказе, в Турции и пропал без вести в 1919 году. Катя вышла замуж за известного ученого-агронома Александра Ивановича Стебута и уехала с ним в Белград, куда он был приглашен завести кафедру. Костя поехал вслед за любимой старшей сестрой, ее и А. И. Стебута он считал вторыми родителями и во всем советовался с ними. В Белграде его зачислили на III курс юридического факультета университета. В 1925 году он окончил и богословский факультет. Что привело его к такому решению? Может быть, мучительные поиски своего пути в это сложное запутанное время.

о. Киприан. Битоля. 1927 г.

Константин Эдуардович был направлен в Битоля, в Македонию, и преподавал там греческий язык. По складу ума и характеру он, несомненно, тяготел к научной деятельности, а поскольку интересы и познания его были многогранны и обширны, то и в лоне церкви им находилось применение. В 1929–1931 годах он руководил русской миссией в Палестине и одновременно заведывал археологическим участком. Малярия заставила его вернуться в Битоля, где до 1935 года он служил инспектором семинарии.

В 1928 году в Белграде произошло знакомство Константина Керна (отца Киприана) с русским писателем-эмигрантом Борисом Константиновичем Зайцевым, приехавшим на литературный съезд. Ни один из них не предполагал, наверное, что это знакомство перерастет в глубокую дружбу. Существует портрет 29-летнего отца Киприана, сделанный Б. К. Зайцевым. Отец Киприан уже возведен в сан архимандрита. Б. К. Зайцев описывает свое первое впечатление о нем так: «Навстречу мне поднялся высокий, тонкий, с прекрасными большими глазами, изящными руками молодой монах... Он очень мне сразу понравился... Красотой и изяществом, особой утонченностью облика и манер». Отец Киприан искал встречи с писателем, чтобы вручить ему свою книжку «Крины молитвенные» – сборник статей по литургическому богословию. Б. К. Зайцев сразу понял, что молодому архимандриту предопределено место в Сергиевом подворье в Париже.

Этот приют православия и Богословский институт при нем были созданы по инициативе митрополита Евлогия и трудами его самого и других русских православных эмигрантов. Митрополит Евлогий – выходец из сельского священничества Тульской губернии. Жизнь, полная драматическими событиями, привела его в эмиграцию. На покупку возвышенного места (хол-

о. Киприан. Иерусалим. 1930 г.

ма, как называли его создатели) с бывшей протестантской церковью митрополит выложил все, что имел, надеясь, что Божье дело не обойдется без Божьей помощи. Деньги пожертвовал барон Гинсбург. В Богословском институте тогда сосредоточился цвет русской богословской и философской мысли. Назовем хотя бы два имени: С. Булгаков и Н. Бердяев.

В 1935 году отца Киприана избрали экстраординарным, а затем ординарным профессором в Богословский институт. После его смерти сестра Катя передала Богословскому институту богатейшую библиотеку брата.

Итак, с 1935 по 1960 год отец Киприан жил в Париже. Первоначально он был настоятелем церкви на рю Лурмель, а потом получил маленький приход в Клараре, в 12 километрах от Парижа, в бывшем имении Трубецких, где вел службы. Сумел реализовать и наследственную любовь к земле – запущенный участок около института он собственными руками превратил в цветущий сад. Во время войны и немецкой оккупации Сергиево подворье не пострадало. Два военных лета отец Киприан провел с семьей Зайцевых в поместье их друга, профессора Ельяшевича в Бюсси. За комнатой отца Киприана находилась часовня, там он проводил службы для всех обитателей дома, а Борис Зайцев ему помогал. Именно здесь, пожалуй, отец Киприан раскрылся другу-писателю во всем многообразии своей натуры – и как знаток природы, и как изумительный рассказчик (надо отметить, что это качество перешлось и его племяннику, и его внучатой племяннице). Вообще, Зайцев считал, что отец Киприан мог быть великолепным актером. Этот талант проявлялся и во время богослужения – прекрасный голос, вкус, артистичность. Отец Киприан неустанно работал. Имел немало трудов по богословию, некоторые из них появились в российских научно-богословских изданиях. В журнале «Церковь и время» за 1998 год в разделе «Русское богословское наследие» была опубликована его статья «Ангелы, иночество, человечество» с характерным подзаголовком «К вопросу об ученом монашестве». Анализируя эту триаду, отец Киприан со

страстью пишет о служении иноков, об их светоносности, связующей роли, духовности и о необходимости создания в православии ученого монашеского ордена. В 1948 году он получил степень доктора богословия за огромный труд «Антропология Св. Григория Паламы» и голубой эмалевый крест с распятием в нем на архимандричью рясу. Нужно отметить, что Богословский институт в Париже был одним из родоначальников экуменизма. Каждое лето в нем устраивались съезды представителей всех ветвей христианства. Их главным вдохновителем и устройтелем являлся отец Киприан, причем с немецкой педантичностью он вникал во все детали этого предприятия. Не только теоретические дискуссии были проблемками экуменизма. Ученые Сергиево подворья осуществили перевод Нового Завета, который издало Библейское общество в Лондоне, то есть англикане. Но, помимо профессиональных интересов и трудов, отец Киприан, будучи человеком разносторонним, не оставался в стороне от жизни эмигрантского интеллектуального круга. Он был знаком с Дмитрием Сергеевичем Мережковским, с большим уважением относился к его литературной деятельности. Жена Бориса Зайцева настоятельно рекомендовала Нине Берберовой (ее книги сейчас достаточно известны в России) познакомиться с отцом Киприаном. В своей книге «Курсив мой» Берберова описывает их встречу и, в частности, пишет: «Я спросила его, почему, если церковь обладает полнотой истины, а он сын церкви, он так мрачен? Почему не радуется? Он ответил, что всю жизнь был отчаянным пессимистом и что это, вероятно, оттого, что он физически больной человек. С больным человеком говорить мне стало неинтересно, и я ушла». Непростой характер друга отмечал и Борис Зайцев, но, очевидно, согласно латинской поговорке, подобное притягивает подобное. Мягкий, религиозный, очень доброжелательный, Борис Зайцев видел в Константине Керне прежде всего светлое начало. Ну а Берберова – женщина сильная, много терявшая, бросающая и не боявшаяся этого – человек абсолютно другого типа – не хотела увидеть в новом знакомце того,

что могло бы их сблизить. Огромная эрудиция отца Киприана, его глубокое знание мировой литературы, его артистичность не только делали его проповеди «высокохудожественными» (Б. Зайцев), но и позволяли ему в ракурсе богословия обращаться к любимой им литературе. К сожалению, мы не располагаем полной библиографией его трудов, но довелось познакомиться с его статьей «О религиозном пути Александра Блока» в религиозно-философском журнале «Беседа», издающемся в России и Париже (№ 3, 1985 г.). В статье он вслед за Пястом называет Блока «одной из своих “безнадежных любовей”». Отец Киприан, анализируя творчество поэта, показывает его путь к Богу, очень тяжелый, мучительный. Не принимавший официальной церкви как части российской прогнившей бюрократической системы, поэт, несомненно, «нашел в своем сердце своего живого Бога» (цитата из статьи Блока «Вопросы, вопросы, вопросы»).

Далеко не безмятежным был путь и самого о. Киприана – Константина Эдуардовича Керна. Оторванный от Родины, не имевший вестей ни о ком из родных, он мог переписываться только с Катей, жившей в Белграде, а Катя, в свою очередь, возобновила переписку с сестрой Аней, жившей в Ленинграде, только после Второй мировой войны. Как и все настоящие русские люди, в эмиграции он тосковал по Родине и мог быть ей очень полезен. Поэтому так часто не мрак (как показалось Берберовой), а печаль была в его глазах. Единственная наследница этой семьи, внучатая племянница отца Киприана, глядя на его портрет, сказала: «А ведь не было покоя в его душе».

Скончался Константин Эдуардович Керн в 1960 году на руках сестры милосердия. Читал над ним Евангелие в числе других и Борис Константинович Зайцев, читал притчу о блудном сыне. Из четырех детей Эдуарда Эдуардовича и Глафиры Дамиановны (одна из дочерей умерла в раннем детстве) только у Анны Эдуардовны были дети – старший ребенок умер в детстве, младший сын жил в Петербурге, был историком и скончался в 2003 году.

Летний дворец императрицы Анны Иоанновны

А. Ю. Епатко

Летний деревянный дворец Анны Иоанновны входит в число не сохранившихся построек Летнего сада. Однако трудно назвать строение, столь мало просуществовавшее на территории императорского сада – всего 15 лет – и оставившее такой яркий след в его истории. Действительно, на протяжении восьми лет дворец Анны Иоанновны оставался летней императорской резиденцией, где бился политический пульс всей Российской империи. В его стенах в 1740 году окончила свой жизненный путь императрица, и там же было оглашено ее завещание. В Летнем дворце было провозглашено регентство Бирона, а высокие сановники и гвардия присягали малолетнему императору Иоанну Антоновичу. С любимым дворцом Анны Иоанновны связана одна из самых драматических страниц нашей истории – арест герцога Курляндского Бирона, бывшего фаворита императрицы.

Неудивительно, что, получив столь мрачную славу, дворец более не мог оставаться императорской резиденцией и восемь лет спустя был разобран. И все же история деревянного Летнего дворца, обладавшего столь переменчивой судьбой, неотделима от истории Летнего сада, как неотделима от него каждая исчезнувшая беседка, искусственный пруд, аллея или фонтан...

Летний дворец Анны Иоанновны был возведен в 1732 году на набережной Невы на месте «Залы для славных торжествований», по этому случаю разобранной. Его архитектором был Франческо Растрелли при участии отца – Бартоломео Растрелли. Подробное сообщение о строительстве дворца можно найти в «Реляциях» Франческо Ра-

Франческо Растрелли.
Гравюра Масолова
с портрета Ротари

стрелли, предназначенной для некоего мецената. «В июле месяце того же года, – сообщал своему адресату архитектор, – Ея императорское Величество отослало меня в Санкт-Петербург, где я выстроил деревянный дворец у реки Невы, каковой имел 28 апартаментов с большой залой; все было закончено к 1-му октябрю»¹.

Эта «Реляция», составленная Растрелли в 1764 году, по-своему очень любопытна, если не сказать загадочна.

Подыскивая себе на старости лет уютное место, стареющий архитектор обратился к своему возможному покровителю, мало знакомому с русским двором. Он вспоминает свои заслуги и перечисляет возведенные им здания, снимает копии со своих чертежей... Однако, как установил Ю. М. Денисов, фасады Летнего дворца императрицы Анны, находящиеся в эрмитажной коллекции Растрелли, принципиально

отличаются от подобных же чертежей коллекции Берхгольца в Стокгольме. «Сравнения их показывают, – писал исследователь, – что зодчий... перерисовал старые чертежи заново, ввел иные детали и части композиции. В результате довольно примитивное строение Летнего дворца стало выглядеть как блестящая постройка барокко середины XVIII века»².

Строительство дворца шло с поразительной быстротой, и через шесть недель оно уже было закончено. По этому поводу шведский ученый Карл Рейнхольд Берк писал: «Растрелли жаловался на русских, желающих иметь всякое здание готовым как можно скорее. Через считанные дни после приказа о создании чертежа он уже должен быть готов, и обычно тут же утверждается... Сразу спрашивают, как скоро он может быть реализован. Если архитектор отвечает, что на это потребуется, скажем, шесть месяцев и 200 работников ежедневно, то следует приказ собрать 1200 человек, с тем чтобы здание было выстроено за месяц. Все делается в страшной спешке, принимаются за работу мастера – и худые, и умелые; быстро свозятся материалы, плохие они или хорошие; замки для дверей выпиливаются, когда еще только закладываются фундаментные камни, и так далее. Архитектор должен наблюдать за всем этим и давать чертеж то одному, то другому чуть ли не одновременно».

Неудивительно, что спешка в строительстве скоро дала о себе знать: по свидетельству того же Берка, уже через 3 года после переезда Анны Иоанновны во дворец балки под полом уже сгнили³. Возможно, это явилось следствием недостаточно добросовестной под-

сыпки грунта на низменном сыром месте, где был возведен дворец.

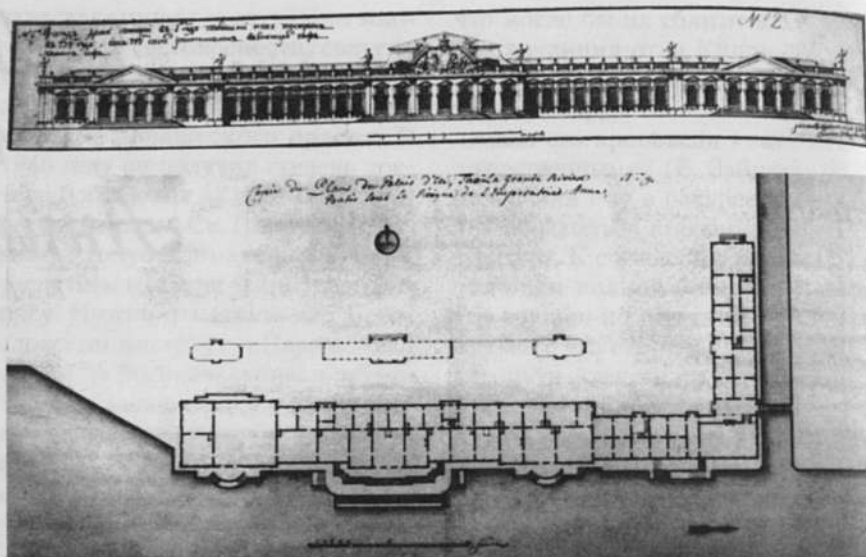
Как же выглядело это строение, возведенное волею императрицы и гением итальянского зодчего? Это был одноэтажный дворец, значительно вытянутый в длину. Следует отметить, что на это обстоятельство обращали внимание и современники. Например, Берк не преминул пройтись вдоль дворца, подсчитывая свои шаги: «...в длину не менее 150 шагов»⁴, – записал он в своем дневнике.

Летний деревянный дворец резко отличался от дворца Петра I, стоявшего на берегу Фонтанки. Растрелли выделил центральную часть здания, а от боковых крыльев устроил спуски к воде. По краю кровли проходила нарядная балюстрада, однообразный ритм которой нарушался фигурными резными украшениями и декоративной скульптурой. Часто расположенные окна, украшенные наличниками, и колонны значительно обогатили фасады дворца, придав ему характер барочного сооружения.

После завершения строительства дворца новая резиденция императрицы приобрела функцию своеобразного «невского фасада», через который можно было пройти в Летний сад.

До нас дошло несколько планов дворца Анны Иоанновны, и большинство из них – из знаменитой стокгольмской коллекции камер-юнкера Берхгольца. Примечательна надпись на одном из них, сделанная владельцем: «*Фасад большого деревянного летнего здания в том виде, как он построен по воле императрицы Анны на реке Неве посередине императорского сада, и где не только она умерла, но и герцог Бирон имел несчастье быть арестованным*»⁵.

Как мы помним, по свидетельству Растрелли, дворец имел 28 апартаментов. Из других источников известно, что в 1741 году – уже после смерти императрицы – во дворце были следующие покои: антикамера (где принимали послов); комедия; обер-гофмаршальские помещения, спальня императрицы, большая императорская зала, 10 покоев герцога Бирона, 4 покоя, которые занимал его сын Петр; покои фрейлин; контора для письмоводства; казенные палаты,

Фасад и план Летнего дворца.
Авторское повторение Ф. Растрелли чертежа 1732 г. Варшава

где хранились палатные уборы; оружейные палаты. Также упоминается, что опочивальня Бирона была обита коврами⁶.

Это самое подробное описание внутренних апартаментов Летнего дворца, которое мы имеем на сегодняшний день. Поэтому на нем стоит остановиться особо. На пла-

парадная опочивальня. Здесь на плане показана кровать под балдахином. В восточном корпусе дворца, выделенном ризалитом, находился самый большой зал дворца. Судя по описанию, во дворце предполагалась «комедия», то есть зал для театральных представлений. Очевидно, «комедией» служил именно этот большой зал в восточном корпусе здания. Садовую анфиладу составляли помещения меньшего размера. Возможно, там находились жилые покои; причем они группировались апартаментами, разделенными прихожими и имевшими выход в сад. Поскольку в Невской анфиладе располагалась парадная опочивальня, то можно предположить, что в Садовой анфиладе находилась вседневная опочивальня, в которой императрица и скончалась. Апартаменты Бирона также выходили окнами в сад и примыкали к императорским: это подтверждается сообщением подполковника Манштейна, арестовавшего герцога.

Анна Иоанновна впервые переехала в свою Летнюю резиденцию сразу после свадьбы брата своего фаворита – Густава Бирона с княжной Меншиковой, отпразднованной в Зимнем дворце в первый день лета 1732 года. Разумеется, это событие не могло остаться незамеченным для «Санкт-Петербургских ведомостей», которые торжественно сообщали: «В Санкт-Петербурге 1 дня июня около 1 часа по полудни переехала

Императрица Анна Иоанновна

не деревянного дворца Анны Иоанновны, выполненном с копии чертежа 1732 года⁷, ясно видно, что здание заключало в себя две анфилады зал. Помещения северной анфилады выходили окнами на Неву, а южной – в сад. Невскую анфиладу составляли залы больших размеров – это была парадная анфилада дворца. По оси здания располагался, по-видимому, тронный зал. В нем на плане дворца показано тронное место. Далее на запад, через три помещения, находилась

Е.И.В. из своих палат... в императорский Летний дворец, причем с крепости и с адмиралтейства из многих пушек выпалено, так же как и 3 изрядно вызолоченные яхты введены»⁸. Этому событию предшествовал строжайший указ «о запрещении прохода через Летний сад и постановке там специального караула».

Любопытные сведения о Летнем дворце и Анне Иоанновне остались в воспоминаниях пленного французского офицера Агея де Миона, доставленного в Петербург в 1734 году. Этот интересный источник, обойденный вниманием исследователей, носит довольно интригующее название: «Исторический дневник замечательных событий, происшедших с полками Перигорским, Ла-Маршским и Блезауским, когда французский король послал их на помощь королю польскому; описание и путешествие в Московию, пребывание в этой стране, возвращение во Францию после бесконечных опасностей и чрезвычайных усталостей, как на земле, так и на море в продолжение 1734 года»⁹.

История французского отряда, осажденного русскими войсками в Данцинге, и взятия его в плен русским главнокомандующим Минином малоизвестна, и тем любопытнее воспоминания о том событии Агея де Миона, одного из участников неудачной военной экспедиции. Главный интерес его мемуаров заключается в описании придворной жизни времен Анны Иоанновны, так как, находясь в плену, французский офицер посетил Петербург и был представлен императрице. Это произошло 10 октября 1734 года, когда перед отправкой французов на родину Анна Иоанновна дозволила некоторым офицерам посетить свой Летний дворец. В их числе находился и Агей де Мион. Его наблюдения чрезвычайно любопытны: нигде более мы не найдем такого живого и подробного рассказа о дворе императрицы.

«...Хотя этот дворец был деревянным, — писал Агей де Мион, — но так хорошо выкрашен, что его можно было бы принять за каменный. Передний его фасад выходил на реку, с остальных трех сторон его окружали сады с прекрасными ста-

Эрнст Иоганн Бирон (1690–1772).
Гравюра Соколова. 1740 г.
По образному выражению Штелина, «за ссылкой оригинала в Сибирь она осталась незаконченной»

туями, прелестными боскетами и фонтанами... Прежде всего нас провели в Кабинет, т. е. в то помещение дворца, где принимает министр граф Остерман... Он сам проводил нас в императорские апартаменты, и мы были удивлены необычайным блеском как придворных особ, так и придворной прислуги... Мы нашли, что императрица отличалась величественным видом, прекрасной фигурой, смуглым цветом лица, черными волосами и бровями, большими навывкате глазами такого же цвета и многочисленными рябинами на лице; она была причесана по-французски, и в волосах ее было много драгоценных камней. На ней было золотое парчовое платье с огненным оттенком и сшитое по французской моде, на роскошной ее груди виднелась большая бриллиантовая корона. Через несколько минут царица вернулась в шелковом платье, которое она, вероятно, надела по той причине, что было очень жарко. Эти комнаты отапливаются печками, которые находятся под полом. Т. к. в печках жгут благоуханные ароматы, то в комнате и тепло, и приятно благоухает... Между прочим, мне очень понравилась красивая и любопытная фигура из слоновой кости и из черного дерева; она изображала жертвоприношение Авраама. Наш визит продолжался очень долго, и

ея величество осыпало нас милостями. Пожелав узнать, что нас всего более поразило во дворцах и арсеналах, она в ответ на наш рассказ приказала прислать нам картинки того, что нам понравилось, но, признаюсь, что эти картинки были очень посредственными по исполнению»¹⁰.

Стоит обратить внимание на слова Агея де Миона о печном отоплении, которое проходило под полом Тронного зала. Возможно, речь шла о так называемом пневматическом отоплении. Его особенность заключалась в том, что такое отопление было совмещено с приточной вентиляцией: топочные газы отдавали свое тепло воздуху, который шел по каналам, проведенным под полом. Через специальные душики нагретый воздух выходил в помещение, позволяя, таким образом, охватывать теплом сразу всю площадь зала. Можно предположить, что именно эта особенность отопления деревянного дворца позволяла Анне Иоанновне дольше оставаться в своей Летней резиденции.

Интересные сведения о Летнем саде и дворце императрицы нам оставил датский путешественник Педер фон Хавен, побывавший в столице в 1736 году. Он сообщал, что никто не мог в Петербурге пройти или проехать мимо какого-либо дворца, не обнажив головы, независимо от того, виден кто-то в окне или нет. Это относилось и к тем, кто проезжал или проплыл мимо резиденции Анны Иоанновны. «Далее — Летний дворец, — пишет Хавен, — названный так потому, что в нем жила императрица. Этот дворец тоже стоит на берегу реки. Он выстроен из дерева, одноэтажный, однако также красиво раскрашен и имеет столь частые окна из зеркального стекла, благодаря чему с реки можно видеть исключительно дорогую драпировку в покоях, что здание скорее похоже на увеселительный дом, чем на дворец»¹¹.

Представляет интерес также сообщение Берка, что к 1735 году горожане уже могли изредка поселиться в Летнем саду. В дни комедии, когда действовали фонтаны, некоторому количеству простого народа еще дозволялось войти в сад, а в остальное время импе-

ратрица желала прогуливаться по саду со своими фрейлинами одна.

Большим неудобством для прибывающих ко двору была, как ни странно, необходимость идти через сад; посетителям запрещалось проходить слишком близко к зданиям (возможно, из опасения, что особенно любопытные будут заглядывать в окна). В дождливую погоду по этому случаю особенно страдали знатные особы: им запрещалось проводить с собой в сад слуг. Уже упомянутый нами ученый швед Берк приводит случай, когда такой порядок чуть не спровоцировал дипломатический скандал: австрийский дипломат граф Остейн хотел войти в Летний сад вместе со своими слугами, которые должны были нести над ним дождевой плащ. Однако караул воспрепятствовал этому, и граф, развернувшись, отказался от посещения императорской резиденции. После этого был дан приказ пускать слуг министров и дипломатов, если они нужны.

Анна Иоанновна жила в Летнем дворце по установленному порядку – с начала мая до конца сентября (исключая несколько недель в июне и июле, проводимых в Петергофе). Императорский двор всегда с особой пышностью перебирался в Летний дворец. Анна Иоанновна плыла по Неве под громы пушечных выстрелов на золотой шестнадцативесельной яхте с великолепной каютой в виде комнаты, украшенной зеленым бархатом.

Блестящие встречи и приемы в Тронном зале Летнего дворца, описанные европейскими очевидцами, – только одна сторона медали. Не менее интересно узнать, как протекала частная жизнь императрицы в стенах ее любимой резиденции.

Анна Иоанновна вставала между семью и восьмью часами утра. Сначала ее посещала госпожа Бирон, с которой императрица была очень дружна. Их покои находились рядом. Они пили кофе и угощались шоколадом, поднесенным одной из комнатных фрейлин. В девятом часу, когда императрица уже оделась, в приемную приходил священник с группой певчих и отправлял богослужение. Иногда императрица развлекалась. Это

были прогулки на санях, травля волков и медведей и ружейная стрельба по птицам, на которой надо остановиться особо, так как это любимое занятие Анны Иоанновны принесло ей широкую славу «петербургской Дианы». В документах часто встречаются известия о том, что кроме частых выездов на охоту императрица любила пострелять из ружья из окон своего дворца, обращенных в сад. Для этой цели из специальных клеток выпускали большое количество птиц. Анна Иоанновна стреляла отлично, почти без промаха и часто убивала птицу влет. Можно сделать предположение, что во время таких забав вход в Летний сад перекрывался и всякая жизнь в нем замирала...

Приготовление ко двору ружей, которые преимущественно изготавливались на Сестрорецком заводе и отличались богатой отделкой – золотыми насечками и фигурными ложами, лежало на обязанности канцелярии егермейстерских дел. Порох для императрицы выписывался из Гданьска; ружья заряжались обер-егерем и притом особым способом: пули вкладывались в гильзы, которые смазывались салом. Иногда императрица стреляла из лука, для чего в Летнем саду были устроены мишени.

В обыкновенные дни, когда не было при дворе приемов, императрица любила проводить время в комнате Бирона или у себя в спаль-

не среди шутов, которых было великое множество. Все они были обязаны болтать без умолку, и Анна Иоанновна просиживала долгие часы, слушая их потешные и бессмысленные разговоры. Личностей, обладавших завидным для многих даром говорить, не уставая, всякий вздор, разыскивали по всей России и немедленно препровождали ко двору. Сохранилось несколько собственноручных писем Анны Иоанновны, доказывающих ее заботливость о пополнении своего интересного штата разными болтунями. Так, например, императрица писала в Москву, что «у вдовы Загряжской Авдотьи Ивановны живет одна княжна Вяземская, девка, и ты ее сыщи, только чтоб она не испугалась, то объяви ей, что я беру ее из милости, и в дороге вели ее беречь, а ее беру для забавы, как сказывают, что она много говорит»¹².

В свои комнатные фрейлины государыня выбирала преимущественно таких девиц, которые имели хорошие голоса. Когда императрица оставалась в своей опочивальне, фрейлины должны были сидеть в соседней комнате и заниматься вышиванием и вязанием. Соскучившись, Анна Иоанновна отворяла к ним дверь и говорила: «Ну, девки, пойте!», и девки пели до тех пор, пока государыня не кричала: «Довольно!». Иногда она требовала к себе гвардейских офицеров с женами и приказывала им плясать по-русски и водить хороводы, в которых заставляла принимать участие и присутствовавших вельмож. Анна Иоанновна вообще была очень строга к своим приближенным. Так, например, однажды две фрейлины, сестры Салтыковы, которых она заставила петь целый вечер, осмелились наконец заметить ей, что они уже много пели и устали. Императрица, не терпевшая никаких возражений, до такой степени разгневалась на бедных девушек, что тут же отправила их на целую неделю стирать белье на прачечном дворе.

Переходя к драматическим событиям, имевшим место в Летнем дворце в 1740 году, – к смерти Анны Иоанновны и последовавшим за тем арестом Бирона, следует отметить, что императрица настолько привязалась к своему

Петр Бирон, курляндский принц, впоследствии уступивший Курляндию России. 1739 г. (Каравакк?)

фавориту, что перенесла свою привязанность на его детей. Она сама выбирала для них гувернеров и учителей, присутствовала на занятиях, спрашивала уроки. Обычно суровая и строгая, Анна Иоанновна совершенно преображалась среди маленьких Биронов – целыми вечерами играла с ними в мяч, пускала змей, выдумывала разные забавы и скоро избаловала их до такой степени, что они сделались истинным бичом для всех придворных. Любимое занятие этих шалунов состояло в обливании чернилами и вином парадных костюмов вельмож, являвшихся в Летний дворец, и срывании с них париков... Однажды девятилетний Карл бегал по большой дворцовой зале с хлыстом в руке и бесцеремонно бил собравшихся здесь придворных; между прочим, он жестко стеганул старого и почтенного генерал-аншефа князя И. Ф. Баратнянского. В ту минуту в зал вошел сам Бирон. Раздраженный князь пожаловался ему на дерзкую выходку сына и заметил, что если подобные шалости будут повторяться, то приезд ко двору сделается невозможным. Бирон вспыхнул: «Если вы недовольны, то можете подать в отставку; ручаюсь, что вы ее получите!» Князь Баратнянский в отставку не подал.

Почти все мемуаристы сообщали, что доступ к императрице был невозможен без вельможи курляндского герцога. Французский посланник маркиз де Шетарди даже отмечал, что герцог и императрица спят в одних покоях. Иллюзией того, что Бирон и Анна Иоанновна живут вместе, возможно, являлось то обстоятельство, что покои Бирона и императрицы были смежными – их спальни имели один выход. Однако разговоры относительно близости бироновских апартаментов к императорским не прекращались и даже являлись причиной следственных дел: в 1734 году в застенки попали несколько придворных служителей. Один из них, Коноплев, обвинялся в словах: «Я видел, что ныне обер-камергер (Бирон. – А. Е.) с государыней во дворце при великих персоне сидел на стуле и держал-де ее величество за руку, а у нас-де ныне князь Иван Юрьевич Трубецкой, генерал-фельдмаршал,

Бурхард Миних

и князь Алексей Михайлович Черкасский исстари старые слуги, а они все стоят!» На это другой служитель Орлов отвечал: «Далеко кому такой милости искать – ведь обер-камергер недалеко от государыни живет»¹³.

Анна Иоанновна скончалась в октябре 1740 года от сильнейшего приступа мочекаменной болезни. Тогда же, в октябре, в стенах Летнего дворца произошло еще одно важное событие: в силу завещания императрицы Бирон был признан регентом малолетнего императора Иоанна Антоновича.

Долгое время оставалось невыясненным то обстоятельство, почему Бирон задерживался с переездом из Летнего дворца в Зимний. Но нам удалось установить, что причина была довольно прозаической – у регента тяжело болел сын. Об этом сообщил прусский посланник барон Мардельфельд: «Герцог еще в Летнем дворце и остается там до тех пор, пока не поправится его наследный принц, который в настоящее время опасно болен»¹⁴. То обстоятельство, что Бирон был вынужден оставаться в Летнем дворце, возможно, и сыграло роковую роль в его судьбе. Не вдаваясь в причины этого дворцового переворота, отметим, что он прошел блестяще, как проходили почти все предприятия Миниха. «Здесь никто 8 ноября, ложась в постель, не подозревал, что узнает при пробуждении 9-го»¹⁵, – писал английский посланник Э. Финч.

...Заручившись поддержкой правительницы Анны Леопольдовны, Миних под покровом ночи с небольшим отрядом караульных направился к Летнему дворцу, где еще находилось тело покойной императрицы. Шагов за двести от дворца отряд был окликнут часовыми. Фельдмаршал послал вперед своего офицера, подполковника Германа Манштейна, который, зайдя в караульную при Летнем дворце, объявил монаршую волю об аресте Бирона. Дальнейшее мы знаем из записок самого Манштейна, блестящего офицера, впоследствии погибшего в Семилетней войне.

Пропущенный часовыми офицер благополучно прошел через сад внутрь дворца. Не зная, однако, в какой комнате спал герцог, подполковник оказался словно в лабиринте, состоявшем из коридоров, залов и покоев. Чтобы избежать шума и не возбуждать подозрений, он ни у кого не спрашивал дорогу, хотя встретил несколько слуг, дежуривших в прихожей. После минутного колебания Манштейн прошел дальше по коридорам, пока не очутился перед комнатой, запертой на ключ. По словам офицера, она была двустворчатая, и слуги забыли задвинуть верхние и нижние задвижки. Толкнув ее, Манштейн вошел в покои Бирона, где нашел его спящим на кровати вместе со своей супругой.

Подойдя к кровати, подполковник отдернул занавесы и сказал, что имеет дело до регента. Бирон соскочил с кровати и принялся громко звать на помощь, но Манштейн бросился на него и держал до тех пор, пока в покои не ворвались другие офицеры. Герцог отчаянно сопротивлялся и колотил кулаками направо и налево. Раздраженные офицеры пустили в ход ружейные приклады, повалили Бирона на пол, связали ему руки шарфом и, прикрыв голого герцога шинелью, снесли до гауптвахты. Оттуда на карете Миниха пленника увезли в Зимний дворец.

«В то время, когда солдаты боролись с Бироном, – сообщает Манштейн, – герцогиня соскочила с кровати в одной рубашке и выбежала за ним на улицу, где один из солдат взял ее на руки, спрашивая Манштейна, что с нею делать; он

приказал отнести ее обратно в ее комнату, но солдат, не желая утруждать себя, сбросил ее в снег и ушел»¹⁶.

Подтверждение этому драматическому эпизоду мы находим, как ни странно, в «Статистическом отчете города Ельца за 1866 год», где помещен рассказ одной старушки, мать которой была обедневшей дворянкой, служившей в Летнем дворце. «Матушка моя жила у Бирона в последние годы его силы и власти, – говорится в воспоминаниях. – Бироны жили очень роскошно; одних бриллиантов у его жены было более чем на 2 миллиона рублей, да перед самым свержением она заказала платье, унизанное жемчугами, ценою в 100 тысяч рублей. Про это самое свержение матушка рассказывала, что ночью услышала страшный шум в спальне, вбежала туда и увидела, как Бирона в одной рубашке тащили солдаты на улицу, а когда посадили в карету и увезли, то его жену отыскиали в снегу»¹⁷.

Герб Бирона, украшавший фронтон Летнего дворца, на следующее утро был сорван и, по некоторым сведениям, в 1847 году еще хранился в Сенатском архиве. За одну ночь власть в стране переменилась. «Вчера был пароль Иоанн, сегодня Анна»¹⁸, – записал английский посланник Э. Финч.

Манштейн впоследствии сам удивлялся успеху этого ночного переворота, принимая в расчет меры, предпринятые Бироном для своей безопасности. Регент строжайше запрещал караульным офицерам впускать кого бы то ни было во дворец после того, как он ляжет спать; в случае сопротивления ослушника велено было убивать. В дворцовом саду под окнами спальни герцога находился пикет из сорока рядовых офицеров; весь дом был окружен часовыми. «Если бы, – говорил Манштейн, – хоть один человек подумал об исполнении своего долга, мы бы, наверное, не успели»¹⁹.

Больше Бирон никогда не переступал порог Летнего дворца, хотя спустя полтора года после ареста такая возможность ему чуть не представилась. Анна Леопольдовна, думавшая амнистировать герцога и вернуть его из сибирской ссылки, первоначально полагала,

что он прибудет в Петербург. В Летнем дворце даже одно время все было готово к приему Бирона. Так, в июле 1741 года граф Левенвольд приказал «те 10 покоев, в которых жил бывший герцог Курляндский, и те 4 покоя, где жил его сын Петр... обить теми же обоями, которыми они были обиты в 1740 году, и поставить в них столы и зеркала по-прежнему»²⁰.

Фрагмент китайских обоев (ГРМ. Летний дворец Петра I. Танцевальная зала)

Эта работа была поручена заведующему уборами Летнего сада гардмебелю Исаеву. 14 июля того же года последовал устный приказ Анны Леопольдовны: «...в помянутых убранных покоях поставить для прибытия в оные его высочества герцога Курляндского и прием будущих надлежащее число кроватей со всеми уборами, також и постелей штофных камчатых и прочих без уменьшения, а чего из оных вещей в оном Летнем доме в наличии не имеется, то взяв привезти в оный из Петергофа для его величества»²¹. Спальню Бирона предполагалось, как прежде, обить коврами. Но герцог появился в Петербурге только спустя 20 лет, когда Летний дворец уже был разобран. Тогда же впервые в шумной веселой толпе, окружавшей Петра III, Бирон встретил Миниха. По сообщениям французского автора Рюльера, «император подозвал их и уговаривал вместе выпить. Оставшись одни и надеясь,

что он забыл про них, старинные враги долгим, пристальным взглядом смерили один другого с головы до ног и, не дотронувшись до вина, повернулись спиной друг к другу и разошлись»²².

Переходя к «послебирионовской» эпохе Летнего дворца, следует признать, что это пока «темная страница» в истории примечательного здания Растрелли. Пока мы не можем сказать, кто жил в Летнем дворце в первой половине 1740-х годов, какие здесь происходили знаменательные события. Несомненно одно: монаршая семья никогда более не рассматривала этот дворец как свою летнюю резиденцию.

Следующая и последняя эпоха в истории Летнего дворца связана с преобразованием Екатерингофской усадьбы. Летний дворец, который по своим размерам превосходил Екатерингофский, был разобран и перевезен на барках в Екатерингоф, где в виде двух флигелей был пристроен к дворцу. Все эти постройки были объединены общей террасой с балюстрадой. Проект переноса Летнего дворца осуществлял голландский инженер Харман ван Болес.

Обычно исследователи, занимающиеся историей Екатерингофского дворца, относят это событие к 1745 году. Это не совсем верно: в 1745 году состоялось только высочайшее повеление о переносе Летнего дворца в Екатерингоф. Но сам дворец был перевезен лишь в 1748 году. В июле этого года Харман ван Болес доносил, что «Старый Летний дом» разобран, разделен на 4 части и перевезен в Екатерингоф.

Как известно, Екатерингофский дворец сгорел в 1926 году. Однако, судя по документам, последние части деревянного Летнего дворца Анны Иоанновны погибли гораздо раньше. В августе 1779 года было решено разобрать флигели Екатерингофского дворца, после чего подпоручику Вуншу поручили «приступить к перерубке в дрова негодного лесу и перевозке годного лесу в Петергоф...»²³.

Возвращаясь к нашему времени, можно предположить, что единственные подлинные предметы, украшавшие когда-то интерьеры Летнего дворца и дошедшие до нас, – это китайские шелковые обои, хранящиеся в экспозиции

Меншиковского дворца и дворца Петра I в Летнем саду. Обои датируются началом XVIII века и, по предположению Н. В. Калязиной, были приобретены в 1722 году во время посольства капитана Измайлова в Китай.

В Эрмитаж и в Летний сад обои поступили в 1948–1951 годах из Государственного музея этнографии СССР по акту, в котором они значатся как «китайские обои со стен Екатерингофского дворца с росписью по белому шелку, подклеены на бумагу»²⁴. Основанием для такой записи послужила наклейка, обнаруженная на оборотной стороне одного из кусков обоев: «*Инвентарь Зимнего дворца № 810, собой со стен комнаты № 10, вниз лестницы, Екатерингофский дворец*»²⁵.

Н. В. Калязина, а позже и М. Л. Рудова полагали, что обои первоначально предназначались для украшения интерьеров Новых лет-

них палат Петра I или, точнее, дворца Екатерины I в Летнем саду. Однако исследовательницы перепутали дворец Екатерины I с Летним деревянным дворцом Анны Иоанновны. Н. В. Калязина писала, что Новые летние палаты Петра I были разобраны при Елизавете Петровне и вместе с обоями перенесены в Екатерингоф. Но дворец Екатерины I, примыкавший к дворцу Анны Иоанновны, был разобран только в конце XVIII века в связи со строительством ограды Летнего сада.

Также трудно представить, что на протяжении существования Летнего дворца Анны Иоанновны дорогие китайские обои находились в соседних Летних палатах, в которых жила прислуга и даже располагалась дворцовая прачечная. Не эти ли обои видел датский путешественник Педер фон Хавен, проходя мимо окон Летнего дворца императрицы Анны? Он упоминает «исключительно дорогую дра-

пировку в покоях, что здание скорее походило на увеселительный дом, чем на дворец»²⁶.

Каким же образом китайские обои могли попасть в Екатерингоф? Наверное, стоит согласиться с названными выше исследователями, которые полагают, что обои оказались в Екатерингофе в связи с разбором дворца в Летнем саду, только с оговоркой, что этим дворцом были не Летние палаты Екатерины I, а деревянный дворец Анны Иоанновны.

Как мы уже знаем, китайские шелковые обои счастливо избежали пожара и к нашему времени стали поистине бесценны. Это разве не чудо, что спустя два столетия в Летний сад вернулись изящные панно, когда-то украшавшие деревянный дворец императрицы? Они явились нам словно отголоском той блестящей и одновременно смутной эпохи, которую мы называем эпохой Анны Иоанновны.

¹ Батовский З. Архитектор Ф.-Б. Растрелли о своих творениях. СПб., 2000. С. 71.

² Там же, примеч. Ю. М. Денисова. С. 7.

³ Беспятовых Ю. Н. Петербург Анны Иоанновны в иностранных описаниях. СПб., 1997. С. 163.

⁴ Там же. С. 141.

⁵ Денисов Н., Петров А. Зодчий Растрелли. Л., 1963. С. 155. Чертеж: Фасад Летнего дворца Анны Иоанновны со стороны Невы. Фиксационный чертеж 1740-х гг. Стокгольм, NM, THS. № 149.

⁶ Успенский А. И. Художественные сокровища России. 1903. № 2–3. С. 103.

⁷ Денисов Н., Петров А. Указ. соч. С. 32. Чертеж: План Летнего дворца Анны Иоанновны. Копия с чертежа 1732 г. Варшава, НБ, А R-74/3 (табл. 14).

⁸ С.-Петерб. ведомости. 1732. 1 июня. С. 19.

⁹ Ист. вестн. 1899. С. 712.

¹⁰ Там же. С. 719.

¹¹ Беспятовых Ю. Н. Указ. соч. С. 354.

¹² Елпатьевский К. В. Сборник бытовых очерков и истории. СПб., 1908. С. 432–434.

¹³ Маркиз де Шетарди в России. СПб., 1862. С. 51.

¹⁴ Внутренний быт русского государства с 17-го октября 1740 года по 25-е ноября 1741 года. М., 1880. Кн. 1. С. 87.

¹⁵ Там же. С. 191.

¹⁶ Записки Манштейна о России. 1727–1744. СПб., 1875.

¹⁷ Русский архив. 1866. С. 362–363.

¹⁸ Дворцовые перевороты в России. 1725–1825. Ростов н/Д, 1998. С. 178.

¹⁹ Отеч. зап. 1858. Т. CXVIII: События в Петербурге в 1740–1741 гг. С. 395.

²⁰ Зап. Имп. Моск. археол. о-ва. 1913. Т. 24. С. 117.

²¹ Там же. С. 118.

²² Русский архив. 1877. Т. 2. С. 357.

²³ РГИА. Ф. 470. Оп. 5. Д. 707. Л. 26.

²⁴ Рудова М. Л. Китайские обои первой четверти XVIII в. во дворце Меншикова // Проблемы русской культуры XVIII в. СПб., 2001. С. 80.

²⁵ Там же. С. 80.

²⁶ Беспятовых Ю. Н. Указ. соч. С. 354.

Военно-морской парад на Неве

П. Ф. Деряшев

На рассвете 11 июля 1957 года для участия в традиционном военно-морском параде в Ленинграде, посвященном календарной дате – Дню Военно-морского флота СССР, в Большую Неву вошел отряд кораблей Краснознаменного Балтийского флота.

На широком рейде, между Дворцовым и Кировским мостами, встали на бочки флагман – крейсер «Орджоникидзе», эскадренные миноносцы, сторожевые корабли, подводные лодки.

На рассвете 12 июля в Большую Неву между Дворцовым мостом и мостом Лейтенанта Шмидта вошли отряд кораблей Северного флота, возглавляемый крейсером «Александр Невский», и отряд кораблей Черноморского флота, возглавляемый крейсером «Михаил Кутузов», которые встали на бочки в кильватерной колонне.

На торжества военных моряков в Ленинграде были приглашены военно-морские и военные делегации Албании, Бирманского Союза, Болгарии, Венгрии, Демократической Республики Вьетнам, Германской Демократической Республики, Египта, Индии, Индонезии, Ирана, Китайской Народной Республики, Корейской Народно-Демократической Республики, Польши, Румынии, Сирии, Турции, Финляндии, Чехословакии, Швеции, Югославии.

13 июля в Ленинград на празднование Дня Военно-морского флота СССР прибыл член Президиума ЦК КПСС, министр обороны СССР, Маршал Советского Союза Г. К. Жуков.

К тому времени уже почти 20 лет ежегодно в одно из воскресений июля военные моряки нашей Родины отмечали календарный

праздник – День Военно-морского флота СССР, учрежденный постановлением СНК СССР и ЦК КПСС 22 июня 1939 года в целях «мобилизации широких масс трудящихся вокруг строительства рабоче-крестьянского военно-морского флота СССР и стоящих перед ним задач».

Никогда военно-морской праздник в Ленинграде не был таким грандиозным, как 14 июля 1957 года.

В тот день в Ленинграде с утра была солнечная погода. На Дворцовой набережной, напротив которой на рейде возвышался флагман парада – крейсер «Орджоникидзе», собрались тысячи трудящихся города-героя.

Сотни тысяч ленинградцев заполнили набережные Робеспьера и Красного флота, мосты Лейтенанта Шмидта, Дворцовый и Кировс-

Фото П. Ф. Деряшева

кий, пляж у Петропавловской крепости, были они и у величественного здания Центрального военного-морского музея. Жильцы домов, чьи окна выходили на Большую Неву – один из основных рукавов дельты Невы, вооружались биноклями для наблюдения за военно-морским парадом.

Боевые корабли и набережные были украшены пестрыми флагами расцвечивания на фалах.

Немного в стороне от кильватерного строя боевых кораблей – участников парада стоял на вечной стоянке крейсер «Аврора», с которого по традиции начинался военно-морской парад.

К 11 часам на борт крейсера «Аврора» с Петровской набережной поднялись член Президиума ЦК КПСС, министр обороны СССР Маршал Советского Союза Г. К. Жуков, член Президиума ЦК КПСС, первый секретарь Ленинградского областного комитета КПСС Ф. Р. Козлов, главнокомандующий ВМФ СССР адмирал С. Г. Горшков, командующий военно-морским парадом адмирал И. И. Байков, командующий войсками Ленинградского военного округа генерал армии М. В. Захаров, первый секретарь Ленинградского городского комитета КПСС И. В. Спиридонов и другие.

Командующий военно-морским парадом адмирал И. И. Байков отдал рапорт министру обороны СССР. Прозвучал гимн Советского Союза. Г. К. Жуков обошел почетный караул, поприветствовал и поздравил моряков почетного караула, выстроившихся на борту крейсера, с Днем Военно-морского флота СССР.

...11 часов. Белоснежный катер «Альбатрос» покинул старинную Петровскую набережную. На его борту – Г. К. Жуков, Ф. Р. Козлов, С. Г. Горшков, М. В. Захаров, И. И. Байков, И. В. Спиридонов, И. И. Смирнов.

«Альбатрос», а за ним и «Буревестник» с иностранными гостями направились к парадному строю кораблей. Министр обороны СССР поздравил с Днем военно-морского флота СССР матросов, старшин и офицеров, выстроившихся в парадном строю на бортах подводных лодок, сторожевых кораблей, эсминцев и крейсеров.

От корабля к кораблю в ответ гремело тоекратное «Ура!». С бортов крейсеров «Александр Невский» и «Свердлов» неслись звуки оркестров.

Аплодисментами и приветственными возгласами провожали ленинградцы катер принимавшего парад министра обороны СССР Маршала Советского Союза Г. К. Жукова. Закончен обход кораблей. «Альбатрос» подошел к борту крейсера «Орджоникидзе».

Г. К. Жуков поднялся на борт флагмана, оркестр которого играл «Встречный марш». Г. К. Жуков, проходя вдоль матросских шеренг, направился на ют корабля, откуда в присутствии иностранных гостей и сопровождавших его лиц произнес речь. С удовлетворением слушали и неоднократно прерывали ее аплодисментами десятки тысяч ленинградцев, стоявших на Дворцовой набережной.

Когда ровно в полдень Г. К. Жуков закончил речь, мимо флагманского крейсера на большой скорости началось торжественное прохожде-

ние торпедных катеров. Одновременно с востока над Невой возник ровный гул, который стремительно нарастал, через мгновение низко над кильватерной колонной боевых кораблей в четком строю, словно слитые воедино, звено за звеном пронесли в сторону Финского залива тройки бомбардировщиков и пятерки истребителей.

Военно-морской парад был окончен. Впечатления от него были настолько сильные, что на Дворцовой набережной и среди гостей на флагмане – крейсере «Орджоникидзе» – долгое время слышался одобрительный говор.

Автору этих строк, находившемуся тогда на Дворцовой набережной, довелось своим фотоаппаратом запечатлеть полет звеньев реактивных бомбардировщиков. Мне также запомнились высказывания стоявших рядом зрителей: «Вот это сила!», «Вот это мощь!». То были дальние бомбардировщики ТУ-16.

После торжественного прохождения торпедных катеров начался большой водно-спортивный праздник: традиционные гонки шестивесельных ялов,хождение спортивных гребных судов.

В дальнейшем было организовано посещение кораблей воинами армии и трудящимися города.

Вечером над праздничным Ленинградом прогремел салют из 21 артиллерийского залпа кораблей в честь нашей Родины – великой морской державы и ее доблестных воинов.

С той поры прошло 50 лет, а память и сердце хранят те воспоминания, словно парад был только вчера...

Не вычеркнуть из памяти народной...

И. М. Корчевский

*...Воины! Пришел час,
который должен решить судьбу Отечества!*

Из обращения Петра I
к войскам накануне Полтавской битвы

Львовская городская общественная организация «Питер-клуб» выступила инициатором и организатором проведения литературно-исторической конференции «Львов и Петербург на переломе эпох» к 300-летию пребывания Петра I в Западной Украине.

В дни празднования 750-летия Львова было подписано соглашение о сотрудничестве самых европейских городов Украины и России – Львова и Санкт-Петербурга, один из пунктов которого предусматривает проведение «Дней Санкт-Петербурга во Львове» в 2007 году. И Совет «Питер-клуба» решил подготовить общественность к этому значительному событию в жизни города.

Созданный из историков и других специалистов оргкомитет с

усердием взялся за дело. Сказать, что подготовка конференции прошла гладко и без видимых и ощутимых препятствий, – погрешить против истины. Всякое было... Но ни отказы, ни отфутболивание от кабинета к кабинету не остановили подготовку к конференции. Некоторые приглашенные историки элементарно испугались за свою дальнейшую судьбу (читай – работу), видимо под давлением сверху, и отказались от участия за 5 дней до открытия...

Тем не менее к 3 марта все было готово: и конференц-зал, любезно предоставленный директором Львовского исторического музея Б. Н. Чайковским, и шесть опытных докладчиков, и другие участники, без которых конференция была бы менее интересной.

В переполненном зале собрались представители львовской интеллигенции, члены «Питер-клуба», гости от национально-культурных обществ Львова, старшеклассники нескольких школ.

Среди почетных гостей конференции – Генеральный консул России во Львове Е. Ф. Гузеев, консул-советник А. И. Вранчану, генерал-лейтенант Л. В. Тимин, председатель Белорусской общины Львовской области генерал-майор С. В. Куликов. К сожалению, никак не отреагировали на приглашение чиновники из мэрии Львова.

Открывая конференцию, председатель оргкомитета и «Питер-клуба» И. М. Корчевский сделал акцент на значении возрождающихся связей между северной столицей России и крупным центром Западной Украины – городом Львовом. Своими корнями они уходят в конец XVII – начало XVIII века, когда Петр I отправился в Галицию для подготовки военных действий против шведской армии Карла XII.

О деятельности Петра I накануне Северной войны рассказал учитель истории средней школы № 45 Е. С. Гринчук. Музыкальной иллюстрацией к рассказу прозвучал «Гимн великому городу» из балета «Медный всадник» Р. Глиэра в исполнении С. Сухарева.

Очень интересный и обстоятельный доклад на тему «Нападение Карла XII на Львов в 1704 году» сделал руководитель отдела памятниковедения львовского института «Укрзападпроектреставрация» И. В. Семочкин. Были показаны в качестве иллюстрации фотографии и рисунки исторических мест Львова, а также картины ху-

В первом ряду третий слева Генеральный консул РФ во Львове Евгений Федорович Гузеев

дожников В. Добронравова и И. Щурова.

Следует отметить профессиональную работу руководителя учебного отдела Львовского филиала Киевского университета культуры В. И. Матрохина, который помогал всем докладчикам иллюстрировать их рассказы. Наряду с гремевшими в мире войнами, в салонах и дворцах Европы светское общество наслаждалось балами, танцами, музыкой. И в качестве примера прозвучал «Менуэт» В. Моцарта – один из модных танцев того времени.

Директор историко-архитектурного заповедника г. Жовквы М. В. Кубай с глубоким знанием материала рассказал о пребывании Петра I в замке этого города, где им разработан план подготовки разгрома шведов. Доклад был ярко завершен чтением «Обращения к малороссийскому народу» Петра I актером театра «Арбат» В. Сидлецким.

9 января 1707 года Петр I впервые посетил Львов. О том событии во Львовском государственном архиве хранятся подлинные документы. О них рассказала и показала их ксерокопии историк-архивист Н. Н. Царева. Она сопровождала свой рассказ показом фотографий, рисунков тех зданий, где останавливался Петр I.

Прекрасным шопеновским «Полонезом» в исполнении С. Сухарева завершилось музыкальное оформление конференции.

А что же происходило в то время в государствах Европы? Как складывалась политическая ситуация вокруг Северной войны?

Научный доклад, представленный учителем истории средней школы № 77 Э. Ю. Жигальцевым, дал полную картину международного положения на переломе веков.

Генеральный консул РФ во Львове Е. Ф. Гузев благодарит организаторов и участников за прекрасно проведенную конференцию.
Слева (сидит) председатель «Питер-клуба», председатель оргкомитета по проведению конференции И. М. Корчевский

Не лишним будет напомнить, что Э. Жигальцев в 2005 году был признан одним из лучших учителей истории г. Львова.

В завершение темы о разгроме шведской армии под Полтавой прозвучал отрывок из поэмы А. С. Пушкина «Полтава» в исполнении И. Корчевского.

О том, как увековечил Петр I свою знаменательную победу над шведами, создав в Петергофе в честь Полтавской виктории неповторимый, изумляющий до сих пор ансамбль Большого каскада с центральной статуей Самсона, раздирающего пасть льва, рассказала преподаватель истории, культуролог Ф. К. Благих.

В заключение председатель оргкомитета представил всех, кто вложил свой труд, знания, старания в осуществление задуманной цели. Были отмечены члены совета «Питер-клуба» В. Вакатов, Э. Смирнова, Т. Комарницкая, С. Винюкова, Н. Яворская.

Теплые слова благодарности прозвучали в адрес заведующего Музеем исторических ценностей члена «Питер-клуба» С. Богданова.

Генконсул России во Львове Е. Ф. Гузев высоко оценил уровень подготовки и проведения конференции, поблагодарил всех выступавших, отметив при этом современность темы и значение представленных материалов для жителей не только Львова, но и всей Украины, и предложил подготовить материалы конференции к выпуску печатного сборника о всех событиях во Львове и Жовкве в те далекие годы.

Вновь прозвучал «Гимн великому городу», конференция закончилась, но слушатели окружили всех, кто готовил это интересное и волнующее событие, поделились впечатлениями, благодарили членов оргкомитета, докладчиков, высказали свое мнение обо всем, что увидели и услышали.

АРАКЧЕЕВ Борис Серафимович – директор ГМИР.

БАСОВА Марина Владимировна – кандидат искусствоведения, старший научный сотрудник отдела истории православия ГМИР.

БАЧИНИН Владислав Аркадьевич – доктор социологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Социологического института Российской академии наук, руководитель научно-исследовательского центра Ассоциации «Союз Христиан».

БЕЗРОДИН Владимир Алексеевич – старший научный сотрудник научно-методического отдела ГМИР.

ВОЛЬФЦУН Ольга Владимировна – научный сотрудник отдела истории христианства на Западе ГМИР.

ДЕРИШЕВ Петр Федорович – пенсионер.

ЕПАТКО Андрей Юрьевич – научный сотрудник Государственного Русского музея.

ИВАНОВА Светлана Михайловна – заведующая отделом книжных фондов ГМИР.

КИРИЛЕНКО Анна Анатольевна – младший научный сотрудник отдела истории христианства на Западе ГМИР.

КОРЧЕВСКИЙ И. М. – председатель «Питер-клуба».

КОСТРОМИН Константин Александрович – кандидат богословия, священник Санкт-Петербургской епархии Московского патриархата, Свято-Исидоровская церковь, студент выпускного курса исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета.

МАЗУРИНА Валентина Николаевна – старший научный сотрудник отдела хранения фондов ГМИР.

ПОНОМАРЕВ Игорь Алексеевич – исследователь истории города, автор многих статей о прошлом Петербурга.

ПТИЧЕНКО Марина Викторовна – кандидат философских наук, старший научный сотрудник отдела истории христианства на Западе ГМИР.

РАШКОВА Раиса Тимофеевна – кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник отдела христианства на Западе ГМИР.

РЕВУНЕНКОВА Наталия Владимировна – доктор исторических наук, профессор, заведующая отделом истории христианства на Западе ГМИР.

ХАНУТИНА Зоя Викторовна – научный сотрудник отдела истории архаических и традиционных верований ГМИР.

ХИЖНЯК Ольга Семеновна – кандидат философских наук, старший научный сотрудник отдела истории религий Востока ГМИР.

ХРШАНОВСКИЙ Владимир Андреевич – кандидат философских наук, заведующий отделом истории архаических и традиционных верований ГМИР.

ЧЕКОДАНОВА Ксения Константиновна – заведующая научно-методическим отделом ГМИР.

ЧЕНСКАЯ Галина Анатольевна – старший научный сотрудник отдела хранения фондов ГМИР.

ЧЕРНЯК Илья Хацкелевич – кандидат исторических наук, заведующий отделом научной редакции ГМИР.

ЧУМАКОВА Татьяна Витаутасовна – доктор философских наук, профессор кафедры философии религии и религиозоведения факультета философии и политологии Санкт-Петербургского государственного университета.

ШАХНОВИЧ Марианна Михайловна – доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой философии религии и религиозоведения факультета философии и политологии Санкт-Петербургского государственного университета.

ЩЕРБАКОВА Татьяна Ивановна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории архаических и традиционных верований ГМИР.

ЮРКОВСКАЯ Людмила Алексеевна – архивист.

История Петербурга журнал

№ 5 (39) 2007

Корректор **Т. В. Королева**

Компьютерная верстка и дизайн обложки **Е. А. Тальянова**

Оригинал-макет подготовлен в издательстве «Нестор»

Подписано в печать 8.08.2007. Формат 60 x 84 1/8

Объем 12,5 п. л. Тираж 3000 (1-й завод 1–1800) экз.

Отпечатано в типографии «TOURUSSELL»,

Санкт-Петербург, Миллионная ул., д. 1. Лицензия ПД № 2-69-571.

Заказ № 12803

Цена свободная

ИСТОРИЯ Петербурга

Читайте в ближайших номерах

М. И. Кунките

По адресам польской консульской миссии в Ленинграде-Петербурге

Ю. А. Молин

Александр Григорьевич Гильяревский

Л. И. Бройтман

Год жизни отставного адмирала

А. А. Будко, Н. Г. Чижарева,

Л. Д. Иванова

Вклад С. П. Боткина в продвижение отечественных медиков и становление русской медицины

Л. М. Сарган

Культурная политика
правительственных верхов

И. В. Зилин, А. Н. Павлова

Императорские резиденции:
кладбища домашних животных

Б. Г. Шарон

Александр III и Российский
императорский флот